

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации»

На правах рукописи

Политов Виталий Викторович

**Отечественная историография влияния монголо-татарского ига на
социально-политические институты княжеств Северо-Восточной Руси**

Специальность 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы
исторического исследования

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор А.И. Комиссаренко

Москва – 2017

Оглавление

Введение.....	3
Глава I	
Дореволюционная историография	24
1. Летописные сведения и начало изучения «татарского вопроса»	24
2. Концепция Н.М. Карамзина, его последователи и критики.....	34
3. Государственная школа.....	46
4. Славянофилы и другие историки.....	59
Глава II	
Историография советского периода.....	77
1. Марксистская школа.....	77
2. Евразийская школа	121
Глава III	
Современная историография.....	143
1. Новейший этап исследования «татарского вопроса»	143
2. Региональная историография	177
Заключение	208
Библиография	223

Введение

Актуальность темы. Проблема воздействия татаро-монгольского ига на социально-политические институты княжеств Северо-Восточной Руси всегда привлекала внимание исследователей. Связано это, прежде всего, с тем, что монголо-татары оставили глубокий след в истории нашего государства после нашествия 1237 г. Споры о степени влияния иноземного владычества за годы зависимости русских княжеств от Орды продолжаются. После двух походов Батые на Северо-Восточную и Юго-Западную Русь ее княжества подпали под зависимость от Джучиева улуса, степень которой историки трактуют по-разному. В научной литературе первым привлек широкое внимание обывателей и ученых к этой важной проблеме Н.М. Карамзин.

Изучение историографии влияния монголо-татар на большинство сфер жизни древнерусского общества позволяет глубже понять взгляды историков на взаимоотношения Москвы и Золотой Орды на протяжении всего периода существования вассальной зависимости русских княжеств, выяснить как складывалось централизованное Российское государство и единодержавие в условиях зависимости от монгольских, а затем ордынских ханов, как менялся менталитет, образ жизни, традиции русского народа, его культурные и религиозные ценности. Как отмечают некоторые исследователи, влияние монгольского фактора коренным образом повлияло на структуру Российского государства и некоторые элементы ордынского воздействия мы ощущаем и по сей день. Другие ученые, напротив, считают, что монголо-татарское владычество не оставило заметного следа в жизни Древнерусского государства, а верховная власть хана, сидящего в Сарае, воспринималась населением как само разумеющееся явление, без какого-либо существенного народного сопротивления.

Важность изучения ордынского наследия диктуется также тем, что многие государства-осколки Золотой Орды вошли затем в состав Московского государства; на территории современной Российской Федерации и стран СНГ проживают народы, которые являются наследниками этнокультурных и социальных традиций золотоордынской цивилизации. Это требует от научного сообщества и государственных деятелей более внимательного отношения к истории национальных республик Российской Федерации, для которых Улус Джучи был «этнической колыбелью» – Татарстан, Башкирия, Чувашия, отчасти Крым. На примере изучения вопроса об ордынской зависимости историками Татарстана мы можем видеть, как порой национальные аспекты возвеличивания местной истории действуют в ущерб научной разработке данной проблемы. В свою очередь казанские ученые порой обвиняют русскую историографию в излишней политизированности и неверном толковании понятия «иго». В связи с этим постановка вопроса об ордынском влиянии требует от исследователей придерживаться строго рамок научной этики и не допускать перерастания дискуссии в форму националистических выпадов.

Систематизация знаний о монголо-татарском влиянии позволяет ученым обратить внимание на лакуны и белые пятна, требующие самого тщательного изучения данного вопроса. К сожалению, монголо-татарский вопрос на данном этапе остается одним из наименее исследованных в исторической науке и связано это с гибелью источников в условиях постоянных междоусобных войн и ордынских набегов. Еще хуже обстоят дела с сохранностью собственно ордынских источников, которых практически не осталось после опустошительного разгрома золотоордынских городов Тимуром в 1391-1395 гг., а также местных междоусобиц. Характер и специфика самих кочевых государств не могли способствовать стабильному накоплению корпуса летописных материалов.

Трудность представляет и изучение археологического материала золотоордынских городов, которые стояли на песчаных почвах, обладающих большой степенью подвижности. Вопрос о культурном влиянии, как заметил в свое время Б.Д. Греков, наиболее проблематичен для решения, так как многие заимствования с Востока происходили через территорию Западной Европы и ее миссионеров и восстановить пути влияния разных культур друг на друга крайне сложно. Кроме того, многие элементы восточной культуры пришли на Русь в доордынский период, а сами монголы много заимствовали от среднеазиатских и южноевропейских народов¹.

Без анализа того огромного опыта, который был накоплен отечественной историографией за более чем два столетия изучения «татарского вопроса», невозможно осуществлять комплексное исследование влияния татаро-монгольского ига в русской истории. Обобщенный в данной диссертации материал имеет целью способствовать дальнейшим изысканиям историков по отдельным важнейшим вопросам монголо-татарского воздействия на социально-политические институты Русского государства.

В среде некоторых современных историков, главным образом татарских, сформировалось мнение о том, что употребление термина «иго» в отечественной историографии для обозначения почти 250-летнего периода ордынского владычества над Русью является неправомерным, так как данный термин в своей основе подразумевает рабскую зависимость и не совсем корректно отражает историческую действительность. Но в связи с устоявшейся в научной практике традицией мы позволим себе использовать этот термин как наиболее полно отражающий историю политики Золотой Орды на Руси в работах дореволюционных ученых.

Прежде всего, необходимо дифференцировать различные аспекты оценки самого термина «иго». Слово «иго» в значении рабства употреблялось по отношению к разным явлениям и в разных источниках,

¹ Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л., 1950. С. 258.

включая библейские. Русское слово «иго» происходит от латинского «jugum», обозначающее «хомут», «ярмо», «парная упряжь волов». Кроме того, данный термин обозначал и «иго», «рабство», которые были производными от названия символических ворот из двух вертикальных копий, воткнутых в землю, и одного горизонтального, под которыми римляне заставляли проходить поверженного врага в знак покорности². Семантический анализ термина дается в «Словаре живого великорусского языка» В. Даля³, где оно употребляется в значении «тягости нравственной, гнета управления, чужеземного владычества и порабощения, рабства», а также в словаре С.И. Ожегова, где «иго» характеризуется как «угнетающая и порабощающая сила»⁴.

Существует несколько точек зрения о том, когда термин «иго» впервые появился в письменных источниках применительно к русско-ордынским отношениям, так как в русских летописях он не встречается. Современники ордынской зависимости такого термина не знали, но позднее он прочно вошел в разговорный обиход. Тема «ярма/ига», по словам В.Н. Рудакова, возникла как результат осмысления летописцами библейских представлений о рабстве, которые они перенесли на нашествие ордынцев и последующую зависимость. Это рабство они воспринимали в качестве Божией кары за грехи⁵. В.В. Каргалов считал, что слово «иго» впервые использовал в XVI в. статс-секретарь Стефана Батория Рейнгольд Гейденштейн в «Записках о московской войне», а затем его воспроизвел французский историк де Ту⁶. Однако большинство исследователей считают, что понятие «иго» впервые употребил, применительно к зависимости Руси от Орды, в конце XV в.

² Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. 3-е изд. М., 1986. С. 431.

³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 томах. СПб.-М., 1880-1882.

⁴ Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов. М., 2007.

⁵ Рудаков В.Н. Концепция ордынского "ига" и отношения с Ордой в русском общественном сознании второй половины XIII - XVI веков // Вестник МГИМО-Университета. 2012, № 4. С. 29.

⁶ Хакимов Р.С. Метаморфозы духа (к вопросу о тюрко-татарской цивилизации) // Казань: «Идель-Пресс», 2005. С. 195.

польский хронист Ян Длугош⁷. В.Н. Рудаков полагает, что в русских источниках этот термин появляется в киевском Синописе в 70-е гг. XVII в.⁸, хотя проведенный нами текстологический анализ текста не выявил упоминания «ига». Возможно, автор имел в виду не сам термин, а какое-то близкое ему значение зависимости от Орды, о которой упоминается в отдельных главах Синописиса⁹.

Другой важный аспект анализа понятия «иго» - когда оно впервые упоминалось в научной литературе? Ю.В. Селезнев и В.Н. Рудаков впервые встречают его у Н.М. Карамзина в «Истории государства Российского» (1809-1820): «Так Государи наши торжественно отреклись от прав народа независимого и склонили выю под иго варваров»¹⁰. Значимость и общественный резонанс термина способствовали его быстрому распространению и закреплению в общественном сознании¹¹. Ю.В. Селезнев обнаружил также первое литературное употребление в России термина «иго татар» в трудах А.Н. Радищева: «...пока Иван не сверг иго татар...»¹², с чем не соглашается В.Н. Рудаков¹³. Ф.Ф. Мухаметов указывал на то, что впервые данный термин применил М.В. Ломоносов. «Иго» упоминается в его «Замечаниях на I том «Истории Российской империи при Петре Великом» Вольтера¹⁴.

Несмотря на наличие большого количества версий, необходимо выделить из них наиболее достоверные и признанные большинством ученых. Исходя из вышесказанного, нам представляется верным считать, что впервые

⁷ Рудаков В.Н. «Иго» монголо-татар: что стоит за историографическим термином? // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. Сентябрь 2011 г. № 3 (45). С. 99.

⁸ Рудаков В.Н. Концепция ордынского "ига" и отношения с Ордой в русском общественном сознании второй половины XIII - XVI веков. С. 24.

⁹ Гизель Иннокентий. Синописис или краткое описание о начале славянского народа, о первых киевских князьях и о житии святого благоверного князя Владимира и великого князя Феодора Алексеевича. СПб., 1746. Гл. 71-73, 104.

¹⁰ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. IV. Изд. 1. СПб., 1816.

¹¹ Селезнев Ю.В. Русские князья в составе правящей элиты Джучиева Улуса в XIII-XV в. Воронеж, 2013. С. 12.

¹² Радищев А.Н. Полное собрание сочинений в 3 т. Т. 3. М.- Л., 1952. С. 34-35.

¹³ Рудаков В.Н. Ук. соч.

¹⁴ Мухаметов Ф.Ф. Отечественная историография монгольского завоевания Руси. Дисс. ... докт. исторических наук: 07.00.09 / Мухаметов Фарит Федорович. М., 2007. С. 171.

употребил термин Ян Длугош, а введение его в широкий оборот было произведено изначально Н.М. Карамзиным, с чем солидарны Ю.В. Селезнев, В.Н. Рудаков и ряд других исследователей.

Важно заранее оговорить условия употребления термина «татарский» в нашей работе. Научная этика требует очень осторожного обращения с данным термином, так как во всех случаях речь идет не о современных татарах, а о татарах средневековых (XIII-XVI вв.). В данной работе понятие «татары» является условным и для большей ясности оно заменено на общеупотребительное выражение «монголо-татары» («татаро-монголы»), введенное впервые в научный оборот П.А. Наумовым¹⁵, о чем будет сказано ниже. Под часто встречающимся в нашем тексте выражением «татарский вопрос» мы подразумеваем широкое понятие, включающее в себя изучение истории Золотой Орды как части Монгольской империи и непосредственного соседа русских земель, ее взаимоотношений с княжествами Северо-Восточной Руси, влияния на их социально-политические институты и культуру и т.д. Но этот термин также ограничен контекстом средневековой истории и не имеет отношения к каким-либо вопросам национально-культурного существования татар в современной России. Выражение «татарский вопрос» в данной диссертации заключено везде в кавычки, дабы избежать двойственности толкований.

Объектом исследования является комплекс отечественной историографии о влиянии монголо-татарского ига на социально-политические институты княжеств Северо-Восточной Руси, **предметом исследования** – процесс накопления исторических знаний о социально-политических институтах и культуре Древнерусского государства, которые подверглись изменению вследствие монгольского нашествия и 250-летнего периода зависимости от Золотоордынского государства.

¹⁵ Наумов П.А. Об отношениях российских князей к монгольским и татарским ханам, от 1224 по 1480 год. СПб., 1823.

Анализировались, в том числе, и работы отечественных историков, выполненные за границей. Прежде всего, это представители движения евразийцев, многие из которых вынуждены были эмигрировать после событий октября 1917 г. в страны Западной Европы, США, Китай и др. В диссертации была исследована региональная историография, главными представителями которой являются историки из Татарстана и Башкирии.

Цель исследования – систематизация, структуризация и анализ большей части имеющейся на данный момент отечественной историографии о влиянии монголо-татарского ига на политико-социальные институты княжеств Северо-Восточной Руси.

Основные задачи исследования:

- проследить эволюцию взглядов ученых по вопросу о монгольском воздействии на русскую государственность, отметить основные направления развития многих спорных проблем (княжеская власть, централизация государства, вече, церковный иммунитет, титулатура, финансовая система, культура и др.), характерные для каждого из трех временных отрезков исследования отечественной историографии – дореволюционной, советской и современной;

- показать, как менялась в связи с разработкой данной проблемы источниковая база исследований, каким историкам принадлежит наибольшая заслуга в обобщении и введении в научный оборот источниковых материалов;

- выделить круг историков, чьи научные труды оказали наиболее существенное влияние на дальнейшую разработку вопроса о монголо-татарском воздействии и внесли заметный вклад в эту область знаний.

Хронологические рамки исследования определяются широким периодом: от начала изучения периода монголо-татарского ига в отечественной историографии в середине XVIII в. до современности.

Основой методологии исследования является принцип историзма, который подразумевает объективный подход к изучаемым историческим

процессам, строгое соблюдение научной достоверности при передаче взглядов исследователей на поставленный в диссертации вопрос, комплексный анализ отечественной историографии. Это подразумевает использование других методов в их совокупности и взаимосвязи: проблемно-хронологического, системно-структурного, историко-логического, сравнительно-исторического.

Важнейшим методологическим вопросом в нашей работе следует признать вопрос о точке отсчета исторического изучения влияния монголо-татарского ига на социально-политические институты Северо-Восточной Руси. Исходя из анализа летописцев и ранних трудов историков, мы пришли к выводу о том, что впервые этот вопрос был затронут уже в летописях, где излагалась информация по данной проблеме, имеющая, как правило, описательный характер. Позднее появились работы Спиридона-Саввы, И. Гизеля, А.И. Лызлова и некоторые другие, в которых можно почерпнуть сведения об ордынской зависимости, представляющие собой то, что мы можем охарактеризовать как «историческое знание». Эти работы фактически не содержат в себе аналитический подход к излагаемому материалу.

За точку отсчета «аналитической» историографии мы приняли труды В.Н. Татищева, хотя по манере изложения его «История» подает сведения об ордынской зависимости в том же ключе, что и его предшественники. Появившаяся у В.Н. Татищева системность, исследование источников на новых научных принципах, сравнительно-исторический анализ летописных текстов и их компиляция позволяют нам оценивать его труды как важный рубеж перехода от исторического знания к исторической науке. Стоит также отметить, что стиль изложения текста В.Н. Татищева в большей мере схож с летописным, автор также не употреблял понятия «иго», но вольная его трактовка позволяет нам говорить о зачатках научного анализа.

Необходимо сказать, что перед нами ставится задача исследовать в общем ключе историографию влияния ига на социально-политические институты, под которыми мы подразумеваем, прежде всего, институты

власти, как наиболее изученные в историографии, и уже во вторую очередь все многообразие других аспектов влияния, в которых не последнюю роль занимает культура, армия, финансовая система, язык, титулатура, судебная система, ямская служба, архитектура, менталитет, церковь и т.д. Автор видит перед собой задачу обобщения и систематизации имеющегося историографического материала, но не исследования каждого аспекта влияния, так как это является темой отдельного изучения и значительно выходит за рамки данной работы.

Проблемно-хронологический метод позволил четко разграничить изучаемые явления в рамках определенных хронологических отрезков. Сложность вызвал вопрос, в каком порядке лучше подавать исследуемые концепции авторов – в хронологическом или в проблемном? Наиболее приемлемым мы посчитали возможность использовать в некоторых случаях и хронологический и проблемный подход, но с приоритетом первого. Системно-структурный метод дал возможность выделить основные изучаемые проблемы и круг авторов, уделяющих в своих монографиях им первоочередное значение. Благодаря сравнительно-историческому методу появилась возможность сопоставить в трудах историков различные эпохи развития княжеств Северо-Восточной Руси во время монголо-татарского владычества.

Объективность исследования требует непредвзятого взгляда на научную позицию автора той или иной концепции, необходимость учитывать социально-политическую обстановку, в которой создавались данные научные теории. Например, позиции историков так называемой «дворянской» школы, в числе которых и Н.М. Карамзин, формировались в условиях влияния идеологии самодержавия. Историки советской школы были подвержены марксистскому учению о приоритете формационного подхода и т.д. Но все эти факторы отнюдь не являются критериями истинности научного суждения по тому или иному вопросу. Основополагающим в данной диссертации является принцип научного историзма, который предусматривает уважение

точек зрения всех исследователей, представленных в данной работе, соблюдение научной этики и корректности в оценке конкретных фактов.

При анализе соответствующих научных вопросов упомянутыми в данной диссертации историками применялся междисциплинарный подход, подразумевающий применение определенных знаний в области филологии, археологии, нумизматики, сфрагистики, палеографии, дендрохронологии и др. Итоги использования данных методов отражены в концепциях этих ученых по вопросу об ордынском влиянии на Русь.

Важно комплексно исследовать историографию поставленного вопроса, чтобы вместо теоретической разработки историографии не произвести простого описания библиографии с лишь более подробным изложением содержания исторических работ, как это верно подметила в свое время академик М.В. Нечкина¹⁶. При исследовании важный упор делался на степень новизны исследуемого научного труда, его обоснованность и аргументированность кругом привлекаемых первоисточников. Необходимо обращать внимание на ход исследования, творческую лабораторию ученого, его философию, социальное мировоззрение и политические позиции¹⁷.

Степень научной разработанности проблемы. Вопрос о монголо-татарском влиянии на Русь появился практически одновременно с оформлением русской исторической науки во второй четв. XVIII в., связанной с именем «отца русской истории» В.Н. Татищева. Работу по систематизации исторических трудов о монголо-татарском иге проводили многие ученые на исследуемом нами отрезке времени (XVIII-XXI вв.), но эта систематизация, как правило, производилась не по узко принятому нами вопросу влияния ордынских институтов на русские, а по наиболее широкому спектру проблем, захватывающих все аспекты существования монголо-татарского ига на Руси.

¹⁶ Нечкина М.В. История истории. Некоторые методологические вопросы истории исторической науки // История и историки. Историография истории СССР. М., 1965. С. 7.

¹⁷ Нечкина М.В. Ук. соч. С. 11-12.

Одним из редких случаев, когда работа была посвящена именно анализу мнений историков о влиянии монгольского ига на Россию, можно назвать монографию М.И. Сагарадзе, вышедшую в конце XIX в.¹⁸ М.И. Сагарадзе разделил дореволюционную историографию по данному вопросу на три группы. К первой категории историков, не признающих за монголами заметного влияния на исторические судьбы России, он относил С.М. Соловьева, К.Д. Кавелина, И.Е. Забелина и Н.П. Загоскина. Ко второй категории, усматривающей решительное ордынское влияние на возвышение Московского государства, он причислял Н.М. Карамзина и Н.И. Костомарова. К третьей категории, стремившейся примирить противоположные мнения, он относил К.Н. Бестужева-Рюмина и П.В. Полежаева¹⁹.

П.П. Смирнов (1882-1947) также предпринял попытку дать историографический обзор вопроса об ордынском влиянии на Русь в своей статье «Дополнительные замечания о литературных мнениях по вопросу о влиянии», помещенной в сборнике М.В. Довнар-Запольского²⁰. Вопрос об ордынском влиянии пережил, по его мнению, три стадии развития: утверждение основополагающего значения монголо-татарского ига для русской истории, совершенное его отрицание и, наконец, синтез – соединение противоположных взглядов и вывод из них среднего²¹.

В 1917 г. вышла работа С.Ф. Платонова (1860-1933), где он, характеризуя взгляды ученых по данному вопросу, особое место уделяет историкам государственной школы²². Интерес к трудам «государственников» можно объяснить тем, что сам историк являлся последователем концепции С.М. Соловьева и В.О. Ключевского, в связи с чем, его также можно отнести к представителям историко-юридического направления второй волны.

¹⁸ Сагарадзе М.И. Влияние монгольского ига на Россию. Кутаиси, 1895.

¹⁹ Сагарадзе М.И. Ук. соч. С. 34.

²⁰ Смирнов П.П. Дополнительные замечания о литературных мнениях по вопросу о влиянии // Довнар-Запольский М.В. Русская история в очерках и статьях. Т. 1. М., 1909.

²¹ Там же. С. 588.

²² Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. Пг., 1917. С. 112.

Анализ предшествующей историографии проводил и А.Н. Насонов (1898-1965) во время написания своей кандидатской диссертации «Монголы и Русь». Нами была исследована рукопись тезисов этой диссертации, где ее автор проводил изучение основных положений историков по вопросу взаимоотношений Руси и Орды. Данная рукопись хранится в личном фонде историка в архиве РАН²³.

Подробный анализ историографии ордынского ига произвел в предисловии к монографии «Золотая Орда и ее падение» Б.Д. Греков (1882-1953), где особое внимание уделено вкладу ученых-востоковедов в систематизацию и перевод иностранных источников²⁴.

В 1967 г. вышла монография В.В. Каргалова (1932-2009) «Внешнеполитические факторы развития Феодальной Руси»²⁵, в которой автор сделал наиболее полный и подробный на тот период анализ состояния изучения монголо-татарской проблемы в отечественной историографии.

В 1976 г. появилась статья Н.С. Борисова (р. 1952) «Отечественная историография о влиянии татаро-монгольского нашествия на русскую культуру», которая дополнила и расширила предыдущее исследование В.В. Каргалова работами таких историков, как И.В. Киреевский, В.В. Вельяминов-Зернов, К.П. Патканов, И.Я. Гурлянд и др.²⁶ Отличительной особенностью данной работы является анализ историографии влияния ордынского ига на культуру, который прежде не систематизировался в отечественной истории.

Исследованию трудов евразийского направления были посвящены работы М.Г. Вандалковской, которая рассматривала под разными углами зрения творческий путь многих его представителей: автобиографические

²³ Тезисы к диссертации А.Н. Насонова «Монголы и Русь. История татарской политики на Руси» // Архив РАН. Ф. 1547. Оп. 1. Д. 92.

²⁴ Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Ук. соч. С. 7.

²⁵ Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития Феодальной Руси. М., 1967.

²⁶ Борисов Н.С. Отечественная историография о влиянии татаро-монгольского нашествия на русскую культуру // Проблемы истории СССР. Вып. V. М., 1976. С. 129-130.

сведения, научная проблематика, историософские построения, политические убеждения, сотрудничество с советской властью и т.д.²⁷

В середине 1990-х гг. В.В. Трепавлов (р. 1960) опубликовал статью «Евразийская проблематика в научных дискуссиях России и Запада»²⁸, что позволило расширить изучаемую проблему за счет привлечения к ней наработок евразийской школы и «неоевразийцев». В ней представлены выводы лидеров евразийского движения, осуществленные с момента зарождения движения на Западе в 20-е гг. XX в. и вплоть до времени появления исследований Н. Рязановского, Ч. Гальперина, Д. Островского, Р. Пайпса и др.

Из работ 2000-х гг. можно упомянуть монографию К.А. Соловьева «Дело власти: отечественные историки о властных отношениях в Древней и Средневековой Руси (IX-перв. пол. XV вв.)», в которой историк исследуя вопросы легитимации власти Ордынских ханов на Руси также производит анализ отечественной историографии.²⁹ Помимо исследования историографии, автор уделил внимание вопросам методологии исторических работ по данной теме, а также факторам социально-политической конъюнктуры, господствовавшей на момент написания указанных работ.

Историографический аспект влияния монгольского ига изучил и О.В. Лушников. Историк выделяет два направления в историографии данного вопроса: европоцентризм и евразийство. На современном этапе, как считает О.В. Лушников, интерес к истории «татарского вопроса» пробудили такие исследователи, как В.В. Трепавлов, К.Б. Митупов, Ф.Ф. Мухаметов,

²⁷ Вандакловская М.Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М., 1997.

²⁸ Трепавлов В.В. «Евразийская» проблематика в научных дискуссиях России и Запада // Контактные зоны в истории Восточной Европы. М., 1995.

²⁹ Соловьев К.А. Дело власти: отечественные историки о властных отношениях в Древней и Средневековой Руси (IX-перв. пол. XV вв.). М., 2001.

С.М. Соколов, В.Я. Пащенко и др.³⁰ Некоторые обобщения историографии вопроса о влиянии монголо-татар сделала А.Л. Хорошкевич (р. 1931)³¹.

Наиболее детальный разбор отечественной историографии вопроса ордынского нашествия в 2007 г. произвел Ф.Ф. Мухаметов в своей докторской диссертации³². Но эта работа затрагивала комплексно именно вопрос завоевания, остальные области ордынского влияния были исследованы автором постольку, поскольку они соответствовали заявленной теме. Помимо этого, Ф.Ф. Мухаметов проследил формирование и накопление источниковой базы в ходе работы отечественных востоковедов.

Из работ казанских историков можно выделить одно из последних исследований Б.Р. Рахимзянова³³. В данном труде он анализирует историографию вопроса о взаимоотношениях позднезолотоордынских государств с набирающим силу Московским государством. Историк, помимо отечественных работ, довольно подробно охарактеризовал развитие изучения «татарского вопроса» в западных исторических школах, прежде всего в США.

Из всех проблем монголо-татарского влияния на Русь наиболее разработанной является проблема рецепции политических институтов власти княжествами Северо-Восточной Руси от Золотой Орды. Практически все историки, упоминая о монголо-татарском влиянии, в своих трудах касались этого вопроса. Благодаря первоочередному вниманию советских ученых к экономическим вопросам данная проблематика была довольно полно освещена в их трудах.

Недостаточно изучен вопрос заимствований княжеств Северо-Восточной Руси в культуре, правовой и военной сфере. Область взаимоотношений церкви и Орды получила большое освещение в трудах

³⁰ Лушников О.В. Образ монгольской империи в историографии XVIII-XXI вв. // Золотоордынское наследие. Сборник статей. Вып. 1. Казань, 2009. С. 335.

³¹ Хорошкевич А.Л. Московское княжество в XIV столетии. Некоторые особенности развития // Куликово поле. Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. Тула, 2003. С. 148.

³² Мухаметов Ф.Ф. Ук. соч.

³³ Рахимзянов Б.Р. Москва и татарский мир. Сотрудничество и противостояние в эпоху перемен XV–XVI вв. СПб.: Евразия, 2016.

отечественных и зарубежных историков благодаря дошедшему до нас важнейшему комплексу средневековых источников – ханских ярлыков русским митрополитам.

Источниковую базу диссертации составляют прежде всего историографические источники – научные труды отечественных историков по монголо-татарской проблематике, в которых анализируется влияние монголо-татарского ига на Древнерусское государство, а также взаимоотношения княжеств Северо-Восточной Руси и Золотой Орды. Летописным источникам (в том числе иностранным) и актовым материалам в работе уделено место в той мере, в какой требуется их упоминание в связи с задачами исследования. Успешное решение вопроса невозможно без привлечения опыта работы востоковедов, которые изучили большой массив арабских, персидских, китайских источников. Плодотворная работа в этой области была проведена дореволюционными, а впоследствии советскими востоковедами: В.Г. Тизенгаузеном, И.Н. Березиным, С.А. Козиным, В.В. Бартольдом и др.

Совокупность историографических источников можно разделить на три хронологических отрезка: дореволюционная, советская и современная историография. К дореволюционной историографии относится вся научная литература по данному вопросу, начиная от зарождения отечественной исторической науки в XVIII столетии (а если смотреть более глубже – от первых летописных свидетельств) и до 1917 г., когда резкие изменения государственного строя повлияли, в том числе, и на историческую науку. Но дореволюционный период также не был свободен от идеологических догм, все печатающиеся научные труды проходили через строгую проверку цензоров. Имело место и влияние на концепции историков господствующих в обществе социальных доктрин. К.А. Соловьев выделяет пять эпох в

отечественной историографии³⁴, каждая из которых имела определенное воздействие на исследователя:

- эпоха «просвещения» (XVIII-нач. XIX вв.) – вера в универсальность исторического пути разных народов и искусственное сближение истории России с историей Западной Европы, понятие критики исторических источников только начиналось вырабатываться. К этому периоду можно отнести труды В.Н. Татищева, И.Н. Болтина, М.М. Щербатова по монголо-татарской тематике;

- эпоха «романтизма» (вторая четверть – середина XIX в.) – попытка самоутверждения истории России и ее сопоставления с мировой историей, начало исторической критики источников, связанной в том числе и с трудами историков скептической школы, отход от морализаторства и назидательства, попытка философского осмысления истории. В это время появилось много работ, критически осмысливающих фундаментальный труд Н.М. Карамзина «История государства Российского». Среди таких историков - Н.А. Полевой, Н.Г. Устрялов, Н.И. Костомаров, А.Д. Градовский и др.

- эпоха «позитивизма» (середина-вторая пол. XIX в.) – историю государства увязывают с новейшими достижениями юридического и социологического знания. Это время отмечено трудами таких видных представителей исторической мысли, как С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов и др. Взгляды этих ученых по многим вопросам развития российской государственности, в том числе и влияния ордынского ига, имеют воздействие вплоть до современности;

- эпоха «либерализма» (начало XX в.) – личный выбор историка становится важнее соотнесения его с определенной научной школой, взгляды характеризуются большой степенью эклектичности;

- эпоха «марксизма» (до 1990-х гг. XX вв.) – государственные институты соотносятся с социально-экономическими процессами, эволюция властных

³⁴ Соловьев К.А. Ук. соч. С. 11.

структур объясняется через призму классовых интересов. Относительно вопросов влияния Золотой Орды на русские политические институты очень явно прослеживается марксистский принцип, когда историки непомерно много внимания уделяли вопросу борьбы народных масс с «феодальными угнетателями» из числа бояр, князей, духовенства и искусственно привязывали этот тезис к любым проблемам для их объяснения. В то же время, К.А. Соловьев отмечает, что в этот период формируется «крайне строгое отношение к источникам, совершенствуются и оттачиваются научные методы их критики, что позволяет добиваться великолепных результатов и приблизить точность оценок и выводов в исторической науке к выводам естественных наук»³⁵.

- «постмарксистская» эпоха (90-е гг. XX в.) – характеризуется отсутствием единства в методологии и тематике предпринятых исследований. Применительно к нашей теме мы можем сказать, что современная историография обладает большой степенью плюрализма методик исследования вопроса о монголо-татарском воздействии, многие из которых было невозможно осуществить на практике в советский период в связи с односторонностью научно-исторического мышления той эпохи, и не только по интересующему нас вопросу.

Большой пласт индивидуальных документов был проанализирован на материале личных фондов ученых из архива РАН. Немаловажной областью историографии данной проблемы стало исследование личных архивов ученых – В.О. Ключевского, А.Н. Насонова, Б.Д. Грекова, М.Н. Тихомирова, Л.В. Черепнина и др. Благодаря анализу личных фондов историков появилась возможность увидеть творческую лабораторию ученого, которая не всегда отражена в опубликованных монографиях. Например, изучение личного фонда А.Н. Насонова позволило открыть отзыв историка на известную работу Б.Д. Грекова и А.Ю. Якубовского «Золотая Орда и ее падение»³⁶. Этот

³⁵ Соловьев К.А. Ук. соч. С. 12.

³⁶ Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л., 1950.

отзыв был впоследствии нами опубликован³⁷. В нем содержится довольно много интересных мыслей А.Н. Насонова, в частности его несогласие с некоторыми тезисами Б.Д. Грекова о значении татарской власти в истории России, в которых «игнорируются достижения советской исторической науки»³⁸.

Архивы отражают как индивидуальную работу ученых, так и коллективные обсуждения данной проблемы. Для анализа коллективных обсуждений вопроса ордынских заимствований в данной диссертации использовались стенограммы заседаний сектора истории России периода феодализма Института российской истории РАН, которые там велись начиная с 1936 г. Эти стенограммы хранятся в настоящее время в Научном архиве этого же института. Материалы отражают острую полемику по «татарскому вопросу» среди ученых Института, несмотря на крайне сложное время ужесточения репрессивного государственного аппарата с конца 1930-х гг. XX в.

Для составления более полной картины об изучаемом вопросе были привлечены материалы Пражского архива ГАРФ (РЗИА), которые содержат данные личного происхождения историков евразийского направления. Эти сведения показывают, например, тяжелое социальное положение историков-евразийцев, проживающих в Европе; условия, в которых рождались их взгляды на состояние дел в Советской России, которую они видели как прямую наследницу «туранской» государственности; их творческую переписку с коллегами в США и СССР; научные споры внутри евразийского течения по вопросу о роли и месте ордынского владычества в истории России и т.д.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые в научной практике собран обобщающий комплекс основных работ отечественных

³⁷ Политов В.В. «Полагаю, что труд «Золотая Орда и ее падение» заслуживает Сталинской премии». Отзыв А.Н. Насонова о монографии Б.Д. Грекова и А.Ю. Якубовского. 1951 г. // Исторический архив. № 2, 2014. С. 192-197.

³⁸ Политов В.В. Ук. соч. С. 196.

историков, затрагивающих частично или полностью вопросы воздействия почти 250-летнего периода татаро-монгольского ига на социально-политические институты княжеств Северо-Восточной Руси. Подведены итоги работы исследователей в этой области начиная от середины XVIII в. и заканчивая новейшей историографией. Специального научного труда по историографии указанного вопроса на сегодняшний момент не существует.

Практическая значимость работы. Собранный и обобщенный в данной диссертации историографический материал способствует дальнейшей разработке проблемы монголо-татарской зависимости княжеств Северо-Восточной Руси и позволяет уточнить представления историков о роли этих отношений в складывании централизованного Российского государства. Итоги исследования могут быть применены при подготовке справочной и научно-методической литературы, а также для популяризации этого вопроса в процессе преподавания истории средневековой Руси в средних и высших учебных заведениях. Работа может быть использована для научно обоснованной критики псевдоисторических концепций, нашедших в настоящее время широкий отклик в обществе.

Положения, выносимые на защиту.

1. Основные направления по изучению влияния монголо-татарского владычества на социально-политические институты и культуру княжеств Северо-Восточной Руси были заложены Н.М. Карамзиным и С.М. Соловьевым. Каждый из них основал собственную школу, у которой были характерные черты в восприятии ордынской зависимости, а также большое количество сторонников и критиков.

2. Наибольший вклад в разработку исследуемой нами проблемы внесли представители историко-юридического направления отечественной историографии первой и второй волны, а также их последователи. Труды Н.А. Полевого, С.М. Соловьева, А.Д. Градовского, К.Д. Кавелина, В.И. Сергеевича, С.Ф. Платонова, А.С. Преснякова стали основой научной

полемики со сторонниками карамзинского видения «татарского вопроса», а также повлияли на исследователей советского периода.

3. В марксистской историографии до конца 80-х гг. XX в. господствовала схема А.Н. Насонова-Б.Д. Грекова. Согласно этой концепции, период ордынской зависимости воспринимался как исключительно негативный, а централизация Русского государства происходила не благодаря, а вопреки политике Сарая в Северо-Восточной Руси. Накопленный «буржуазной» историографией опыт официально не признавался, однако на практике историки-марксисты часто опирались на труды представителей «государственной» школы.

4. Большой популярностью в среде белой эмиграции на Западе пользовались работы историков-евразийцев, которые связывали зарождение российской имперской государственности с монгольской государственной традицией, берущей свое начало от Чингис-хана. Многие выводы представителей этого направления отличаются слабой научной обоснованностью и уклоном в сторону историсофских рассуждений. Евразийство повлияло на интерес к данной проблеме со стороны зарубежных исследователей, главным образом из США, Великобритании и Германии.

5. Значительный вклад в разработку вопроса об итогах татаро-монгольского ига вносят историки из национальных республик Российской Федерации, прежде всего из Татарстана. Их работы порой отличаются излишней политизированностью, что сказывается на качестве научных выводов.

6. Современный этап выделяется появлением множества научных теорий о последствиях ордынского ига, которые отличаются плюрализмом по сравнению с марксистским взглядом. Наиболее перспективным решением поставленного вопроса является применение количественных методов анализа летописного текста (Ю.В. Селезнев), объединение усилий исследователей из разных стран (В.В. Трепавлов), применение археологии,

нумизматики и других вспомогательных дисциплин (В.В. Каргалов, В.А. Кучкин), сравнительно-исторический анализ текстов (А.А. Горский).

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации опубликованы в рецензируемых научных изданиях, индексируемых в базах данных Web of science, Scopus, RSCI, и в изданиях из перечня, рекомендованных Минобрнауки РФ, по соответствующим специальностям и отраслям наук на основании решения Ученого совета МГУ (общим объемом 4,9 п.л.). Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседаниях кафедры истории российской государственности РАНХиГС при Президенте РФ и кафедры истории России до начала XIX века исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Глава I

Дореволюционная историография

1. Летописные сведения и начало изучения «татарского вопроса»

Вопрос о влиянии монголо-татарского владычества на политическую, социально-экономическую и культурную сферу жизни в княжествах Северо-Восточной Руси имеет самое раннее отражение в летописных сведениях. При обращении к ним важно учитывать тот факт, что большинство из них имели тенденциозность, в том числе и при описании нашествия Батыя на Русь в 1237 г.: если Ипатьевская летопись, создававшаяся в Южной Руси, крайне негативно рисует монголо-татарское завоевание, то Лаврентьевская летопись Суздальского летописца изображает все в примирительных и сдержанных тонах³⁹. Поскольку летописи были памятниками официального значения, их составители не могли описывать события периода монголо-татарского владычества в свободной форме. В условиях монголо-татарской власти резкие обличения ордынцев и их пособников - русских князей в таком официальном документе, как летопись, были невозможны. До второй половины XIV в. в русских летописях почти не встречаются какие-либо негативные характеристики ордынских ханов⁴⁰.

Не так много летописных суждений о монголо-татарском иге приходится и на время ослабления Орды. Кроме того, из летописей исчезают сведения о зависимости князей от ханских указов⁴¹.

Не случайно, что пространные и откровенные рассуждения об Орде приходят на времена смуты в Монгольской империи, а затем в Золотой Орде.

³⁹ Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития Феодалной Руси. С. 219.

⁴⁰ Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII-XV вв. М., 2009. С. 117-119.

⁴¹ Борисов Н.С. Отечественная историография о влиянии татаро-монгольского нашествия на русскую культуру. С. 129-130.

Например, в рассказе 1262 г. летописец говорит о восстании, направленном против сборщиков ордынской дани, приехавших от императорской администрации Хубилая, а не от Берке, так как именно в это время в Монгольской империи начались смуты, приведшие к отделению Золотой Орды от нее⁴². В начале XV в. летописцы уже открыто записывали свои мысли о политике монголо-татар, разжигающих рознь между князьями⁴³.

Явно негативное восприятие итогов монголо-татарского владычества содержится в «Послании» митрополита Киевского Спиридона-Саввы, написанного в начале XVI в. Изменение политической ситуации в государствах-осколках Золотой Орды и на Руси к этому моменту позволяло авторам уже гораздо смелее оценивать ордынское иго. Возможно послание это одно из первых произведений, где в столь негативном ключе упоминается о смерти, страдании и голоде, принесенных татарами на русскую землю: «Увы умилен позор бе видети, оста земля всех добрых пуста: и людей, и скотов, и всех добрых плодов»⁴⁴. В этом труде современника Ивана III также содержатся сведения о перемене народных нравов в условиях нашествия: «не бе князи, ни вожда, ни наставника в людех, ни избавляюща, ни спасающего, но вся исполнишася страха измальтескаго и сердца храбрая доблественных мужь в жен слабеишя сердца преложишяся»⁴⁵.

В трудах более позднего времени утвердилось представление о монголо-татарском иго как о периоде угнетения, разжигания усобиц и «неустроения» на Руси. С этих же позиций оценивает монгольское владычество «Степенная книга»⁴⁶ и киевский «Синописис»⁴⁷ архимандрита Иннокентия Гизеля (1600-1683).

⁴² Насонов А.Н. Татарское иго на Руси в освещении М.Н. Покровского // Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского. М.-Л., 1940. С. 59-60.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Послание Спиридона-Саввы // Дмитриева Р.П. Сказание о князьях Владимирских. М.-Л., 1955. С. 166.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ ПСРЛ. Книга степенная царского родословия. Ч. 1. Т. 21. Половина 1. СПб., 1908; Ч.2 Т. 21. Половина 2. СПб., 1913.

⁴⁷ Гизель Иннокентий. Синописис или краткое описание о начале славянского народа, о первых киевских князьях и о житии святого благоверного князя Владимира и великого князя Феодора Алексеевича. СПб., 1746.

Автор Синописа указывает на ослабление киевских земель вследствие ига и их дальнейшее подпадение под власть Литвы. Этот труд отмечен традиционной для русских летописных источников антиордынской направленностью и религиозным обоснованием постигшего Киев нашествия: «А татаре вся России Стольный и по всей подсолнечной славный Царственный град Киев взяша, Церкви божественныя разориша, город и место огнем сожегоша, людей иных посекоша, а иных плениша, и все Государство Киевское ни во что обратиша, Богу тако грех ради человеческих попустишу»⁴⁸. Основываясь на ветхозаветном придании о появлении у праотца Авраама незаконнорожденного сына Измаила, И. Гизель трактует татаро-монгольское нашествие как «незаконное вторжение отвергнутых Богом врагов-измаильтян»⁴⁹. Киевский «Синописис» уже не является хронографом в его классическом понимании, но, в то же время, еще не историческое исследование.

А.И. Лызлов (ориентировочно 1655 – 1697) об ордынском нашествии говорит в «Скифской истории», работу над которой он закончил в 1692 г. Данный труд имеет некоторые неточности и вымыслы (например, указание на гибель Батыя в Венгрии от руки короля Владислава в 1248 г.)⁵⁰, характеризуется схематизмом подачи материала, касающегося упоминания о монголо-татарском нашествии и последовавшей зависимости. А.И. Лызлов в качестве источников опирался на труды центральноевропейских авторов, и в меньшей степени на русские летописные материалы – Степенная книга, Хронограф русский, Киевский синописис⁵¹. Автор ориентировался в основном на поздние источники, носящие порой политический подтекст (например

⁴⁸ Гизель Иннокентий. Синописис или краткое описание о начале славянского народа, о первых киевских князьях и о житии святого благоверного князя Владимира и великого князя Феодора Алексеевича. СПб., 1746. Гл. 71.

⁴⁹ Сапожников О.Я., Сапожникова И.Ю. Мечта о русском единстве. Киевский синописис (1674). [Электронный ресурс] URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/88887/Sapozhnikov%2C_Sapozhnikova_Mechta_o_russkom_edinstve._Kievskiii_sinopsis_%281674%29.html. (дата обращения: 17.01.2017).

⁵⁰ Лызлов А.И. Скифская история. М., 2012. С. 26.

⁵¹ Почекаев Р.Ю. Батый. Хан, который не был ханом. М., 2006.

«Повесть об убиении Батыя»⁵²), в то время как многие ранние летописи были им упущены из виду. Несмотря на то, что большая часть работы А.И. Лызлова посвящена «татарскому вопросу», изложенному довольно подробно и системно для своего времени, говорить о каком-либо существенном анализе автором проблемы существования ордынского ига на Руси не приходится.

Многие вышеперечисленные работы содержат четкую оценку ига, вполне самостоятельные взгляды авторов, которые нельзя свести к простому изложению событий. Все дотатищевские труды можно ранжировать по определенным особенностям. Летописный материал до середины XIV в. содержит сдержанное отношение к ордынскому фактору. Впоследствии появляются летописные труды, которые начинают осмысливать татарское иго как строго отрицательное явление, сведения подаются в хронологическом порядке, еще нет критического подхода к последствиям ордынского владычества, а тем более попыток найти положительные аспекты. Характерным является также использование теоцентрического подхода, иго воспринимается как Божие наказание за грехи. Однако, сам термин «иго» еще не употребляется ни одним из авторов.

В историографии XVIII в. вопроса о влиянии монголо-татарского ига на формирование политических институтов коснулся В.Н. Татищев (1686-1750) в «Истории Российской»⁵³. Обязательными составными частями трудов В.Н. Татищева и последующих историков стали применение философии и социологии применительно к истории как науке⁵⁴, что заметно выделяло его работы на фоне вышеисследованных авторов. Он через подробное изложение истории Руси при монголо-татарах способствовал дальнейшей разработке проблемы. Отдельного исследования ордынского периода он не производил, сведя в основном свою работу к фактическому пересказу и компоновке

⁵² Горский А.А. "Повесть о убиении Батыя" и русская литература 70-х годов XV в. // Средневековая Русь. Ч. 3. М., 2001. С. 191-221.

⁵³ Татищев В.Н. История Российская // Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. I-VII. М. 1994.

⁵⁴ Пештич С.Л. Русская историография XVIII века: автореф. дисс. ... канд. исторических наук: 07.00.09 / Пештич Сергей Леонидович. Л., 1963. С. 16.

важнейших событий. В.Н. Татищев видел главной причиной монгольского завоевания «угасание самодержавия». Последствиями ига он называл усиление власти духовенства, замену самодержавной власти на власть аристократии⁵⁵. Татищевская концепция русской истории, подобно концепциям русских историков XVI-XVII вв., служила идеологической опорой и обоснованием самодержавного строя.

В первое время своей исследовательской деятельности В.Н. Татищев пришел к мысли о необходимости выявления и сравнения разных древнерусских летописных источников. В своей работе ученый пользовался Повестью временных лет, Киевской, Галицко-Волынской, Никоновской летописью, Степенной книгой, хронографом и многими другими источниками. Некоторые из них не дошли до нас и тем усиливают значимость его фундаментальной «Истории Российской»⁵⁶. Собранные им сведения неизвестного происхождения использовали многие дореволюционные историки, в то же время С.Л. Пештич настаивает на необходимости большой осторожности при ссылке на эти неподтвержденные летописные данные⁵⁷.

Попытку оценить роль ига в истории Руси в XVIII в. предпринял М.М. Щербатов (1733-1790), который в области исторической мысли был носителем идей аристократической части дворянства. Это отразилось на первоочередном внимании историка к влиянию ига на систему княжеской власти, игнорируя попытку анализа последствий ордынского владычества на социально-культурную область. В «Истории российской с древнейших времен»⁵⁸ автор отмечал, что степень зависимости земель от Орды была различной и часто варьировалась по их удаленности от Золотой Орды. Например, волжские болгары находились в полном подданстве и были вынуждены даже веру монголо-татар перенять. Россия веру, обычаи и

⁵⁵ Татищев В.Н. История российская. Т. I. М.-Л., 1963. С. 366, 367.

⁵⁶ Андреев А.И. Труды В.Н. Татищева по истории России // Татищев В.Н. История российская. Т. I. М.; Л., 1962. С. 6.

⁵⁷ Пештич С.Л. Русская историография XVIII века. Т. 5. М.; Л., 1964

⁵⁸ Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. Т. 2. СПб., 1770.

правление свое, по мнению М.М. Щербатова, сохранила, но платила дань в Орду, назначала князей из одного древнего рода по ханскому повелению, имела первоначально баскаческую организацию, за исключением Новгорода⁵⁹. Причину частых набегов Орды М.М. Щербатов видел в том, что разоряемый междоусобными войнами российский народ не успевал платить накладываемые ордынцами дани⁶⁰.

Тезис эпохи просвещения об основополагающей роли нравов и мнений в истории человечества сказался на трактовке М.М. Щербатовым причин монголо-татарского ига, к каковым он относил неоднородность русского войска, неумеренный дух набожности, который проник в мирское правление и прогнал твердость и «великодушие». Эта трактовка причин монголо-татарского владычества была менее основательна, чем тезисы В.Н. Татищева и М.В. Ломоносова о первоочередном значении политической раздробленности русских княжеств в покорении ордынцам⁶¹. Творчество М.М. Щербатова оказало заметное влияние на труды И.Н. Болтина, Н.М. Карамзина и С.М. Соловьева⁶².

В это же время монгольская история сделалась объектом вымыслов некоторых западноевропейских историков. Об иностранных «недоразумениях», встречающихся в трудах по русской истории писал еще В.Н. Татищев в 1747 г. в письме к К.Г. Разумовскому: «Ноне я, получа из немецкой земли новоизданные книги сторические, в которых много касается России, желая из оных нечто к сочиняемой мной истории почерпнуть, но читая с великою досадою, великие неточности нахожу, а паче клеветы бесстыдные горечь наносят»⁶³. Одним из противников «западных вымыслов» стал поборник философии просветителей И.Н. Болтин (1735-1792), который выступал с критикой некоторых положений Леклерка, подчеркнув, что

⁵⁹ Щербатов М.М. Сочинения. История Российская от древнейших времен. Т. III. СПб., 1902. С. 439.

⁶⁰ Там же. С. 307.

⁶¹ Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. М., 1993. С. 234.

⁶² Там же. С. 232.

⁶³ Лачаева М.Ю. Историография истории России до 1917 года. Т. I. М., 2003. С. 110.

«кровопролитные татарские завоевания едва ли не вконец большую часть областей российских опустошили»⁶⁴.

Историк опровергает мнение Леклерка о том, что нашествие привело к полному исчезновению просвещения на Руси и коренным изменениям в жизни народа⁶⁵. В «Примечаниях на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка» он говорит о том, что монголо-татары, в отличие от римлян, не оказали влияния на покоренные народы. Препными остались законы, нравы, элементы культуры, язык и т.д.⁶⁶ И.Н. Болтин критиковал также М.М. Щербатова за то, что тот не придавал большого значения пагубной роли раздробленности, ослабления великокняжеской власти и усиления стремления удельных князей к независимости, а также его общий подход к «татарской проблеме». Главной причиной ордынского владычества И.Н. Болтин видел разделение страны на множество частей и отсутствие согласия между князьями⁶⁷.

Работа молодого ученого А.Ф. Рихтера (1794-1826) «Нечто о влиянии монголов и татар на Россию» делает акцент на том, что монголы изменили все стороны русской жизни и превратили русский народ в азиатский. Под влиянием монголо-татарского деспотизма русские люди «приучились к низким хитростям, к обманам, к корыстолюбию», «нравы ожесточились», появились «рабство и затворничество женщин по образцу татарскому», «азиатское великолепие царей» и «раболепное преклонение перед ними», ордынская военная тактика и вооружение (применение легкой конницы и нападение из засад). Эти заимствования, по мнению историка, оказали значительное влияние на «гражданские законы» путем введения смертной казни, телесных наказаний, правежа⁶⁸. А.Ф. Рихтер говорил о кардинальном падении нравов в России после завоевания ее монголами, особенно среди

⁶⁴ Болтин И.Н. Примечания на историю древняя и нынешняя России Г. Леклерка. Т. 2. СПб., 1788. С. 143.

⁶⁵ Борисов Н.С. Отечественная историография о влиянии татаро-монгольского нашествия на русскую культуру. С. 130.

⁶⁶ Болтин И.Н. Ук. соч. С. 295.

⁶⁷ Там же. С. 478, 112.

⁶⁸ Рихтер А.Ф. Нечто о влиянии монголов и татар на Россию. СПб., 1822. С. 5-20.

простого народа, связанном с долговременным его рабством. Причем это невежество продолжалось, по его мнению, вплоть до Петра Великого.

Многие положения работы автора, рано ушедшего из жизни, являются спорными. Например, смертная казнь и телесные наказания существовали задолго до нашествия Батыя. А.П. Щапов считал, что в своих рассуждениях А.Ф. Рихтер «довел эту мысль до крайности»⁶⁹. В целом, серьезным недостатком как работы А.Ф. Рихтера, так и других исследований историков XVIII-нач. XIX столетий была узость источниковой базы, в частности, отсутствие восточных источников, которые еще не были введены в научный оборот. Также не была разработана в необходимой степени история Золотой Орды⁷⁰. Многие построения авторов этого времени носят скорее умозрительный, чем научный характер.

Преподаватель естественной и гражданской истории и географии П.А. Наумов (1763-?) обратил внимание на то, что «ханы похитили у русских князей их политическую самобытность, но в то же время увеличили их власть и могущество по отношению к подданным»⁷¹. Самосудная власть вельмож, как полагает историк, получила свое начало от уделов княжеских. Следуя примерам князей, бояре и прочие владельцы земли старались себе присваивать подобную же власть в своих областях, где каждый давал расправу над подчиненными по своему произволу, не уважая и не считаясь с общими государственными законами⁷². Необходимо отметить, что П.А. Наумов ввел впервые в научный обиход в 1823 г. широко известный термин «монголо-татары». Отношение к термину в отечественной историографии неоднозначное. Большинство исследователей считают его неудачным. С другой стороны, татарский исследователь Р.С. Хакимов

⁶⁹ Щапов А.П. Общий взгляд на историю интеллектуального развития в России. Сочинения. Т. 2, СПб., 1906. С. 498.

⁷⁰ Евразийский временник. Т. 4. Берлин, 1925. С. 222.

⁷¹ Наумов П.А. Ук. соч. С. 34.

⁷² Там же. С. 35.

считает, что термин имеет право на существование, так как история этих двух народов (татар и монголов) неотделима⁷³.

К последствиям ига историк относит уничтожение чина венчания российских великих князей, описывая подробно порядок возведения на престол, утвердившийся при ханах⁷⁴. П.А. Наумов соглашается с утвердившимся мнением Н.М. Карамзина о том, что монголо-татары не входили в русское судопроизводство, а по низвержении ига для установления силы закона великими князьями Иваном Васильевичем и Василием Ивановичем были изданы новые положения и уставы⁷⁵.

Важное значение для исследования вопроса о монголо-татарском влиянии на Русь имел конкурс, объявленный в 1826 г. Российской Академией наук. «В программу задач, предложенных Российской Академией наук» был введен вопрос о воздействии монголо-татарского завоевания на Русь: «Какие последствия произвело господство монголов в России и именно какое оно имело влияние на политические связи государства, на образ правления и на внутреннее управление оно, равно как и на просвещение и образование народа?»⁷⁶ Единственное рукописное рассуждение на немецком языке, представленное на конкурс, Академия не признала достойным, однако конкурс открыл для ученых основную задачу историографии – привлечение восточных и западных источников⁷⁷.

Через шесть лет Академия Наук выступила с новым предложением принять участие в конкурсе научно-исследовательских работ о монгольском завоевании Восточной Европы с расширением темы и увеличением премии. В связи с этим в 1832 г. академик Х.Д. Френ (1782-1851) опубликовал обстоятельную записку, где он обозначил главную задачу предполагаемой конкурсной работы: «Написать историю улуса Джучи, или так называемой

⁷³ Хакимов Р.С. *Метаморфозы духа (к вопросу о тюрко-татарской цивилизации)* // Казань: «Идель-Пресс», 2005. С. 30.

⁷⁴ Наумов П.А. *Ук. соч.* С. 39.

⁷⁵ Там же. С. 82.

⁷⁶ Тизенгаузен В.Г. *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских.* СПб., 1884. С. 554.

⁷⁷ *Евразийский временник.* Т. 4. Берлин, 1925. С. 222.

Золотой Орды, критически обработанную на основании как восточных, особенно магометанских историков и сохранившихся от ханов сей династии монетных памятников, так и древних русских, польских, венгерских и прочих летописей и других, встречающихся в сочинениях современных европейцев, сведений»⁷⁸. О влиянии Золотой Орды на Русь Х.Д. Френ говорил еще в 1832 г., в самом начале изучения этой проблемы: «Владычество монгольской династии, известной у нас под именем Золотой Орды, у магометан под именем Улуса Джучи..., бывшей некогда в течение почти двух с половиной веков ужасом и бичом России, державшей в узах безусловного порабощения и располагавшей своенравно венцом и жизнью князей ее, владычество сие долженствовало иметь более или менее влияния на судьбу, устройство, постановления, образование, нравы и язык нашего отечества»⁷⁹.

В ответ на конкурс в 1835 г. Академия Наук получила огромный труд немецкого востоковеда Хаммер-Пургшталля (1774-1856) объемом 1272 страницы. Комиссия не присудила автору какой-либо премии, отметив наряду с рядом достоинств и большие недостатки работы. Через четыре года автор опубликовал монографию под заглавием «Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak»⁸⁰, где он поместил академический отзыв и свои резкие возражения. Историк признавал значительное воздействие ига на Русь, выражением которого он считал, например, телесные наказания и татарские корни многих представителей русского дворянства⁸¹. По мнению А.Ю. Якубовского, этот труд был первым шагом вперед, который, несмотря на все упущения и большое количество фактических ошибок, все же заслуживал одобрения ученой комиссии⁸².

⁷⁸ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Приложение II (Записки Френа). М., 1941. С. 557.

⁷⁹ Тизенгаузен В.Г. Ук. соч. С. 555.

⁸⁰ Hammer-Purgstall Joseph von. Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak. Pesth, 1840.

⁸¹ Гатин М.С. Проблемы истории Улуса Джучи и поздезолотоордынских государств Восточной Европы в немецкой историографии XIX-XX вв. Казань, 2009. С. 183 // Цит. по Hammer-Purgstall, J. von. Geschichte der Chane der Krim. – S. 147.

⁸² Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Ук. соч. С. 6.

2. Концепция Н.М. Карамзина, его последователи и критики

Особый взгляд на проблему монголо-татарского владычества дал «колумб российской истории» Н.М. Карамзин (1766-1826) в своей «Истории государства Российского»⁸³. Политическая программа Н.М. Карамзина была продолжением татищевской и щербатовской схемы о примате монархической власти, но уже с большим акцентом на необходимости уважения прав дворянства. Эта программа нашла свое выражение и во взгляде историка на монголо-татарское нашествие, которое, по его мнению, возродило русское самодержавие: «Нашествие Батыево ниспровергло Россию... Дальнейшее наблюдение открывает и в самом зле причину блага, и в самом разрушении пользу целости»⁸⁴.

Внутреннее развитие страны до монголо-татар шло, как считает ученый, по пути к политической гибели в княжеских междоусобиях, которые могли привести Россию к разделу между Литвой, Польшей, Швецией и Венгрией. Н.М. Карамзин в еще большей степени, чем М.М. Щербатов и И.Н. Болтин осудил раздробленность, главную причину которой он видел в действиях аристократии. Положительную роль ига он видел в ликвидации раздробленности и восстановлении самодержавия, чего не сделали «ни Андрей Боголюбский, ни Всеволод III... Москва была обязана своим величием хану»⁸⁵. Все, что имело вид свободы и древних гражданских прав, стеснилось, исчезло, а знаменитость Москвы и Твери возникла при монголах, как отмечает историк⁸⁶.

Ивана III Н.М. Карамзин считал героем российской и мировой истории, воссоединившим все обособленные русские территории и положившим конец монголо-татарскому игу. Н.М. Карамзин первым из историков выделил в большую проблему отечественной исторической науки влияние

⁸³ Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. СПб., 1842-1843.

⁸⁴ Лачаева М.Ю. Историография истории России до 1917 года. Т. I. М., 2003. С. 208-209.

⁸⁵ Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 2. Т. 5. СПб., 1842. С. 215-219, 221-223.

⁸⁶ Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М., 1998. С. 190.

монголо-татарского нашествия на политическое и культурное развитие Руси, образование русского централизованного государства и новые явления в жизни народа, чем пробудил к ней в русском обществе большой интерес⁸⁷. Наряду с этим Н.М. Карамзин считал монголо-татарское иго главной причиной отставания России от «государств европейских».

Важно отметить, что с именем Н.М. Карамзина связано введение в научный оборот большого количества исторических памятников, позволивших значительно продвинуть изучение вопроса об ордынском наследии. Среди них Ипатьевский свод, Кормчая книга, Новгородская Судная грамота, судебник Ивана III и др. Он впервые привлекает иностранные записки Плано Карпини, Рубрука, Барбаро, Контарини, Герберштейна, недавно открытое «Слово о полку Игореве», результатом чего явились обширные примечания на его «Историю». Ему же принадлежит и открытие рукописи «Хождения за три моря» тверского купца Афанасия Никитина. Кроме того, он расширил источниковую базу исторической науки посредством введения в научный оборот вещественных источников: древние монеты, медали, надписи, жилища, одежда, захоронения и др.⁸⁸ При написании своей «Истории» сведения о монголах он черпал из работ французских историков де Гиня, Гобиля, Пети де ла Круа и др.

Н.М. Карамзин отмечал, что одним из следствий монголо-татарского владычества было возвышение духовенства, а также умножение монахов и церковных имений, причем духовенство не оказывало в этих условиях властолюбия и не спорило с князьями о власти. Он говорил о значительной роли церкви в сдерживании ханского гнева в тяжелые времена ордынского владычества: «Если мы в два столетия, ознаменованные духом рабства, еще не лишились всей нравственности, любви к добродетели, к отечеству, то прославим действие веры; она удержала нас на степени людей и граждан, не

⁸⁷ Борисов Н.С. Ук. соч. С. 132.

⁸⁸ Лачаева М.Ю. Ук. соч. С. 217.

дала окаменеть сердцам, ни умолкнуть совести»⁸⁹. Ордынцы, по мнению Н.М. Карамзина, оставили довольно слабые следы в народных обычаях, гражданской жизни, языке и законодательстве в силу того, что были сами менее развиты в социально-культурном плане⁹⁰.

Н.М. Карамзин высоко ценит монголо-татарское влияние в развитии торговли на Руси, отмечая, что благодаря Орде открылся новый торговый путь со странами Востока, ордынские купцы доставляли на Русь товары ремесленной Азии и лошадей, а «дань ханская отчасти возвращалась к нам из Орды торговлею». К отрицательным моментам он относит исчезновение древней кожаной гривны – куны после нашествия Батыя, так как монголы вместо нее требовали серебро, что затрудняло торговые сношения с другими россиянами⁹¹.

Значение Н.М. Карамзина и его «Истории государства Российского» для развития «татарского вопроса» было определяющим, он стал основоположником взгляда на монголо-татарское иго как основу сложения единого Московского государства. Концепция Н.М. Карамзина представляла собой исходную точку для разработки вопроса об ордынском наследии в трудах последующих историков, в числе которых был и его оппонент С.М. Соловьев.

Новым подходом к вопросу об ордынском влиянии отличались появившиеся в 30-е гг. XIX в. «История русского народа»⁹² Н.А. Полевого и «Русская история»⁹³ Н.Г. Устрялова. Н.А. Полевой (1796-1846) был близок к представителям критического направления отечественной историографии 1920-40-х гг. XIX вв., которые относились к «скептической школе». Заслугой Н.А. Полевого было то, что он был одним из тех, кто впервые критически оценил историческую концепцию Н.М. Карамзина и отводимое им место монголо-татарского ига в истории России. Мировоззрение Н.А. Полевого

⁸⁹ Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 2. Т. V. Изд. 5. СПб., 1842, стб. 218.

⁹⁰ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. V. М., 2007. С. 213-216.

⁹¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. V. С. 222-223.

⁹² Полевой Н.А. История русского народа. Т. I-VI. М., 1833.

⁹³ Устрялов Н.Г. Русская история. Ч. I, изд. 5-е. СПб., 1855.

строилось на теоретических установках передовой русской и западноевропейской общественной и научной мысли. Основой изучения истории для него был «философский метод», одним из исходных положений которого было представление о единстве исторического процесса всех народов и государств, причем истории «народного духа» он придавал первостепенное значение.

Это позволило ему провести сравнительно-историческое изучение прошлого России в контексте европейской и восточной истории. Основываясь на этом изучении, он изменил свой первоначальный подход к ордынскому периоду, когда он не отводил решающего значения игу в образовании единого государственного государства⁹⁴. Изменение взглядов Н.А. Полевой отразил в своей «Истории русского народа», где период монголо-татарского владычества он определял уже как переходное время от истории русского народа к истории русского государства. Несмотря на «совершенное распадение частей», решительный «переворот прежнего порядка» и «ниспровержение быта общественного»⁹⁵ игу, по его мнению, способствовало основанию новой политической самобытности⁹⁶. Н.А. Полевой обратил внимание на появление князей сильных духом, которые начали использовать Орду для усиления личного могущества. В условиях нового порядка решающая роль, как отметил ученый, принадлежала не роду и праву, а силе и уму⁹⁷.

Н.А. Полевой считал, что монгольский период «был необходим... по таинственным судьбам Провидения для того, чтобы пережив оный, Русь явилась самобытным государством в ряду других государств»⁹⁸. Борьбу Руси с Ордой он рассматривал как борьбу Европы и Азии, где России выпала задача переработки Азии на европейский лад. Борьба «народного духа» против ханского засилья, как полагает историк, хоть и привела к

⁹⁴ Шикло А.Е. Исторические взгляды Н.А. Полевого. М., 1981. С. 153.

⁹⁵ Полевой Н.А. История русского народа. Т. V. М., 1833. С. 11.

⁹⁶ Там же. С. 251.

⁹⁷ Шикло А.Е. Ук. соч. С. 151.

⁹⁸ Полевой Н.А. История русского народа. Т. IV. М., 1833. С. 9.

освобождению от рабства, но не ослабила деспотизм, который сделался основной чертой послемонгольского времени.

Монгольский период для Руси Н.А. Полевой сравнивает с эпохой крестовых походов для Европы: «Как крестовые походы заключали в себе тайные высшие судьбы Божии... так и борьба руссов с монголами заключала в сущности своей не одно освобождение христиан от ига поганых, но и возрождение Руси»⁹⁹. Автор подчеркивал, что при монголо-татарах остались неизменными религия и язык, как внутренние основания народного быта. Несмотря на новаторство исторической концепции Н.А. Полевого, многие современники отмечали слабым местом его «Истории» недостаточное знание источников и их неполную проработку – М.П. Погодин¹⁰⁰, В.Г. Белинский¹⁰¹, Н.И. Надеждин¹⁰², С.А. Бурачек¹⁰³ и др. Его попытка заменить карамзинскую «историю царей» на «историю народа» в контексте ордынского вопроса оказалась неудачной.

Теоретической основой исторической концепции Н.Г. Устрялова (1801-1870), взгляды которого также были близки к историкам скептического направления, была сформулированная им «система прагматической истории», которая содержала в себе требование к «объяснению влияния одного события на другое» и рассматривала каждое явление как «следствие предыдущего и причину последующего». Такое понимание истории дает возможность выявить нить событий, связующую все явления неразрывной цепью¹⁰⁴. В периодизации русской истории, касаясь вопроса об ордынском периоде, Н.Г. Устрялов высказывает мысль о том, что иго не оказало существенного влияния на внутреннее устройство восточной Руси.

⁹⁹ Полевой Н.А. История русского народа. Т. V. М., 1833. С. 13.

¹⁰⁰ Погодин М.П. История русского народа. Сочинение Н. Полевого. Т. I. М., 1829 // МВ. Ч. I. № 2. М., 1830. С. 165-190.

¹⁰¹ Белинский В.Г. Полное собрание сочинений в двенадцати томах. Т. IV. СПб., 1901. С. С. 41-42, 503.

¹⁰² Надеждин Н.И. Об исторических трудах в России // Библиотека для чтения. Т. XX. СПб., 1837. С. 97, 100-112, 115, 117-118, 122-125, 129-133, 135.

¹⁰³ Бурачек С.А. История государства Российского Н.М. Карамзина. История русского народа. Сочинение Н. Полевого // Маяк. Т. 5. № 9-10. СПб, 1842. С. 55, 57, 61-63, 73, 79, 84-90, 108, 112, 126, 155.

¹⁰⁴ Лачаева М.Ю. Ук. соч. С. 263.

По мнению Н.Г. Устрялова, ордынское влияние проявилось в изменении представлений народа о верховной власти, податной системе, уголовном праве, в усилении великокняжеской власти над всеми слоями русского общества. Неизменной, по мнению ученого, оставалась лишь народная самобытность¹⁰⁵.

Владычество монголо-татар над Русью автор делит на два периода: первый период (1243-1328 гг.) – угнетение всей русской земли, второй период (1328-1480) – господство ханов в восточной части Руси, западная Русь находилась под властью князей литовских¹⁰⁶. Н.Г. Устрялов отмечает двойное положение Руси в начале XIV в. С одной стороны князья стремились соединиться в одну семью, с другой стороны под влиянием монголо-татар имело место стремление князей к раздиранию русских земель на части и их обособлению по примеру Галицкого княжества¹⁰⁷.

Отрицая решающее влияние ордынцев на русские социально-политические институты, одновременно автор отмечал, что монголы оставили глубокий след в истории нашего Отечества: разделение Руси на Литовскую и Московскую, подготовка самодержавия и др. Среди предметов влияния Н.Г. Устрялов выделяет шесть пунктов: право верховной власти; народные сословия; государственное управление в отношении к сбору податей, суду и расправе; ратное дело; язык; веру¹⁰⁸.

Народные сословия, по мнению Н.Г. Устрялова, претерпели меньшие перемены и по-прежнему делились на высшие, средние и низшие. К первому относились мужи княжьи – бояре, наместники, воеводы, тиуны или судьи. К среднему классу относились поземельные владельцы, которые имели свою недвижимую собственность: дети боярские, люди градские, гости и др. К низшему классу относились лично свободные крестьяне, не имевшие своей недвижимости – черные люди, смерды, а также закабаленные люди –

¹⁰⁵ Устрялов Н.Г. Русская история. Ч. I. Изд. 5-е. СПб., 1855. С. 185, 187-193.

¹⁰⁶ Устрялов Н.Г. Ук. соч. С. 118-119.

¹⁰⁷ Там же. С. 139-140.

¹⁰⁸ Там же. С. 186.

холопы¹⁰⁹. Из рассуждений Н.Г. Устрялова не совсем понятно, куда относилось большинство населения – свободные общинники, владевшие недвижимостью. Монголо-татары, как считает ученый, не имели влияния на развитие гражданских понятий, так как не могли передать ничего нового в этой области, но, напротив, власть князей по отношению к подданным заметно усилилась, повсюду исчезли народные собрания – вече. Ордынцы ввели новую финансовую систему, которая потребовала повсеместного сбора налогов. Металлическая монета с татарским названием «деньги» заменила прежнюю мену товарами¹¹⁰.

Ученый упоминал о воздействии монголо-татар на судебную систему, которое проявилось во введении в практику гражданского суда правежа, кнута, пытки, смертной казни, что повлияло на огрубление народных нравов. Изменения в ратном деле Н.Г. Устрялов видел в том, что помимо княжеской дружины начал вооружаться и весь народ, войско стало делиться на тысячи, сотни, десятки под управлением двух или трех воевод, один из которых был старшим, действовать старались исключительно конницей. На язык и церковь, как считает историк, монголы не имели прямого влияния, исключая заимствование некоторых татарских слов¹¹¹.

По мнению Ф.Ф. Мухаметова, представители «скептической школы» не внесли большого вклада в разработку «татарского вопроса», и одной из главных причин этого было отрицание в целом скептиками древнерусской истории как важного феномена и этапа исторического развития страны¹¹². Трудно согласиться с таким категоричным выводом, учитывая глубокую проработку вопроса об ордынском влиянии со стороны Н.Г. Устрялова и то состояние источниковой базы, с которой он имел возможность работать.

В исторических взглядах Н.И. Костомарова (1817-1885) системообразующим фактором была федеративная теория власти в Древней

¹⁰⁹ Устрялов Н.Г. Ук. соч. С. 186-189.

¹¹⁰ Там же. С. 186-189.

¹¹¹ Там же. С. 191-192.

¹¹² Мухаметов Ф.Ф. Монгольский период в освещении консервативной историографии // Троицкий вестник. 2006. № 1. С. 134.

Руси, основу которой составляли «единодержавное тело Русской Земли» и самобытность и единство политических обществ. Согласно его концепции, территория Древней Руси имела федеративную связь между своими частями, которая была прервана монголо-татарским нашествием, что повлекло за собой рабство – антагонист федерации. Московские князья, как считает ученый, усвоив единодержавные порядки от монголо-татар, начали борьбу с федерализмом, в котором он видел «естественные природные основания»¹¹³.

В статье «Начало единодержавия в древней Руси»¹¹⁴ он выступил с утверждением о том, что в Северо-Восточной Руси до монголо-татар существовал удельно-вечевой строй, на основы которого никто не покушался, в то время, как монголо-татарское завоевание дало толчок к монархии и объединению государства¹¹⁵. Слово «вече» с приходом хана, как считал историк, потеряло священное значение общественного собрания и стало синонимом заговора и бунта¹¹⁶. В отличие от С.М. Соловьева и К.Д. Кавелина, преобладающей формой быта в древней Руси он считал не род, а племя¹¹⁷.

Период феодализма Н.И. Костомаров отсчитывает с монголо-татар. Он заимствует мысль А.Д. Градовского о том, что ордынские ханы переделали русских князей из правителей земель в вотчинников. Первоначально княжеская земля находилась во временном пользовании правителя на период действия его княжеских полномочий. Ханы, по мнению Н.И. Костомарова, были заинтересованы в усилении власти князей, в том числе и через отдачу им земли в личное пользование. По мысли историка, власть и контроль над князьями перешли от земель к ханам, причем последние контролировали не одно княжество, а всю их совокупность¹¹⁸.

¹¹³ Лачаева М.Ю. Ук. соч. С. 155-156.

¹¹⁴ Костомаров Н.И. Начало единодержавия в древней Руси // Вестник Европы. 1870. № 11. С. 53-54; № 12. С. 496, 517, 561.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Сагардзе М.И. Ук. соч. С. 41.

¹¹⁷ Шапиро А.Л. Ук. соч. С. 463.

¹¹⁸ Костомаров Н.И. Начало единодержавия в древней Руси // Вестник Европы. 1870. № 12. С. 499.

Н.И. Костомаров разделял мнение Н.М. Карамзина о том, что монголо-татарское иго стало началом «нового порядка вещей»: «Татарское порабощение образовало между русскими княжествами такой строй, который несколько походил на феодальный, господствовавший в Западной Европе»¹¹⁹. В противоположность этому мнению историк права Ф.И. Леонтович выдвигал свою теорию, согласно которой истоки крепостного права коренились не в западном феодализме, а в быту среднеазиатских кочевников. Согласно его теории, крепостное право во времена татаро-монгольского ига было перенято и Русью¹²⁰. Данная точка зрения была подвергнута критике в научном сообществе.

Н.И. Костомаров обращал особое внимание на изучение не государства, а народа и в этом отметил важную роль Н.А. Полевого, который, по мнению ученого, был силен скорее «отважностью мысли, чем научным авторитетом» и не имел должного знания источников¹²¹. Н.И. Костомаров считал, что корни местничества также зародились в монгольскую эпоху, о чем довольно интересные гипотезы выдвигал все тот же историк права Ф.И. Леонтович¹²². Эти гипотезы были подвергнуты большим сомнениям Н.А. Рожковым и А.Н. Насоновым¹²³

Будучи членом археографической комиссии Н.И. Костомаров сделал много для расширения источниковой базы исследований, в том числе, вопроса ордынского владычества. Он принимал участие в публикации некоторых важных материалов в «Актах, относящихся к истории Южной и Западной России»¹²⁴, «Русской исторической библиотеке»¹²⁵, «Памятниках

¹¹⁹ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописании ее главнейших деятелей. Т. I. М., 1993. С. 132.

¹²⁰ Леонтович Ф.И. К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий или ойротский устав взысканий. Одесса, 1879. С. 254-255.

¹²¹ Киреева Р.А. Не мог жить и не писать: Николай Иванович Костомаров // Сахаров А.Н. Историки России XVIII-начало XX века. М., 1996. С. 289.

¹²² Леонтович Ф.И. Ук. соч. С. 264-265.

¹²³ Насонов А.Н. Историография монгольской политики на Руси. Доклад. Архив РАН. Фонд 1547, опись 1, ед. хр. 91. Автограф.

¹²⁴ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1-9, 11-13. СПб., 1863-1892.

¹²⁵ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 1-18. СПб., 1872-1917.

старинной русской литературы»¹²⁶, осуществил более ста отдельных публикаций народных песен, записок иностранцев и т.д. Для своих исследований он привлек источники из 65 архивов и библиотек России, Польши, Швеции, Германии, Бельгии, Франции, Италии, Швейцарии, Австрии, Чехии и Сербии¹²⁷.

Появление самодержавной власти связывал с борьбой с ордынцами Н.И. Хлебников (1840-1880)¹²⁸. Он приводит слова Д.И. Иловайского, который называл «самым сильным двигателем» возвышения Москвы «варварское иго»¹²⁹. Н.И. Хлебников задается вопросом: можно ли было создать федерацию или парламентарную монархию на Руси в тех условиях? И отвечает однозначно, что нет, так как для освобождения народа нужна была, прежде всего, централизация. Вечевой порядок и удельная система, по мнению историка, также с самого начала носили в себе болезнь, которая рано или поздно привела бы государство к падению¹³⁰. В концепции Н.И. Хлебникова заметно также влияние Н.М. Карамзина, который в монголо-татарах видел главную причину появления самодержавия на Руси.

Д.И. Иловайский (1832-1920) в своих трудах был проводником охранительных и монархических позиций, часто не считаясь с критикой общественного мнения. Он, наряду с Н.И. Костомаровым и Н.И. Хлебниковым, являлся сторонником карамзинского взгляда на последствия ига. Д.И. Иловайский полагал, что изучение истории должно способствовать развитию народного самосознания и нравственному совершенствованию общества. Ведущую роль в этом он придавал «государственному быту». Центральное место в исторической концепции Д.И. Иловайского отводится князьям, царям, видным общественным,

¹²⁶ Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. Вып. 1-4. СПб., 1860-1862.

¹²⁷ Лачаева М.Ю. Ук. соч. С. 165.

¹²⁸ Хлебников Н.И. Общество и государство в домонгольский период русской истории. СПб., 1872; О влиянии общества на организацию государства в царский период русской истории. СПб., 1869.

¹²⁹ Довнар-Запольский М.В. «Русская история в очерках и статьях». Т. 1. М., 1909. С. 589 // Иловайский Д.И. История России. Т. II. М., 1884

¹³⁰ Хлебников Н.И. Общество и государство в домонгольский период русской истории. С. 402-404.

государственным и церковным деятелям. Княжеская власть, по мнению Д.И. Иловайского, усилилась в условиях внешнего давления со стороны Золотой Орды. Это усиление сопровождалось переходом от вотчинных понятий к понятиям государственным. В данном тезисе он сближается с представителями государственной школы. Эта точка зрения противостоит воззрениям А.Д. Градовского и Н.И. Костомарова, которые настаивали на переходе от понятий государственных к понятиям вотчинным.

Д.И. Иловайский отмечает, что отъезд служилых монголо-татар из Орды в Москву повлиял на борьбу среди знати за старшинство, а следовательно имелся и ордынский след в становлении института местничества (о чем также упоминал Н.И. Костомаров)¹³¹. Он продолжает концепцию Н.И. Костомарова о том, что гнет монголо-татарского ига способствовал упадку вечевого начала и переходу суда в руки княжеских чиновников¹³². На протяжении всего ордынского ига главным судебным документом историк называет неизменный свод древних законов и обычаев – Русскую Правду¹³³, что говорит о незначительном воздействии ордынского фактора на судебную систему.

Эпоху ордынского ига, особенно ее вторую половину, по мнению Д.И. Иловайского, характеризует расцвет монастырской жизни в Северо-Восточной Руси на фоне ухудшения благосостояния народа, мирской и светской образованности¹³⁴. Всего в ордынскую эпоху Д.И. Иловайский насчитывает до 180 монастырей¹³⁵. Особое внимание историк обращает на исчезновение церковно-городских публичных школ в этот период, что сказалось на примере бояр и князей, немногие из которых владели искусством чтения и письма¹³⁶.

¹³¹ Иловайский Д.И. История России. Т. 2. Московско-литовский период или собиратели Руси. М., 1884. С. 362-363.

¹³² Там же. С. 370.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Иловайский Д.И. Ук. соч. С. 395.

¹³⁵ Иловайский Д.И. Ук. соч. С. 400.

¹³⁶ Там же. С. 412-413.

В.И. Савва (1865-1920) несколько критически относился к концепции Н.М. Карамзина о значительной роли монголо-татарского ига в российской истории. По мнению В.И. Саввы, оно наложило лишь колорит на известный московский посольский обряд, который практиковался в сношениях с европейскими державами. Основные черты этого обряды были схожи с обычаями Западной Европы. Полемичным, по мнению ученого, был вопрос о заимствовании титула «царь», впервые усвояемого при Иване III и ставшего постоянным титулом московских правителей при Иване IV. В.И. Савва относил титул «царь» на счет византийского заимствования¹³⁷.

Востоковед Н.И. Веселовский (1848-1918), в отличие от В.И. Саввы считал, что русские полностью переняли ордынский посольский церемониал. По мнению Н.И. Веселовского, посольский церемониал XV, XVI, XVII вв. носил в полной мере монголо-татарский или азиатский характер, за исключением религиозных аспектов: проведение между двух огней для очищения от злых мыслей, земные поклоны, лобызание ноги восточных правителей¹³⁸ и др.

Важным обычаем, заимствованным у монголо-татар, по мнению Н.И. Веселовского, был запрет принимать послов с оружием перед царем и подача парадных лошадей перед представлением посольства государю. О тщательном обыске послов и его спутников на предмет наличия ножей перед приемом хана Куюка упоминают Плано Карпини и Рубрук¹³⁹. Несмотря на наличие отсылок историка к Плано Карпини и др. авторам, мы не можем уверенно делать вывод о влиянии Орды на русский посольский церемониал. Как и в случае с культурными заимствованиями вопрос о рецепциях в посольском церемониале упирается в неразработанность соответствующей доказательной базы как в XIX в., так и на современном этапе.

¹³⁷ Савва В.И. Московские цари и византийские василевсы. К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков, 1901. С. 143.

¹³⁸ Веселовский Н.И. Татарское влияние на русский посольский церемониал в московский период русской истории. СПб., 1911. С. 1, 19.

¹³⁹ Там же. С. 13.

Историк права А.С. Павлов (1832-1898) отмечал, что пока Русь была стеснена ордынским игом, князьям приходилось мириться с чрезмерными льготами церкви, но как только ордынское владычество стало ослабевать, князья постепенно стали отнимать у духовенства предоставленные ему ханскими ярлыками привилегии. Так, согласно уставной грамоте Василия Дмитриевича, выданной после Куликовской битвы, митрополит обязан был вносить дань по княжеской оброчной грамоте в те годы, когда самому великому князю приходилось платить «выход». Кроме того, митрополит обязан был нести ямскую повинность в митрополичьих селах и выставлять военных людей. Грамота ограничивала судебные права митрополита¹⁴⁰.

Учитывая значительный вклад Н.М. Карамзина в разработку вопроса о влиянии монголо-татарского ига на Русь, можно выделить отдельно карамзинскую школу (Н.И. Костомаров, Д.И. Иловайский, Н.И. Хлебников, А.Д. Градовский), представители которой рассматривали данную проблему в духе написанной им «Истории». Отличительной особенностью трудов этих ученых было следование концепции дворянской историографии, ярким выражением которой стало признание за Ордой решающей роли в становлении российского самодержавия.

3. Государственная школа

Следующим после Н.М. Карамзина этапом развития взглядов на монгольское нашествие были работы историков «государственной школы» – К.Д. Кавелина, Б.Н. Чичерина, С.М. Соловьева и др. Историки этого направления рассматривали государство как субъект и двигатель исторического процесса, а русский народ считали принадлежащим к народам европейским. Наряду с государством, это направление придавало большое значение действию внешних сил – варяги, монгольское завоевание, петровские реформы в духе европеизации и т.д. Другой особенностью

¹⁴⁰ Павлов А.С. Курс церковного права. СПб., 1902. С.161.

государственной школы было отрицание внутренней и мировой закономерности исторического развития (кроме С.М. Соловьева).

Ко второму поколению историков государственной школы, занимающихся историей государственного права, законодательства древней Руси и касающихся также вопроса монголо-татарского влияния на русские социально-политические институты можно отнести В.И. Сергеевича, А.Д. Градовского, Ф.И. Леонтовича, П.Н. Милюкова и др. Этот этап развития отечественной исторической науки отмечен горячими спорами западников и славянофилов, причем среди западников были как раз виднейшие представители государственной школы, в числе которых и С.М. Соловьев.

Идейные взгляды государственной школы оказали влияние на теоретические построения В.О. Ключевского и С.Ф. Платонова. До появления работ историков государственной школы анализ проблемы сводился к рассуждениям об «обычаях, нравах, одеждах». Как отметила Д.К. Чимитова, государственная школа смещает приоритет изучения в сторону политического устройства до- и послемонгольской Руси¹⁴¹. Творцом истории провозглашался не народ, а государство («демиург истории»), роль народа уходила на второй план, эволюция истории заключалась в переходе от родовых отношений к государственным¹⁴².

Одним из основоположников государственно-юридической школы был доктор права К.А. Неволин (1806-1855). Как считал К.А. Неволин, устройство управления в эпоху ордынского владычества во всех княжествах было одинаково. Это было связано с тем, что одно княжеское племя Рюриковичей господствовало по всем местам, население было одинаковым и все территории приближенно имели единый вектор развития¹⁴³. Современный уровень разработки вопроса о монгольском воздействии на

¹⁴¹ Чимитова Д.К. Отечественная историография влияния монголо-татарского ига на социально-экономическое, политическое и культурное развитие Руси // Чингисхан и судьбы народов Евразии. Материалы международной научной конференции. Улан-Удэ, 2003. С. 289.

¹⁴² Нечкина М.В. Ук. соч. С. 51.

¹⁴³ Неволин К.А. История просвещения и гражданского образования. Т. V. Образование управления в России от Иоанна III до Петра Великого. СПб., 1844. С. 10-16.

Русь позволяет однозначно сказать, что степень зависимости различных русских земель от Орды отличалась. Для этого достаточно сопоставить Русь Северо-Восточную с Русью Юго-Западной и Новгородской республикой.

У истоков становления государственной школы стоял также историк-юрист К.Д. Кавелин (1818-1885). Эволюцию вотчинных отношений в государственные, родовых отношений в личностные он показывал на примере ордынского влияния: «Смешно утверждать, что Московское государство было создано татарами. Стремление к объединению появилось гораздо раньше и проявлялось постоянно под различными формами. Однако татаро-монголы выдвинули на первый план в своих отношениях с русскими князьями личные качества последних, а не родственные связи и тем способствовали (не подозревая об этом) разрушению родовых отношений и воссозданию политического единства, проявлению личности. Этим и воспользовались «даровитые, умные, смышленные князья московские»¹⁴⁴.

В статье «Взгляд на юридический быт древней Руси» 1846 г. К.Д. Кавелин говорит о том, что монголо-татары не внесли никаких новых начал, способных разрушить родовой быт славян. Однако, они разрушили удельную систему и усилили власть великого князя, способствуя складыванию центра русской земли и единодержавия¹⁴⁵. К.Д. Кавелин приходит к мысли об ослаблении удельно-вечевой системы и замене родового начала семейственно-вотчинным. В Иване Калите историк замечает новый тип князя – князя-вотчинника, сменившего старый тип. Новые московские князья это, прежде всего, неограниченные наследственные господа над своими вотчинами¹⁴⁶.

С.М. Соловьев (1820-1879) почти полностью игнорирует роль монгольского завоевания в истории России. Он является главным представителем родовой теории, стремящейся доказать, что до призвания

¹⁴⁴ Лачаева М.Ю. Ук. соч. С. 296-297.

¹⁴⁵ Кавелин К.Д. Собрание сочинений. Т. 1. СПб., 1897. С. 12, 42.

¹⁴⁶ Кавелин К.Д. Ук. соч. С. 42-43.

князей славянские племена России жили в формах родового быта. Первым попытку переменить эти отношения, по мнению историка, сделал Андрей Боголюбский, а, следовательно, влияние монголов на этот процесс не было главным и решительным.

По его мнению, замена родовых отношений государственными началась гораздо раньше монголов и развивалась вследствие внутренних причин¹⁴⁷. В статье «Взгляд на историю установления государственного порядка в России до Петра Великого» он говорит о том, что «монголы остались жить вдалеке от русских княжеств, заботились о сборе дани, оставляя все как было, следовательно, оставляя в полной свободе действовать те новые отношения, которые начались на севере прежде них»¹⁴⁸. По мнению С.М. Соловьева, даже в первое время ига, когда по русским городам были поставлены баскаки, мы не можем говорить о решительном влиянии монголо-татар на внутреннее управление государства. Как и К.Д. Кавелин, он считал, что царский титул Русь наследовала не у хана Золотой Орды, а у Византии, а влияние монголо-татар было не сильнее влияния половцев¹⁴⁹.

По мнению С.М. Соловьева, преломление родового порядка выразилось в восстании сильнейших князей на слабейших, несмотря на все родовые права и счета. Когда эта борьба закончилась усилением одного княжества за счет других, новое государство воспользовалось силою для того, чтобы победить монголов и начать наступление на Азию¹⁵⁰. Падение роли веча он не связывает с монголо-татарским нашествием. Борьбу с монголо-татарами С.М. Соловьев, как и Н.А. Полевой, сравнивал с борьбой Европы и Азии, которая являлась продолжением многовековой борьбы с кочевыми народами, борьбы «леса со степью», где Россия выступала передовым форпостом Европы, давая последней возможность ускоренно развиваться. Замедленный

¹⁴⁷ Соловьев С.М. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. М., 1847. С. 7, 18.

¹⁴⁸ Соловьев С.М. Взгляд на историю установления государственного порядка в России до Петра Великого. М., 1852. С. 839.

¹⁴⁹ Соловьев С.М. История отношений между князьями Рюрикова дома. 1847 // Довнар-Запольский М.В. «Русская история в очерках и статьях». Т. 1. М., 1909. С. 589.

¹⁵⁰ Соловьев С.М. Взгляд на историю установления государственного порядка в России до Петра Великого. С. 54-55.

прогресс, в сравнении с западноевропейскими народами, историк связывал как с монголо-татарским игом, так и со своеобразными географическими условиями¹⁵¹. Материальное состояние Северной Руси в период ордынского владычества, по мнению историка, не имело стимула к росту, но в то же время, оно и не подверглось столь сильному падению. С.М. Соловьев отмечает, что цифры, показывающие степень опустошения русских земель, не столь критичны, как могло казаться¹⁵².

Анализируя летописи и актовые материалы, С.М. Соловьев, в отличие от его предшественников М.М. Щербатова и Н.М. Карамзина, делавших основной акцент на политической истории, стремился дать освещение широкого круга проблем народной жизни времен ордынского ига: социальные отношения и изучение сословного строя, развитие государственных учреждений, обогащение юридических норм, городской строй и др. Во время исследования древнерусского периода ученый в соответствии со своим более широким пониманием задач исторического изучения, уделил специальное внимание природным условиям, этнографическим и географическим особенностям Древнерусского государства. При освещении событий XIV-XV в. русской истории С.М. Соловьев ввел новый круг источников, которые не были известны Н.М. Карамзину и вошли в «Собрание государственных грамот и договоров»¹⁵³, «Акты археографической экспедиции»¹⁵⁴, «Акты исторические»¹⁵⁵. Кроме того, С.М. Соловьев более основательно, чем Н.М. Карамзин, изучил записки иностранцев и иностранные хроники, начал широко привлекать архивный материал по истории внешних сношений Русского государства, в том числе и с Золотой Ордой¹⁵⁶.

¹⁵¹ Иллерицкий В.Е. Сергей Михайлович Соловьев. М. 1980. С. 113.

¹⁵² Соловьев С.М. История России. Т. IV. С.245 // Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. Т. 1. СПб., 1872. С. 477.

¹⁵³ Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813.

¹⁵⁴ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук. Т. 1-4. СПб., 1836.

¹⁵⁵ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1-5. СПб., 1841-1842.

¹⁵⁶ Иллерицкий В.Е. Ук. соч. С. 99-100.

Теоретик государственной школы Б.Н. Чичерин (1828-1904) в своих размышлениях о правовых отношениях в княжеской среде времен монголо-татарского владычества касается важного источника – духовных и договорных грамот великих и удельных князей. По мнению историка, в отношениях князей между собой и с населением не существовало государственных понятий и государственной власти, а все было подчинено договорным отношениям и частному праву¹⁵⁷. В построении исторической концепции Б.Н. Чичерин понимал исторический процесс как единый процесс мировой истории, в основании которого, согласно философии истории Гегеля, лежат единые цели и законы. Исходя из этого, Б.Н. Чичерин отводил большую роль в образовании единой, централизованной власти на Руси внешнему фактору, а именно татаро-монгольскому игу, которое приучило народ к покорности и способствовало образованию государства «сверху, действиями правительства, а не самостоятельными усилиями граждан»¹⁵⁸. В связи с этим историк понимал состояние подчиненности удельных князей великим как временное, частное – на период ордынского владычества, которое не носило государственный характер. Подтверждение этого он видит в договорах времен Дмитрия Донского, где указывалось, что если «переменит Бог Орду», то каждый удельный князь берет дань себе, а великий князь не имеет права ничего требовать¹⁵⁹. Соглашаясь с мнением С.М. Соловьева, Б.Н. Чичерин считает, что именно этот вотчинный принцип начал способствовать формированию единого государства, когда каждый сильнейший князь стремился усилиться за счет слабейшего и присоединить к себе его территории. Другими словами, личное начало постепенно было заменено началом государственным¹⁶⁰.

Еще один представитель государственно-юридической школы Ф.И. Леонтович (1833-1911) делает акцент на том, что при помощи

¹⁵⁷ Платонов С.Ф. Ук. соч. С. 113.

¹⁵⁸ Лачаева М.Ю. Ук. соч. С. 308.

¹⁵⁹ Чичерин Б.Н. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей // Русский вестник, 1857. Т. 9. Кн. 1-2. С. 42-43.

¹⁶⁰ Чичерин Б.Н. Ук. соч. С. 48.

монгольского права Россия сделала шаг от «мира к государству» и получила много новых политических и социальных институтов: систему приказов, тарханы, крепостничество, местничество, кормление. По его мнению, даже Соборное уложение 1649 г. берет многое из Великой Ясы Чингис-хана с ее жестокими наказаниями¹⁶¹. Историко-правовые наработки автора оказались крайне неубедительны и были в дальнейшем отвергнуты в научной среде.

Ученый связывал с монголо-татарами происхождение московских приказов и палат, которых прототипы он видел в административной системе великих ханов Мунке и Хубилая в XIII в.: палаты-приказы, нойоны-князья, битикчи-дьяки и т.д.¹⁶²

Истоки крепостничества автор ищет в родовом праве среднеазиатских кочевников: древние ясы и ойратские уставы монгольских орд. Таким образом, с русской народной жизни, как считает историк, нужно снять обвинение в создании служебного и вотчинного крепостничества всего русского населения. В качестве подтверждающего источника он ссылается на ойратский устав 1640 г., трактующий о *genti adscriptio* и «перебежчиках»¹⁶³. На наш взгляд, подобная отсылка неуместна по многим причинам, и прежде всего потому, что документ датируется XVII в., когда Золотоордынское государство давно прекратило свое существование.

Наиболее обоснованным тезисом правоведа является мысль о том, что с первых времен монгольской эпохи к русскому праву прививалось тарханство. Тарханные грамоты впервые были отменены царским Судебником 1550 г., а однородные с ними несудимые грамоты – Стоглавом. Окончательная отмена тарханных грамот произошла в середине XVII в.¹⁶⁴ По мнению Ф.И. Леонтовича, ордынские ханы, являясь верховными собственниками русской земли, помогли князьям ограничить свободу бояр и

¹⁶¹ Леонтович Ф.И. Ук. соч. С. 249, 252-262, 272.

¹⁶² Там же. С. 251-253.

¹⁶³ Там же. С. 254-255.

¹⁶⁴ Там же. С. 257-258.

других служилых классов¹⁶⁵. Корни местничества Ф.И. Леонтович находит в Великой Ясе, ссылаясь при этом на Рашид ад-Дина: «В каждой степени уже определено: какому правителю другой обязан сделать «истикбаль» (церемониал) и становиться перед ним на колени»¹⁶⁶. По мнению правоведа, под влиянием даннической системы ордынцев образовались также подворная система податей, система вотчинных кормлений, откупная система податных сборов, ямская гоньба, таможенные сборы и прочее¹⁶⁷. Историк к каждому своему доводу дает подробное обоснование, но качество этих доводов находится на довольно низком уровне даже для XIX в.

Представитель младшего поколения государственной школы В.И. Сергеевич (1832-1910) указал на изменения в городской жизни, которые появились в связи с нашествием монголо-татар. Историк отмечает уничтожение монголо-татарами вечевых порядков. Эти порядки сохранились до XIV и XV вв. лишь в местах, которых не коснулось нашествие, например в Новгородской и Псковской волости¹⁶⁸. О влиянии ордынского ига на уничтожение вечевых институтов писало большинство дореволюционных историков – Н.И. Костомаров, Д.И. Иловайский, В.И. Сергеевич, Д.И. Багалей, М.И. Сагарадзе и др. Но Н.Г. Устрялов и С.М. Соловьев указывали не на монголо-татар, а на князей как главных виновников падения вечевых структур. Очевидно, что князья сами были заинтересованы в усилении личной власти над городской верхушкой, в чем им всецело оказывал поддержку Сарай.

В.И. Сергеевич отмечал значение ига в объединении князей. Нам представляется наиболее вероятным, что монголо-татары в действительности способствовали (сами того не желая) централизации Российского государства, но цели у них были сугубо прагматические – увеличение поступления «выхода» в Орду. Историк заметил, что на практике в договорах

¹⁶⁵ Леонтович Ф.И. Ук. соч. С. 258.

¹⁶⁶ Там же. С. 264-265.

¹⁶⁷ Там же. С. 270-271.

¹⁶⁸ Сергеевич В.И. Русские юридические древности. Т. II. СПб., 1900. С. 38.

XIV-XV вв. часто не прослеживалось внесенного монголо-татарами начала подчинения великому князю удельных¹⁶⁹. Это подчинение держалось, как считает В.И. Сергеевич, страхом ордынского насилия и бесследно исчезло вместе с монголо-татарским владычеством. Ни великие князья, ни ордынцы не смогли положить конец договорным отношениям и не низвели владетельных князей до состояния подданных великого князя¹⁷⁰.

В 1868 г. вопроса о монгольском влиянии касался историк права А.Д. Градовский (1841–1889), который также относился к младшему поколению «государственников». Научная концепция А.Д. Градовского соединяла в себе государствоведческий, исторический и юридический подходы, а знание зарубежного права позволяло ему производить сравнительно-исторический анализ. В домонгольской Руси, по мнению историка, князь был не собственником государства, а лишь суверенным правителем: «Частная собственность князя существовала наряду с частной собственностью бояр и нисколько не стесняла последней. Только в монгольский период появляется понятие о князе не только как о государе, но и как о владельце всей земли»¹⁷¹. Здесь мы видим сходство с тезисом Б.Н. Чичерина о появлении частного права в условиях ордынского ига. Данная мысль А.Д. Градовского, как заметил Р. Пайпс, была первым упоминанием о слиянии политической власти и собственности, которое под воздействием Макса Вебера получит название «патримониализма».

Труды А.Д. Градовского оказали влияние на формирование взглядов Н.И. Костомарова¹⁷². А.Д. Градовский в вопросе о влиянии монголо-татарского ига был на стороне Н.М. Карамзина, подчеркивая значительную роль монголо-татар в укреплении вотчинного права князей¹⁷³.

¹⁶⁹ Сергеевич В.И. Русские юридические древности. Т. II. СПб., 1893. С. 222-224.

¹⁷⁰ Там же. С. 224-227.

¹⁷¹ Градовский А.Д. История местного управления в России // Он же. Собрание сочинений. Т. 2. СПб., 1899. С. 150.

¹⁷² Пайпс Р. Влияние монголов на Русь: «за» и «против». Историографическое исследование. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nz/neprikosnovennyu-zapas-79-52011/12104-vliyanie-mongolov-na-rus-za-i-protiv-istoriograficheskoe-issledovanie.html>. (дата обращения: 31.08.2015).

¹⁷³ Градовский А.Д. История местного управления в России. Т. I. СПб., 1868.

В.О. Ключевский (1841-1911) был продолжателем традиций государственной школы, но в отличие от своих предшественников в анализе исторического процесса он несколько сместил акценты с государственно-правовой плоскости в общественно-экономическую. Он стремился представить исторический процесс как ход развития общественных классов, взаимоотношения и роль которых менялись в связи с экономическим и политическим развитием страны¹⁷⁴. В.О. Ключевский был последователем Н.М. Карамзина и Н.И. Костомарова в вопросе о влиянии монголо-татарского владычества, утверждая, что власть хана способствовала единству русских земель, находящихся между собой в постоянном состоянии войны. Но, одновременно, ученый не придавал решающего значения монголо-татарскому завоеванию в вопросе формирования единой государственной власти, отмечая, как и С.М. Соловьев, что эти тенденции имели место в Северо-Восточной Руси задолго до нашествия: «Явления, которые мы наблюдаем в Суздальской земле после этого разгрома, последовательно без перерыва развиваются из условий, начавших действовать еще до разгрома в XII в.»¹⁷⁵.

В.О. Ключевский в целом положительно оценивает воздействие монголо-татарского завоевания, отмечая значимую роль хана в сдерживании усобиц: «Власть хана давала хотя признак единства мельчавшим и взаимно отчуждавшимся вотчинным углам русских князей... Власть хана была грубым татарским ножом, разрезавшим узлы, в какие умели потомки Всеволода III запутывать дела своей земли»¹⁷⁶. Найденные в личном архиве ученого рукописи подтверждают убежденность В.О. Ключевского в отсутствии значительного влияния монголо-татар на русскую самобытность: «Московское государство вышло не византийским, не татарским и не литовским... Оно вышло самобытным чисто русским государством и в этом его особенность... Никакое другое европейское общество, может быть, не

¹⁷⁴ Киреева Р.А. За художником скрывается мыслитель: Василий Осипович Ключевский // Сахаров А.Н. Историки России XVIII-начало XX века. М., 1996. С. 415.

¹⁷⁵ Ключевский В.О. Курс русской истории. Т. I. СПб., 1904. С. 414.

¹⁷⁶ Ключевский В.О. Сочинения. Т. 2. Ч. 2. М., 1952. С. 43.

складывалось в таком уединении от посторонних влияний, на таком пустынном просторе леса и поля»¹⁷⁷. По мнению В.В. Каргалова, В.О. Ключевский недооценивал разрушительные последствия ордынского ига, игнорируя новые условия, в которые были поставлены русские княжества после завоевания¹⁷⁸.

В свою очередь, определяющее влияние на взгляды С.Ф. Платонова (1860-1933) оказывали идеи историко-юридической школы, а также позитивизм В.О. Ключевского, который привлекал его «разносторонностью и широтой исторического понимания». В концепциях ученого о степени воздействия Орды на Русь заметно влияние С.М. Соловьева. С.Ф. Платонов называл монголо-татарское иго «случайностью в нашей истории», влияние которого было минимальным и выразилось лишь в окончательном разделении Руси на Юго-Западную и Северо-Восточную¹⁷⁹.

С.Ф. Платонов в ордынском влиянии различал две стороны: влияние на государственно-общественное устройство Древнерусского государства и влияние на его культуру. По мнению историка, монголо-татарская власть ничего не изменила в старом порядке передачи столов, но лишь присвоила себе право санкционировать получение этих столов. Как и С.М. Соловьев, ученый полагал, что монголо-татары застали уже начавшийся до их нашествия процесс распада родового наследования и зарождения семейно-вотчинного владения¹⁸⁰. Отношения князей к населению, по мнению С.Ф. Платонова, не подвергались постоянной регламентации со стороны хана, а власть князя при этом несколько укрепилась¹⁸¹. Сближение монголо-татар с русским населением историк датирует позднейшим временем, когда иго начало слабеть и многие ордынские сановники начали являться на

¹⁷⁷ Научный архив Института Российской истории РАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3. Автограф, 1870.

¹⁷⁸ Каргалов В.В. Ук. соч. С. 231.

¹⁷⁹ Платонов С.Ф. Ук. соч. С. 106, 109.

¹⁸⁰ Платонов С.Ф. Ук. соч. С. 107-108.

¹⁸¹ Там же. С. 108.

службу к русским князьям и даже заключать совместные браки, селясь в Касимове, Елатье, Романове и др. городах¹⁸².

С.М. Соловьев, В.О. Ключевский и С.Ф. Платонов последовательно один от другого переняли мысль о том, что распад родового и зарождение семейно-вотчинного землевладения начался на Руси задолго до монголо-татар. Однако большинство историков замену родового землевладения на вотчину относят к влиянию ига: К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин, Н.И. Костомаров, А.Д. Градовский, К.Н. Бестужев-Рюмин, А.Е. Пресняков и др. И.Д. Иловайский на основании этих концепций пришел к выводу о том, что под действием ига произошел постепенный переход далее от вотчинных понятий к понятиям государственным.

А.Е. Пресняков (1870-1929), так же, как Б.Н. Чичерин, определяет юридическую форму Руси до XV в. как гражданское общество, а не государство, где отношения построены на началах не государственного, а частного права¹⁸³. Здесь опять же прослеживается преемственность позиции о частном праве Б.Н. Чичерина, А.Д. Градовского, С.Ф. Платонова и др. А.Е. Пресняков, как и историки государственной школы, причину образования единого Московского государства видел в утрате владельческими князьями политического влияния в условиях взаимоотношений с Золотой Ордой в пользу великокняжеской власти, окрепшей в руках московских князей путем «фактической ломки и принципиального отрицания силы обычного права в пользу вотчинного самодержавия»¹⁸⁴.

Согласно концепции ученого, до монголо-татарского нашествия в Северо-Восточной Руси осуществлялась исконная тенденция княжеского старейшинства, воплощенная в идее великого княжения Владимирского. После нашествия, по мнению А.Е. Преснякова, к концу XIII в. постепенно

¹⁸² Платонов С.Ф. Учебник русской истории. М., 1992. С. 84.

¹⁸³ Пресняков А.Е. Образование Великоорусского государства. М., 1918. С. 13.

¹⁸⁴ Лачаева М.Ю. Ук. соч. С. 283-284.

назревает агония великокняжеской власти старого типа¹⁸⁵. Автор приводит в поддержку своей точки зрения доводы В.И. Сергеевича и В.О. Ключевского о том, что первое, но чисто внешнее объединение, северо-восточные княжения получили в ходе подчинения их власти ордынскому хану¹⁸⁶. А.Е. Пресняков отмечал, что развитие древнерусского государства протекало, главным образом, под действием внутренних сил, однако монгольская власть была существенным фактором, который оказывал большое влияние на исход политических событий¹⁸⁷. Одним из следствий ига ученый считал ухудшение функционирования волжского торгового пути. Нужно заметить, что историки марксистской школы Н.А. Рожков и М.Н. Покровский полагали, что иго наоборот способствовало ускорению торговли по Волге.

Многие выводы А.Е. Преснякова подкреплены большой работой с источниковой базой. Он участвовал в анализе состава и происхождения Царственной книги, которую он сопоставлял с Никоновской и Львовской летописями, Софийским Временником, Степенной книгой. Несомненную ценность представляет детальное описание ученым лицевого свода Ивана Грозного. Ему также принадлежат «Мелкие заметки к Воскресенской летописи»¹⁸⁸, в которых он исследует некоторые списки Воскресенского летописного свода. Под редакцией А.Е. Преснякова были напечатаны Семеоновская¹⁸⁹ и Типографская¹⁹⁰ летописи. Материалы, разработанные ученым, были использованы при издании дополнений к текстам Никоновской летописи и Царственной книги¹⁹¹, а также Львовской летописи¹⁹². На основании источников ученый проводил проверку и приводил в систему важные факты русско-ордынских взаимоотношений.

¹⁸⁵ Пресняков А.Е. Образование Великоорусского государства. Пг., 1920. С. 66.

¹⁸⁶ Пресняков А.Е. Образование Великоорусского государства. М., 1918. С. 15.

¹⁸⁷ Мухаметов Ф.Ф. Историография монгольского периода в истории России // Троицкий вестник. 2006. № 1. С. 30.

¹⁸⁸ Пресняков А.Е. Мелкие заметки к Воскресенской летописи. СПб., 1901.

¹⁸⁹ ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913.

¹⁹⁰ ПСРЛ. Т. 24. Пг., 1921.

¹⁹¹ ПСРЛ. Т. 13. СПб., 1904.

¹⁹² ПСРЛ. Т. 20. СПб., 1910.

Для государственно-юридического направления были характерны эволюция методологии исторических исследований и опора на источниковую базу, что позволило историкам этой школы заметно продвинуться в вопросе изучения влияния монголо-татарского ига и перейти от умозрительных заключений предшественников к научно обоснованным выводам. Государственная школа вобрала в себя, по сути, лучшие умы отечественных историков, труды которых нашли преемственность в марксистской и постсоветской историографии.

4. Славянофилы и другие историки

Представители этого направления русской общественной мысли также исследовали вопрос о влиянии монголо-татарского ига на Русь, но в отличие от западников в лице государственной школы славянофилы не оказали столь большого вклада в решение данного вопроса. В основе идеологии славянофильства мы находим приоритет исконных ценностей патриархальной Руси, которые резко противопоставлялись западноевропейским «нововведениям». Эти споры западников и славянофилов сводились к дискуссии о том, какой путь развития России определяет ее историческое существование: особый национальный (этноцентричный) или всеобщий (цивилизационный)?¹⁹³ Традиционной формой общественного устройства у славян провозглашалась община («земля»), а не государство как у западников. Учение славянофилов сформировалось в 1830-1840-е гг. в качестве новой формы объяснения исторического процесса в трудах А.С. Хомякова и К.С. Аксакова.

Славянофил И.В. Киреевский (1806-1856), в отличие от Н.А. Полевого, не стремился к изображению развития исторического процесса во всемирном масштабе. Видение русской истории он преподносил через рамки взаимоотношений России и Запада. Его историческая концепция носила

¹⁹³ Кривошеев Ю.В. К историософии средневековой Руси в XX в. // Средневековая и новая Россия. СПб., 1996. С. 91.

ретроспективно-утопический характер. По его мнению, монголы принесли Руси огромную пользу, помешав ее сближению с Западом и оградив от его расчетливой и рассудочной культуры¹⁹⁴. Историк полагал, что монголо-татары не могли повлиять на существенное изменение внутренней общественной жизни Древней Руси. Этот взгляд на иго, близкий к концепции официальной народности М.П. Погодина, более чем на полстолетия предвосхитил теорию «евразийцев»¹⁹⁵. Славянофилы в отличие от историков государственной школы ставили на первый план не государство, а народ. Соответственно, основополагающим началом русской народной жизни был у них не род, а община¹⁹⁶. К.С. Аксаков и А.С. Хомяков также отмечали, что принципиальные отличия кочевой культуры монголов и городской культуры русских спасли православие от западной экспансии¹⁹⁷. В.Н. Лешков (1810-1881) отмечал, что монгольский период не отразился на русском посольском обряде¹⁹⁸.

К «поздним» славянофилам относился историк права И.Д. Беляев (1810-1873), который считал, что монголо-татары способствовали ликвидации различий между «дружиной» и «земщиной», а собиравший ордынский выход князь получил большую власть¹⁹⁹. Труд И.Д. Беляева «О монгольских чиновниках на Руси, упоминаемых в ханских ярлыках», вышедший в 1850 г., раскрывает различные наименования монгольской администрации, фигурирующие в источниках²⁰⁰.

По мнению И.Д. Беляева, ордынское владычество внесло в русское общество новый элемент, изменивший прежнюю систему отношений в обществе. Историк отмечал как следствие ига ослабевание связи между

¹⁹⁴ Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Московский сборник. Т. I. М., 1852. С. 17-19.

¹⁹⁵ Борисов Н.С. Ук. соч. С. 135.

¹⁹⁶ Киреева Р.А. Не мог жить и не писать: Николай Иванович Костомаров. С. 293.

¹⁹⁷ Аксаков К.С. Полное собрание сочинений. Т. 1. М., 1889; Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. Т. 4. Ч. 1. М., 1873.

¹⁹⁸ Критическая оценка речи Лешкова, неблагоприятная для него // Сочинения К.Д. Кавелина. Ч. 2. М., 1859. С. 432.

¹⁹⁹ Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства. М., 1879. С. 278-279.

²⁰⁰ Архив историко-юридических сведений, изд. Калачевым, кн. 1. М., 1850. С. 99.

великим и удельным князьями, введение элементов китайской администрации, утверждение самодержавия, сближение князя с народом²⁰¹. В отличие от Ф.И. Леонтовича, который считал, что влияние великих князей на удельных ослабло при монголо-татарах, И.Д. Беляев полагал, напротив, что сила княжеской власти нисколько не уменьшилась в ордынский период²⁰².

Ссылаясь на уставную грамоту 1392 г. великого князя Василия Дмитриевича и митрополита Киприана И.Д. Беляев показывает особое положение церкви, которое она получила в ордынский период. В этой грамоте великий князь отказывается от всякого суда в митрополичьих владениях и запрещает боярам покупать митрополичьи села: «Судити митрополиу Луховца с волостелем или с доводчиком, а судье моему, великаго князя, не быти; а боярам и слугам князя великаго и митрополичьих земель луховских не купити, а которые будут покупили, а тем лезти вон, а серебро свое взяти»²⁰³. В то же время, историк доказывает, что русское духовенство не отделяло себя от народа, а помогало ему нести некоторые тягости и налоги, о чем говорится в той же грамоте: «А коли дань дати в татары, тогда и оброк дати церковным людям; а коли дани не дати в татары, тогда и оброк не дати церковным людям»²⁰⁴. Заметим, что особое положение церкви историки советского времени пытались использовать для ее компрометации.

И.Д. Беляев, как и В.И. Сергеевич, подметил, что при монголо-татарах происходит обращение дружинников в служилых людей, которые стали верными подданными князя, а некоторые стали сливаться с земщиной²⁰⁵. Во время монголо-татарского владычества, как заметил И.Д. Беляев, появилось много княжеств около младших и неизвестных ранее городов: Москва, Нижний Новгород, Тверь и др. Старейшие города снизошли до уровня

²⁰¹ Беляев И.Д. Ук. соч. С. 269-270.

²⁰² Там же. С. 278-279.

²⁰³ Там же. С. 291.

²⁰⁴ Там же. С. 291.

²⁰⁵ Там же. С. 300-301.

незначительных и лишились своих самостоятельных князей: Ростов, Белоозеро, Суздаль и др.²⁰⁶

В 1873 г. вышла посмертная статья славянофила В.И. Кельсиева (1835-1872), в которой автор высказал мнение о том, что ордынское влияние на Русь имело совсем незначительный характер и не повлияло на быт и цивилизацию русских. Он протестовал против преувеличения иноземного влияния в отечественной историографии, которое указывало на неспособность русских к самостоятельным историческим действиям²⁰⁷. В.И. Кельсиев критикует Н.И. Костомарова, который считает, что Иван III сломил Великий Новгород под влиянием ордынского духа и ордынского строя Московского государства. А.П. Щапов, по мнению В.И. Кельсиева, уделял непомерное внимание влиянию Византии на Русь²⁰⁸. В ответ на устоявшееся мнение о влиянии монголо-татар на быт и поведение русских женщин В.И. Кельсиев утверждал, что монголо-татары не способствовали огрубению женских нравов на Руси, так как женщина у ордынцев пользовалась такой свободой, какой арийские женщины никогда не имели. Историк говорит об обратном влиянии русских, китайцев, персов и других национальностей на монголо-татар, которое способствовало смягчению их нравов, приобщению к оседлой культуре, растительной пище, поваренному и вышивальному искусству и т.д. Отсюда он приходит к выводу о том, что заимствование от монголо-татар некоторых слов или элементов одежды не означало еще заимствования быта или цивилизации²⁰⁹.

Преподаватель вспомогательных исторических наук Московского университета М.С. Гастев (1801-1883) в книге «Рассуждения о причинах, замедливших гражданскую образованность в Русском государстве до Петра Великого» негативно оценивает нашествие и считает, что иго не ликвидировало усобиц и никак не способствовало утверждению

²⁰⁶ Беляев И.Д. Ук. соч. С. 314.

²⁰⁷ Кельсиев В.И. Заметки о татарском влиянии великоросов // Гражданин. 1873. № 44-45. С. 1179, 1207.

²⁰⁸ Кельсиев В.И. Заметки о татарском влиянии великоросов // Гражданин. 1873. № 44. С. 1180.

²⁰⁹ Кельсиев В.И. Заметки о татарском влиянии великоросов // Гражданин. 1873. № 45. С. 1206-1207.

самодержавия. Это утверждение вызвало его полемику с М.П. Погодиным (1800-1875), который отмечал, что московские князья восстановили государственную власть через ослабление с помощью ханов враждебных Москве удельных князей²¹⁰.

М.С. Гастев говорит о полном проникновении ханских порядков в систему власти русских княжеств. Концепция историка в своей основе имеет некоторые черты схемы С.М. Соловьева, как, например, невмешательство хана во внутренние дела, которые не затрагивали его интересов по сбору «выхода»²¹¹. М.С. Гастев говорит также о всеобщем огрублении нравов, доставшимся нам по наследству от монголо-татар: «От татар...вошли к нам телесные наказания за преступления: за кражу вешали, клеймили, казнили смертью; за вины государственные секли кнутом и т.д.»²¹² В этих бедствиях, чинимых монголо-татарами Русскому государству, он видит причину медленного развития гражданской образованности на Руси. Вторая причина – удельная система²¹³. В отличие от мнения большинства историков причиной формирования самодержавия автор видит не владычество монголо-татар, а удельную систему. Влияние монголо-татар он рассматривал только в негативном ключе, считая, что под его действием русский народ превратился в азиатский²¹⁴. Часть выводов М.С. Гастева, которая касалась влияния на нравы, обычаи и культуру, носит наиболее гипотетический характер вследствие слабой разработки «татарского вопроса» в начале XIX в. и отсутствия соответствующих источников.

К.Н. Бестужев-Рюмин (1829-1897) был продолжателем исторической концепции своего учителя С.М. Соловьева и диалектической философии Гегеля. Он пытался примирить крайне противоположные точки зрения историков по теме влияния Золотой Орды на Русь. В своей «Русской

²¹⁰ Гастев М.С. Рассуждения о причинах, замедливших гражданскую образованность в Русском государстве до Петра Великого. М., 1832. С. 99, 112-121, 131.

²¹¹ Гастев М.С. Ук. соч. С. 102-103.

²¹² Там же. С. 112.

²¹³ Там же. С. 127-128.

²¹⁴ Там же. С. 130-131.

истории» К.Н. Бестужев-Рюмин исходил из концепции С.М. Соловьева, которая поддерживала идею единства развития исторического процесса²¹⁵. Признавая определенную роль в судьбах Руси за татаро-монгольским игом, он в то же время указывает на воздействие Византии на Русь, которое проявлялось в трех направлениях: развитие понятий государственных, изменение понятий юридических и распространение книжного образования²¹⁶.

К.Н. Бестужев-Рюмин говорит о том, что монголо-татарское владычество наложило отпечаток на характер князей Северо-Восточной Руси, отличающихся от своих киевских предшественников сдержанностью и осторожностью в высшей степени. Монголо-татарское иго, отмечает историк, положило конец расширению русских владений на Восток, где крайним форпостом остался Нижний Новгород. С появлением монголо-татар, как считает К.Н. Бестужев-Рюмин, изменились условия жизни, но не изменился народный характер²¹⁷. Историк отмечает ускорение социальной мобильности: людин мог сделаться мужем, поступив в дружину, но тяглый человек не мог сделаться служилым человеком²¹⁸. Право собственности великого князя на землю могло происходить, по мнению ученого, от ордынского понятия о том, что вся земля принадлежит хану²¹⁹.

Необходимо отметить, что свои теоретические изыскания по монголо-татарской проблеме К.Н. Бестужев-Рюмин подкреплял большой работой по определению степени достоверности летописных известий, что позволило внести определенную ясность в ход исторического процесса. Им была воссоздана широкая география летописания. В монографии «О составе

²¹⁵ Киреева Р.А. К.Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. М., 1990. С. 106.

²¹⁶ Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. Т. 1. СПб., 1872. С. 279.

²¹⁷ Бестужев-Рюмин К.Н. Ук. соч. С. 471-472.

²¹⁸ Договор Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем / Собрание государственных грамот и договоров. Ч. I, № 33. М., 1813-1828 // Цит. по Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. Т. 1. СПб., 1872. С. 445.

²¹⁹ Неволин К.А. История местного управления // Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. Т. 1. СПб., 1872. С. 447-448.

русских летописей до конца XIV в.»²²⁰ ему удалось доказать гипотезу о составном характере древнерусских летописей. Этот труд стал поворотным моментом в научной критике летописных текстов и оказал сильное влияние на исследователей древнерусского летописания дошахматовского периода²²¹. По мнению Р.А. Киреевой, сильной стороной работы К.Н. Бестужева-Рюмина было соединение источниковедческого и историографического анализа. Он придавал большое значение критическому изучению источников как важной предпосылке научного исследования²²².

Церковные историки не отмечали особого воздействия монголо-татар на политические институты Северо-Восточной Руси. Митрополит Макарий (1816-1882) отрицает существенный переворот во внутреннем устройстве государства благодаря монголо-татарам²²³. Историк церкви Е.Е. Голубинский (1834-1912) выделяет причиной веротерпимости монголо-татар их язычество, необходимость поддерживать мирные отношения с покоренными народами, суеверия и наличие в монгольской администрации христианских племен кераитов и уйгуров²²⁴.

Никоновская летопись свидетельствует о том, что не только митрополиты, но и епископы «имаху ярлыки на свои причты церковныя от царей ордынских». Это могло быть сделано для того, чтобы увеличить пошлины от митрополитов, так как каждый ярлык мог быть обложен особой пошлиной. Е.Е. Голубинский, как и другие историки, отмечал, что духовенство, несмотря на формальные привилегии, также было причастно к тягестям ордынского ига: ярлыки главным образом были направлены на защиту церкви от притеснений со стороны монгольских тягостей по закону,

²²⁰ Бестужев-Рюмин К.Н. О составе русских летописей до конца XIV века. СПб., 1868.

²²¹ Киреева Р.А. Враг ярлыков: Константин Николаевич Бестужев-Рюмин // Сахаров А.Н. Историки России XVIII-начало XX века. М., 1996. С. 340-342.

²²² Киреева Р.А. К.Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. С. 87.

²²³ Макарий (Булгаков), митрополит. История русской Церкви. Кн. I-II. СПб., 1886.

²²⁴ Голубинский Е.Е. Порабощение Руси монголами и отношение ханов монгольских к русской церкви или к вере русских и их духовенству. Сергиев Посад, 1893. С. 19-22.

но притеснения и злоупотребления от монгольских чиновников по факту существовали всегда²²⁵.

Д.И. Багaley (1857-1932) говорит о влиянии многих факторов, которые задержали на некоторое время развитие русского народа²²⁶. Он замечает, что князя «татарского периода» абсолютно эмансипировались от власти веча²²⁷. По мнению Д.И. Багалея, суровые ордынские наказания могли оказать влияние на наш Судебник, в котором присутствует система наказаний, неизвестных Русской Правде. Влияние же на сферу бытовых отношений было, по мнению историка, невелико, так как монголо-татары стояли на ступень ниже в своем культурном развитии и задержали на долгое время последнее на Руси. Историк обратил внимание на изменения в литературе, которая сделала шаг назад, качественно уступая литературе областной эпохи²²⁸. Ордынское влияние, по мнению ученого, не имело решающего значения для общего хода русского исторического процесса. В нормировке княжеских отношений с монголо-татарскими ханами лежали, как полагает Д.И. Багaley, не правовые мотивы, а корыстные побуждения²²⁹.

В работе исследователя памятников древнерусской литературы С.К. Шамбинаго (1871-1948) говорится о том, что иго привело к огрублению нравов и замкнутости Руси. В то же время он признает влияние монголо-татар на складывание государственности и изменение характера княжеской власти: «Русь явилась плотиной, о которую стали разбиваться татарские волны, не затопляя Западной Европы»²³⁰. Благодаря особому положению церкви, как полагает С.К. Шамбинаго, литература получила благодатную почву для развития в северо-восточных монастырях, по сравнению с городами²³¹. Ученый отмечал, что власть церкви крепла на протяжении всего

²²⁵ Голубинский Е.Е. Ук. соч. С. 43-45.

²²⁶ Багaley Д.И. Русская история. Ч. 2. В. 1. Харьков, 1911. С. 31-34.

²²⁷ Там же. С. 31.

²²⁸ Багaley Д.И. Ук. соч. С. 32-34.

²²⁹ Там же. С. 35.

²³⁰ Шамбинаго С.К. Русское общество и татарское иго // Довнар-Запольский М.В. «Русская история в очерках и статьях». Т. 1. М., 1909. С. 580.

²³¹ Там же. С. 585.

периода ордынского владычества, а ко времени его свержения она стала крупнейшим землевладельцем²³². На усиление религиозного фактора и расцвет монастырской жизни во время ига указывал также Д.И. Иловайский. Нам видится, что причина этого явления лежит в двух плоскостях. Во-первых, тяжесть ордынского гнета заставляла многих искать убежища в лесах, в уединенных местах, где можно было получить духовное и физическое спасенье. Во-вторых, покровительство хана относительно церкви помогало сохранять определенную финансовую и политическую самостоятельность монастырей по отношению к княжеской власти.

М.К. Любавский (1860-1936) высказывал мысль о том, что нашествие и ига надолго задержали экономическое развитие русских княжеств, чьи князья превратились в сельских землевладельцев²³³. Необходимо отметить, что дореволюционные историки не имели единого взгляда на экономику и торговлю в условиях ордынской зависимости. Если Н.М. Карамзин видел положительное влияние ига в открытии новых торговых путей с Востоком, то М.К. Любавский и С.Ф. Платонов говорили об упадке волжского торгового пути и общего состояния экономического развития.

Приват-доцент Демидовского юридического лица И.Я. Гурлянд (1868-1921) посвятил свое исследование ямской гоньбе, появление которой он не склонен относить к ордынскому периоду, отмечая, что подводная повинность, о которой упоминалось в Новгородской земле в начале XIII в., была известна намного раньше этого времени²³⁴. Но, по мнению историка, мы также не можем не считаться с целым рядом данных, которые указывают на влияние монголо-татарское в этом вопросе.

Впервые термин «ям» упоминается в ярлыке хана Менгу-Тимура, который, освобождая митрополита и церковных людей от разных сборов, говорит и об освобождении от яма (1270-1276 гг.). В пользу мнения о

²³² Шамбинаго С.К. Ук. соч. С. 586-587.

²³³ Любавский М.К. Возвышение Москвы // Москва в ее прошлом и настоящем. Вып. 1. М., 1909.

²³⁴ Гурлянд И.Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII в. Ярославль, 1900. С. 24-25.

происхождении ямской гоньбы под непосредственным влиянием монголо-татар высказывались С.М. Соловьев, Ф.И. Леонтович, А.С. Лаппо-Данилевский, П.Н. Милюков, И.П. Хрущов. Сведения о том, что Чингис-хан устраивал станции для подачи лошадей И.Я. Гурлянд находит у Марко Поло, Макризи, Рашид ад-Дина, Плано Карпини, Герберштейна²³⁵.

М.С. Грушевский (1866-1934) считал, что Украина и Московия, Белоруссия и Русь имеют разные этнические корни и одной из причин этого является более сильное влияние Орды на Москву, и мягкое на Украину и Беларусь. И.Б. Греков видел в такой позиции ученого областнические тенденции автора, не замечающего общерусской политики ханов и общерусского стремления к централизации²³⁶. Монголо-татары, по мнению М.С. Грушевского, повлияли на создание особенного «общинного» строя, появившегося в результате «нивелировки» местного общества вследствие уничтожения, обеднения и эмиграции богатого класса, что содействовало демократизации общественных отношений²³⁷.

М.И. Сагардзе (XIX в.) отмечает, что завоеватели не остались жить на покоренной территории, а лишь подчинили ее, находясь впоследствии на удалении и ограничившись сбором дани. В отличие от С.М. Соловьева, ученый полагал, что общественная жизнь домонгольской Руси, в которой повсеместно существовали вечевые собрания как высший правительственный и законодательный орган, не составляла никаких зачатков самодержавия. В качестве примера он приводит убийство Андрея Боголюбского, до и после смерти которого существенную роль играли вечевые институты²³⁸. При появлении фигуры хана, как считает ученый, удельно-вечевая система потеряла смысл и прекратила свое

²³⁵ Гурлянд И.Я. Ук. соч. С. 31-33.

²³⁶ Греков И.Б. Место Куликовской битвы в политической жизни восточной Европы конца XIV в. // Куликовская битва. М., 1980. С. 116.

²³⁷ Грушевский М.С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891. С. 448-559.

²³⁸ Сагардзе М.И. Ук. соч. С. 45-47.

существование²³⁹. Византийское влияние, по мнению М.И. Сагарадзе, было слабее монгольского, что подтверждается деспотическим характером московских князей и царей, в которых отразились восточные черты: Иван III, Василий III, Иван Грозный. Историк ссылается на имеющиеся упоминания об этом у Герберштейна²⁴⁰.

Вторая половина XIX в. ознаменовалась переходом от беспочвенного теоретизирования к конкретным исследованиям, получила большое развитие работа по исследованию источниковой базы о монголо-татарском иге. Большим вкладом в науку нужно признать раскопки золотоордынских городов А.В. Терещенко, появление трудов ориенталистов В.В. Григорьева, П.С. Савельева, И.Н. Березина, В.В. Вельяминова-Зернова, Г.С. Саблукова, К.П. Патканова, В.Г. Тизенгаузена²⁴¹.

Большой заслугой В.Г. Тизенгаузена (1825-1902) была работа по розыску и публикации восточных источников. Он собрал уникальные рукописи, среди которых предпочтение было отдано историческим документам²⁴². Его «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды»²⁴³ содержит большое количество сведений о Золотой Орде, сообщаемых арабскими авторами XIII-XV вв. В 1941 г. вышло продолжение свода восточных источников, подготовленного в 1884 г. В.Г. Тизенгаузенем. Это дало возможность А.Ю. Якубовскому дополнить монографию «Золотая Орда и ее падение» третьей частью – «Распад Золотой Орды», которая содержит важные сведения иностранных авторов²⁴⁴.

Исследования востоковеда И.Н. Березина (1818-1896) также расширили источниковую базу изучения монголо-татарского ига на Руси. Ученый дал некоторые комментарии о степени достоверности тех или иных фактов в

²³⁹ Сагарадзе М.И. Ук. соч. С. 48.

²⁴⁰ Герберштейн: «*Reum Moscoviarum commentarii*» // Цит. по Сагарадзе М.И. Влияние монгольского ига на Россию. Кутаиси, 1895. С. 50, 55.

²⁴¹ Борисов Н.С. Ук. соч. С. 136.

²⁴² Мухаметов Ф.Ф. Монгольский период в освещении консервативной историографии. С. 24.

²⁴³ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.

²⁴⁴ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М., 1941.

своих трудах «Внутреннее устройство Золотой Орды»²⁴⁵, «Тарханные ярлыки, данные ханами Золотой Орды русскому духовенству»²⁴⁶, «Первое нашествие монголов на Россию»²⁴⁷, «Нашествие Батые на Россию»²⁴⁸ и «Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева»²⁴⁹. Первые сведения о политическом устройстве Золотой Орды были даны в работе И.Н. Березина «Очерк внутренней истории Улуса Джучиева»²⁵⁰, которая в настоящее время сильно устарела. Он пытался объяснить обратное влияние Руси на политическое и социальное развитие Орды. Но определить степень взаимодействия этих элементов, по мнению ученого, очень трудно²⁵¹. И.Н. Березин отмечал, что во время кризиса в Орде, ее соседство с Россией не приносило ей какую-либо пользу, так как русское общество тогда само стояло на низкой ступени образованности, а сношения с Россией были довольно редки и часто носили враждебный характер²⁵².

В 1845 г. появилась работа Г.С. Саблукова (1803-1880) «Очерк внутреннего состояния Кипчакского царства»²⁵³, которая положила начало изучению политики Улуса Джучи²⁵⁴. В начале XX в. на русский язык переводятся и издаются средневековые письменные источники, связанные с монгольским периодом: в 1907 г. в «Записках Восточного отделения Русского археологического общества» В.О. Попов опубликовал «Великую Ясу» Чингис-хана и «Уложения монгольской династии Юань-чао-Дянь-чжань»²⁵⁵; в 1911 г. были изданы «Путешествие в Восточные страны» Г. де Рубрука и «История Монгалов» И. Плано Карпини в переводе

²⁴⁵ Березин И.Н. Внутреннее устройство Золотой Орды. СПб., 1850.

²⁴⁶ Березин И.Н. Тарханные ярлыки, данные ханами Золотой Орды русскому духовенству // Казанские губернские ведомости, 1852, № 22.

²⁴⁷ Березин И.Н. Первое нашествие монголов на Россию // Журнал Министерства народного просвещения, 1853, № 9.

²⁴⁸ Березин И.Н. Нашествие Батые на Россию // Журнал Министерства народного просвещения, 1855, № 5, отд. 2.

²⁴⁹ Каргалов В.В. Ук. соч. С. 227-228.

²⁵⁰ Березин И.Н. Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева // Труды восточного отделения императорского археологического общества. Ч. 8. СПб., 1864.

²⁵¹ Там же. С.442.

²⁵² Березин И.Н. Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева. С. 479.

²⁵³ Саблуков Г.С. Очерк внутреннего состояния Кипчакского Царства. М., 1845.

²⁵⁴ Мухаметов Ф.Ф. Монгольский период в освещении консервативной историографии. С. 24.

²⁵⁵ Попов П.С. Яса Чингис-Хана и Уложение монгольской династии Юань-чао-дянь-чжан. СПб., 1907.

А.И. Малеина²⁵⁶; в 1914 г. А.И. Иванов подготовил к изданию подборку²⁵⁷ китайских источников «Походы монголов на Россию по официальной китайской истории Юань-ши»²⁵⁸.

До нашего времени дошли ханские ярлыки, о которых в русской литературе имеется много работ: тарханные ярлыки Тохтамыша от 1382 г., Тимур-Кутлуга от 1398 г., ярлык Тохтамыша литовскому князю Ягайло 1393 г., ярлык Саадет Гирея и др. Значимыми для науки являются ярлыки ханов русским митрополитам, которые сохранились в переводах на русский язык, сделанных в приказных канцеляриях специальными толмачами²⁵⁹. Наиболее важные работы об этих ярлыках имеются у И.Н. Березина²⁶⁰, В.В. Радлова²⁶¹, В.В. Григорьева²⁶² и других дореволюционных исследователей.

Особенное место в анализе русских летописных сводов занимают работы источниковеда А.А. Шахматова (1864-1920). Он рассматривал летописные своды как литературные памятники, отражающие определенные интересы и идеи современников. Данный подход был значительным шагом вперед в отечественной дореволюционной историографии. Сводь возникали не путем постепенного накапливания погодных записей, а создавались единовременно под влиянием определенных политических и религиозных идей²⁶³.

Как считает А.А. Шахматов, в ходе острой борьбы с монголо-татарами и в результате политического, экономического и культурного развития страны уже в период княжения Ивана Калиты в начале XIV в. был создан один из

²⁵⁶ Рубруквис Вильгельм де. Путешествие в восточные страны в лето благодсти 1253 // Карпини, Джовани да Плано. История монгалов. СПб., 1911.

²⁵⁷ Иванов А.И. Походы монголов на Россию по официальной китайской истории Юань-ши. СПб., 1914.

²⁵⁸ Мухаметов Ф.Ф. Историография монгольского периода в истории России. С. 19.

²⁵⁹ Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л., 1950. С. 103.

²⁶⁰ Березин И.Н. Ханские ярлыки, т. II.; Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлуга и Саадет-Гирея. Казань, 1851.

²⁶¹ Радлов В.В. Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлуга // Записки Восточного отделения Императорского русского археологического общества. Т. III. СПб., 1889. С. 1-40.

²⁶² Григорьев В.В. Ярлыки Тохтамыш-хана и Саадет-Гирея, перев. Я. Ярцева. Одесса, 1844; Самойлович А.Н. Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга. М., 1918. С. 1119-1124.

²⁶³ Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. — М.-Л., 1938.

первых общерусских сводов²⁶⁴. В исторической концепции А.А. Шахматова монголо-татары содействовали уже начатому до них отливу населения из Чернигово-Северской земли на север к междуречью Оки и Волги. Ученый отмечал также исчезновение племенной жизни, что способствовало образованию областных государств на русской территории. Колонизационное движение к югу и востоку, по мнению историка, определило образование трех русских народностей: Великорусская, Белорусская и Малорусская²⁶⁵.

Таким образом, русские дореволюционные историки собрали большой фактический материал и сделали ряд ценных выводов и наблюдений по теме влияния монгольского завоевания на деятельность политических и социально-экономических институтов древней Руси, а также ее культуру. Первоначально источниковедческая база русской дореволюционной историографии была недостаточной, слабо привлекались западные и восточные источники, археологический материал. В дальнейшем в результате появления фундаментальных исследований Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, К.Д. Кавелина, Н.И. Костомарова, И.Д. Беляева, О.В. Ключевского, С.Ф. Платонова и других историков, привлекавших к своей работе большое количество новых летописных материалов и иностранных источников, удалось существенно расширить изучение вопроса о влиянии. В целом дореволюционную историографию по проблеме воздействия монголо-татарского периода на институты Древнерусского государства можно с определенной долей условности разделить на 3 направления. Обобщая труды данных исследователей, ниже мы попытаемся систематизировать взгляды ученых на данный вопрос.

Первое направление включало в себя историков, негативно воспринимающих последствия ига и признающих решающую роль монголо-татар в образовании единого Московского государства. К ним

²⁶⁴ Шапиро А.Л. Ук. соч. С. 654.

²⁶⁵ Шахматов А.А. Ук. соч.

можно отнести В.Н. Татищева, Н.М. Карамзина, Д.И. Иловайского, Н.И. Костомарова, А.Д. Градовского, В.И. Сергеевича, Ф.И. Леонтовича, И.Д. Беляева, Н.И. Веселовского, М.А. Веневитинова, С.К. Шамбинаго, М.К. Любавского и др. Вторую группу представляли ученые, отрицавшие решающую роль ордынского владычества в истории России или преуменьшавшие это влияние. К ним относятся И.Н. Болтин, Н.Г. Устрялов, К.Д. Кавелин, С.М. Соловьев, Б.Н. Чичерин, М.А. Дьяконов, В.И. Савва, М.С. Гастев, В.И. Кельсиев, В.Н. Лешков, И.Е. Забелин, Н.П. Загоскин, В.О. Ключевский и др. Третью группу составляют историки, пытавшиеся примирить обе противоположные позиции или имеющие нейтральный, какой-то особый взгляд на данный процесс, который нельзя уместить в рамки строгой концепции «положительно-отрицательно». Таковыми являются П.А. Наумов, К.А. Неволин, К.Н. Бестужев-Рюмин, П.В. Полежаев, С.Ф. Платонов, А.Е. Пресняков, митрополит Макарий, Е.Е. Голубинский, Д.И. Багалей, М.И. Сагарадзе, И.Н. Березин, А.А. Шахматов и др.

Особая роль в исследовании вопроса о влиянии монголо-татар на Древнерусское государство принадлежала первоначально Н.М. Карамзину, ставшему своего рода первооткрывателем не только проблем монголо-татарского владычества, но и всей российской истории средневековья. Говоря о Н.М. Карамзине, важно упомянуть о его талантливом единомышленнике Н.И. Костомарове, который продолжил развивать взгляды своего известного предшественника на основе выдвинутой им федеративной теории. Сторонником концепции Н.М. Карамзина был также И.Д. Иловайский, который являлся известным автором школьных учебников по истории и в связи с этим обратил внимание на катастрофические последствия нашествия для светской образованности.

Новым взглядом на проблематику, связанную с монголо-татарским нашествием, была «История русского народа»²⁶⁶ Н.А. Полевого. Он одним из

²⁶⁶ Полевой Н.А. История русского народа. Т. I-VI. М., 1833.

первых подверг резкой критике «Историю» Н.М. Карамзина, уделяющую главное внимание «не быту народа, а истории правителей».

Переоценка роли ордынского ига историками государственной школы в лице С.М. Соловьева, К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина стала значимым этапом в осмыслении ордынской эпохи. Одним из главных аргументов государственников стала критика положений Н.М. Карамзина о влиянии монголо-татар на становление самодержавной государственности. Ученые государственной школы обращают внимание на то, что эти процессы начались задолго до нашествия. В пример они приводят централизаторскую политику великого князя владимирского Андрея Боголюбского, Всеволода III, Ярослава Всеволодовича и др. Как и Н.М. Карамзин, представители государственной школы способствовали привлечению внимания к данной проблеме самого широкого круга ученых. Одним из важнейших выводов государственников была мысль об утверждении понятия собственности в княжеской среде в условиях зависимости от монголо-татар. Данное понятие оформилось впоследствии в вотчинное право, которое князья перенесли на все государство.

В отличие от западников, среди которых было много представителей государственно-юридического направления, русские славянофилы К.С. Аксаков, А.С. Хомяков, И.В. Киреевский рассматривали кочевую культуру монголов и русскую городскую культуру как стену, предотвратившую вторжение Запада и католичества на Русь. К славянофилам относился также историк права И.Д. Беляев, который проследил эволюцию в до- и послетатарский период таких политических институтов, как земщина, боярство, дворянство, холопство, вече, духовенство, дружина, княжеская власть и др. Славянофилы были близки с Н.А. Полевым в том, что на первый план изучения вопроса о влиянии монголо-татарского ига выдвигали народ. Одновременно славянофилы стали источником появившейся в 20-е гг. XX в. в среде русской эмиграции теории евразийства, выделяющей монголо-

татарское иго как один из ключевых факторов возникновения московского, а затем российского единогодержавия.

В числе последователей теорий «государственников» С.М. Соловьева и К.Д. Кавелина был В.О. Ключевский, который также не видел значительной роли ордынского влияния в становлении Московского государства. К продолжателям государственной теории относился и С.Ф. Платонов, считавший монголо-татарское воздействие минимальным, главным образом оказавшим влияние на порядок престолонаследия и разделение русского народа на три этнические ветви: белорусскую, малорусскую и великорусскую. Упадок значения свободных людей, находившихся вне дружины, и рост княжеской власти в домонгольское время отмечал также Н.И. Хлебников²⁶⁷ и целый ряд других историков, не относящихся к историко-юридическому направлению.

Множество историков XIX столетия упоминают о влиянии ордынского владычества на народную самобытность. Эта область представляет большую сложность для изучения. В связи с этим крайне сомнительно выглядят тезисы М.С. Гастева, Н.А. Полевого, С.К. Шамбинаго и др. об «огрублении нравов» и других заимствованиях в культурной сфере. Более правдоподобны высказывания Н.М. Карамзина, Н.Г. Устрялова, В.И. Кельсиева, Д.И. Багалея о том, что монголо-татарское владычество не могло повлиять на русскую цивилизацию в силу того, что монголо-татары находились в отдалении от Северо-Восточной Руси, которая не была политически встроена в состав золотоордынского государства.

К.Н. Бестужев-Рюмин некоторые объекты относил на счет не монголо-татарского, а византийского влияния, как например телесные наказания и понятия о царской власти²⁶⁸. К сторонникам преобладающего над монголо-татарским византийского фактора относились М.А. Дьяконов, В.И. Савва,

²⁶⁷ Хлебников Н.И. Общество и государство в домонгольский период русской истории. СПб., 1872. С. 411-413.

²⁶⁸ Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. С. 279.

Н.П. Загоскин и др. Конец XIX - начало XX в. были ознаменованы появлением работ историков-марксистов, отводивших важное значение экономическим факторам в вопросах воздействия монголо-татар на социально-экономические институты Древнерусского государства. Детальному разбору марксистского направления посвящена следующая глава.

Вопрос монголо-татарского влияния в дореволюционной историографии проделал долгий путь, начиная от времен зарождения отечественной науки при В.Н. Татищеве и заканчивая научными монографиями последних историков царского периода. В этот временной отрезок историческая наука осуществила большую работу по исследованию влияния монголо-татарского периода на политическую структуру, быт, нравы, язык и образ мыслей Древнерусского государства. В ходе изучения отечественных летописных сводов были открыты новые источники, привлечено большое количество актового материала, введены в научный оборот летописные свидетельства, путевые заметки, хроники иностранных авторов: монгольских, персидских, западноевропейских, китайских и др. Накопленный благодаря этой кропотливой работе багаж знаний стал надежным фундаментом последующей разработки данного вопроса в советской и современной историографии.

Глава II

Историография советского периода

1. Марксистская школа

В послереволюционный период советская историография начала развиваться в соответствии с марксистской концепцией и формационным подходом, уделяющим первоочередное значение классовой борьбе, способу производства материальных благ и производственным отношениям. В основу этой концепции, разработанной К. Марксом и Ф. Энгельсом, был положен диалектический метод познания закономерностей общественной жизни. Производственные отношения имели наиболее значимую ценность и определяли собой все остальные: политические, духовные, социокультурные и т.д. Национальные, этнические, региональные черты часто игнорировались в угоду формационного подхода²⁶⁹.

Общество в соответствии с этим подходом прогрессивно развивается от более низких к более высоким формам через смену общественно-экономических формаций. Окончательное оформление марксистского направления в русской исторической науке связано с работами 1990-х гг. XIX – начала XX в. В.И. Ленина, которые служили обязательным ориентиром для историков и пользовались непререкаемым авторитетом²⁷⁰. Марксизм из разряда науки был фактически переведен в разряд идеологии, заняв центральное место на службе коммунистического режима. Это положение давало возможность политическим деятелям вульгарно трактовать его положения в своих личных целях, что порой искажало сущность марксистской теории.

²⁶⁹ Кривошеев Ю.В. К историософии средневековой Руси в XX в. // Средневековая и новая Россия. СПб., 1996. С. 92.

²⁷⁰ Ковальченко И.Д. Сборник материалов по истории исторической науки в СССР. М., 1985. С. 8-9.

Другим важным принципом марксистского метода был принцип партийности, который сыграл свою негативную роль в одностороннем подходе к решению вопроса о влиянии ига на Древнерусское государство. Правоту принципа партийности историки-марксисты обосновывали «совпадением интереса рабочего класса с реальным ходом исторического развития, что обеспечивает исторической науке возможность получения самого последовательного и глубокого научного знания о ходе исторического развития»²⁷¹.

В СССР имело место закрепление узкой номенклатуры исследуемых тем, за рамки которой выходить не позволялось: производственные отношения и положение угнетенных классов, политика государства по отношению к классам, социально-политические концепции, народные восстания, революция²⁷². Применение пресловутой «пятичленки» несло в себе определенную опасность потерять из виду такие стороны истории человечества как «цивилизация» и «культура». Эти категории являлись яркими выразителями истории народа и отдельно взятой личности, они лежали в иной плоскости, нежели категория «формации»²⁷³. Теория формаций оказалась оторванной от многих современных научных направлений, ее изоляционизм сказался на больших лакунах в определенных областях исторических исследований, выявленных к началу 1990-х гг. XX в.

Тотальная идеологизация в Советском Союзе привела к слабой способности глубоко анализировать духовные стороны в истории Древнерусского государства, выразителями которой были ментальность, этнопсихология, религиозность и т.д.²⁷⁴ Телеологический подход марксистского метода рассматривал исторический процесс строго в рамках абсолютизирующей универсальной схемы, отбрасывая анализ исторической перспективы в единстве настоящего, прошлого и будущего, игнорируя

²⁷¹ Ковальченко И.Д. Ук. соч. С. 11.

²⁷² Копосов Н.Е. Ук. соч. С. 51-60.

²⁷³ Гуревич А.Я. Теория формаций и реальность истории // Вопросы философии. 1990. № 11. С. 34-35.

²⁷⁴ Гуревич А.Я. Ук. соч. С. 41.

самоценность, самодостаточность, альтернативность каждого общественного состояния²⁷⁵.

Вопрос о влиянии монголо-татарского ига на жизнь княжеств Северо-Восточной Руси историки марксистской школы рассматривали через призму социально-экономических факторов развития государства. Одним из существенных выражений этого фактора для историков-марксистов было усиление восточной торговли в условиях ордынской зависимости, восстановление товарного хозяйства, становление новой системы налоговых сборов, перемещение мировых торговых путей, о чем упоминал в своих дореволюционных трудах М.Н. Покровский. Как заметил казанский исследователь И.П. Ермолаев, советская концепция исторического развития Северо-Восточной Руси страдала некоторой однообразностью, которая проявлялась в чрезмерно большом внимании к роли классовой борьбы в истории становления самодержавия, к определяющему значению в историческом процессе деятельности широких народных масс²⁷⁶. Но, несмотря на прямолинейность марксистского подхода к изучению истории, советские исследователи внесли существенный вклад в разработку данной проблемы.

Характерной особенностью советской историографии начального периода стала резко негативная оценка роли монголо-татарского ига в развитии Древнерусского государства. Другой особенностью было возвеличивание роли Александра Невского в укреплении русской государственности, хотя до этого некоторые историки-марксисты делали попытки обвинить его в коллаборационизме. Все дореволюционные наработки буржуазных историков подвергались ревизии, говорилось о том, что на исходе XIX столетия буржуазная историография оказалась в кризисе, ее теоретико-методологические принципы провозглашались

²⁷⁵ Гуревич А.Я. Ук. соч. С. 42-43.

²⁷⁶ Ермолаев И.П. Становление российского самодержавия. Казань, 2004. С. 295.

«несостоятельными»²⁷⁷. Марксизм не признавал возможности преемственности от науки дореволюционной, но, по существу, традиция продолжала существовать на протяжении нескольких десятилетий после революции, в трудах наследников «буржуазной истории», причем их профессиональный уровень не вызывал сомнений²⁷⁸. Этот факт показывает, что, несмотря на сложную политическую конъюнктуру, отечественная историческая наука продолжала развивать свою преемственность.

Отказ С.М. Соловьева от взгляда на ханскую власть как организующую силу советская историография восприняла положительно, но критически отнеслась к его недооценке негативного значения монголо-татарского ига и идеалистической концепции, считавшей решающей силой исторического процесса эволюцию государства, стоящего над классами и осуществляющего общее благо²⁷⁹. Отрицательной оценке подверглись и взгляды В.О. Ключевского, который, признавая положительную роль татаро-монгольского ига в преодолении феодальной раздробленности и создании централизованной системы управления, сближается в своих построениях с концепцией Н.И. Костомарова²⁸⁰.

Как отмечает Ю.В. Кривошеев, возобладавшая в советские годы марксистская идеологическая доктрина, изначально предполагавшая монизм, повлияла как на общую направленность при разрешении вопроса истории Руси XIII-XV вв., так и на частную проблематику. Разработка «татарского вопроса» советскими учеными во многом повлияла на общественное сознание и идеологию, труды этих историков оказались востребованы и в новой политической обстановке, сложившейся в конце XX столетия²⁸¹.

В конце XIX в. появились дореволюционные работы первых историков-марксистов, рассматривающих в своих трудах «татарский вопрос». Стоявший

²⁷⁷ Ермолаев И.П. Ук. соч. С. 12-13.

²⁷⁸ Ястребицкая А.Л. Историография и история культуры // Одиссей. Человек в истории. 1992. М., 1994. С. 51-60.

²⁷⁹ Очерки истории СССР. Ч. 1. IX-XIII вв. М., 1953. С. 763.

²⁸⁰ Очерки истории СССР. С. 765.

²⁸¹ Кривошеев Ю.В. «Монгольский вопрос» в русском общественном сознании: прошлое и современность, наука и идеология // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2005. С. 264.

у истоков российского марксизма и впоследствии изменивший свои политические взгляды на философский идеализм и даже либеральный консерватизм П.Б. Струве (1870-1944) выделял характерной чертой монгольского владычества отсутствие стремления обратить покоренные народы в свою веру или ассимилировать их каким-либо образом²⁸².

Российский и советский востоковед В.В. Бартольд (1869-1930) попытался опротестовать официально утвердившуюся точку зрения об отрицательной роли монгольского владычества над Русью. Он был одним из первых исследователей «татарского вопроса» в начале XX в., который обратил внимание на культурную отсталость России по сравнению с Западом ко времени нашествия, чему свидетельствует тот факт, что образование Монгольской империи не вызвало в России, как в Западной Европе, расширение географического кругозора. Историк отмечает, что в русской литературе нет ни одного описания путей в Монголию и Китай, отсутствуют сведения о дворе монгольских императоров, устройстве Монгольской империи, крайне скудны сведения о местоположении и внешнем виде основных городов Золотой Орды. Эти сведения, по мнению ученого, не выдерживают никакого сравнения со сведениями западноевропейских и мусульманских путешественников²⁸³. Несмотря на то, что В.В. Бартольд вынужден был придерживаться марксистской методологии, его научные изыскания были логическим продолжением концепций, заложенных историками дореволюционной школы. Это выразилось в том, что фактически он так и не принял марксизм.

В московский период, по мнению В.В. Бартольда, Россия подверглась еще большему европейскому влиянию, чем в киевский. Ордынские же традиции, по его мнению, больше всего отразились на русской внешней политике, посольском церемониале, государственной идее («великий бек,

²⁸² Струве П.Б. Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего в связи с развитием русской культуры и ростом российской государственности. Париж, 1952. С. 97-98.

²⁸³ Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925. С. 171.

белый хан»). Однако это, как считает историк, положило начало политическому возрождению России и ее культуры²⁸⁴. В.В. Бартольд указывает на отсутствие литературного общения между Россией и мусульманским миром, что доказывает определенный вакуум, существовавший между Русью и Ордой²⁸⁵. Это не позволяет нам говорить о возможности каких-либо заимствований на Руси в культурной сфере, о которых так много ведется научных исследований в настоящее время среди казанских историков.

Особое место в разработке вопроса о монголо-татарском влиянии на Русь принадлежит трудам М.Н. Покровского (1868-1932), которые отличались марксистским методом осмысления исторического процесса. Его заметное влияние в исторической науке 1920-х годов было связано в числе прочего с тем, что он совмещал научную работу с важными административными постами – заместитель наркома по просвещению, председатель Государственного ученого совета, председатель президиума Социалистической (Коммунистической) академии, ректор Института красной профессуры, действительный член Академии наук СССР. М.Н. Покровского по праву называли «руководителем исторического фронта»²⁸⁶. Однако, по мнению Е.В. Гутновой, он сыграл и негативную роль в развитии исторической науки конца 1920-х начала 1930-х гг. Его решительный отказ от наследия дореволюционных историков сказался отрицательно на дальнейшем развитии исторических исследований²⁸⁷.

Основополагающий труд М.Н. Покровского «Русская история с древнейших времен»²⁸⁸ излагает в марксистском ключе русскую историю до конца XIX в. с позиций материализма. На основе этого труда создавались учебники по истории СССР вплоть до смерти автора, когда его научное

²⁸⁴ Бартольд В.В. Ук. соч. С. 171-172.

²⁸⁵ Там же. С. 172.

²⁸⁶ Соколов О.Д. М.Н. Покровский и советская историческая наука. М., 1970. С. 266-267.

²⁸⁷ Гутнова Е.В. Выступление за «круглым столом» научного совета по историографии и источниковедению «Историческая наука в 20-30-е годы» // История и историки. М., 1990. С. 96.

²⁸⁸ Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен. Т. I. Кн. 1-2. М., 1913.

наследие подверглось ревизии со стороны официальных властей. Это была первая попытка систематического изложения истории России с классовой, пролетарской точки зрения. М.Н. Покровский утверждал, что процесс разложения городской Руси начался еще задолго до монголо-татар и возник в силу местных экономических условий. Здесь мы видим влияние концепции С.М. Соловьева на его восприятие последствий ига.

Необходимо отметить, что и другие взгляды на иго М.Н. Покровского находят свои корни в концепциях дореволюционных историков. Например, он придавал большое значение нашествию и был в этом вопросе последователем взглядов Н.М. Карамзина и Н.И. Костомарова. У В.О. Ключевского историк заимствовал мысль о перерождении городской Руси XII в. в деревенскую – процессе, который начался до монголо-татар²⁸⁹. Причиной перерождения М.Н. Покровский видел не монголо-татарское иго, а перемещение мировых торговых путей и истощение страны хищническими приемами хозяйствования²⁹⁰. Явно в духе классовой борьбы было высказывание М.Н. Покровского о том, что поддерживая князей и бояр в борьбе с «меньшими людьми» Орда создала самодержавие Московского государства, которое упразднило впоследствии и саму Орду²⁹¹.

М.Н. Покровский называет одной из причин возвышения Москвы покровительство хана московским князьям. Он выделял также особое положение церкви при хане, которое давало ей возможность быть более самостоятельной по отношению к русским князьям и сдерживать восстания против хана²⁹².

М.Н. Покровский утверждал, что монголо-татары были родоначальниками русской податной статистики, разделения платящего населения на сотни с сотниками во главе, появления новых налогов

²⁸⁹ Насонов А.Н. Татарское иго на Руси в освещении М.Н. Покровского. С. 68.

²⁹⁰ Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен. С. 146-147.

²⁹¹ Там же. С. 146.

²⁹² Покровский М.Н. Избранные произведения. Кн. 3. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1967. С. 42-43.

единиц²⁹³. Как считает О.Д. Соколов, исследователь научного наследия ученого, М.Н. Покровский преувеличивал роль ордынской финансовой организации в упорядочении отечественной фискальной системы. В основе этого тезиса лежит его концепция о преопределяющей роли торгового капитала²⁹⁴. После смерти М.Н. Покровского его взгляды подверглись резкой критике, особенно его указание на внесение монголо-татарами такого прогрессивного начала в жизнь Древнерусского государства, как финансовая организация, одним из элементов которой было создание податной системы. По мнению А.Н. Насонова, М.Н. Покровский совершенно игнорировал губительные последствия, которыми сопровождалось для экономики и культуры России ордынское завоевание²⁹⁵.

Н.А. Рожков (1868-1927), наряду с М.Н. Покровским, был одним из первых российских ученых, которые рассматривали отечественную историю с марксистских позиций, но вопрос о татаро-монгольском воздействии на Русь у него был отражен уже в послереволюционных работах. В начале первой русской революции он вступил в ряды РСДРП и за революционную деятельность даже подвергался ссылке в Сибирь. Интерес Н.А. Рожкова к экономическим проблемам был связан с влиянием школы его учителя В.О. Ключевского, который, как известно, увлекался теориями позитивизма и экономизма²⁹⁶. Общественная жизнь, по словам историка, определялась взаимодействием пяти главных элементов: естественных, экономических, социальных, политических и психологических, причем преимущественное место из них он отводил «хозяйственным отношениям»²⁹⁷. Главный труд его жизни «Русская история в сравнительно-историческом освещении» вышел в 1918 г. и был написан в контексте мирового исторического процесса²⁹⁸. В то

²⁹³ Покровский М.Н. Очерк истории русской культуры. 6-е изд. Курск, 1924. С. 128-130.

²⁹⁴ Соколов О.Д. М.Н. Покровский и советская историческая наука. М., 1970. С. 150.

²⁹⁵ Насонов А.Н. Татарское иго на Руси в освещении М.Н. Покровского // Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского.

²⁹⁶ Ковальченко И.Д. Ук. соч. С. 216.

²⁹⁷ Там же. С. 21.

²⁹⁸ Тарасова Н.Н. О философских и теоретико-методологических взглядах Н.А. Рожкова (по работам 1893-1907 гг.) // История и историки. М., 1990. С. 262.

же время, работы Н.А. Рожкова нельзя назвать ортодоксально марксистскими в строгом смысле этого слова, из-за чего у него было много разногласий с большевиками.

Н.А. Рожков был последователем теории «торгового капитала» П.Б. Струве с акцентированием главного внимания на экономике и внешней торговле. В процессе написания своей диссертации «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в.» Н.А. Рожков, по его словам, стал «фактическим марксистом», поскольку убедился, что экономика дает ключ к пониманию политики²⁹⁹. Он отмечал, что в период ига происходило усиление торговли с Востоком, что служило одной из предпосылок возникновения товарного хозяйства на Руси. Под влиянием монголо-татарского ига великокняжеское достоинство, как считает ученый, превратилось в простой титул, лишенный реального политического содержания. Иго, по мнению историка, повлияло на частичную задержку экономического развития, падение крупных городов, которые были опасными для монголо-татар населенными пунктами, а также на уравнение горожан с сельским населением в вопросе выплаты дани. Концепция Н.А. Рожкова очевидно также испытала влияние С.М. Соловьева, так как он все вышесказанные процессы относил на предшествующий монголо-татарам период – конец XII в.³⁰⁰

Н.А. Рожков принципиально по-иному, нежели М.Н. Покровский, оценивает возможность влияния ига на финансовую, административную и судебную систему. По мнению ученого, установленные монголами перепись населения и сбор дани не повлияли на московскую писцовую и податную технику: сама дань существовала и до монголо-татар, а после нашествия лишь увеличилась в размерах и получила иное назначение – сбор стал передаваться не князьям, а ханам. Он также говорит о том, что в московских

²⁹⁹ Рожков Н.А. Происхождение самодержавия в России. Пг., 1923. С. 20.

³⁰⁰ Рожков Н.А. Татарское иго // Энциклопедический словарь Русского Библиографического Института Гранат. Т. 41. Ч. VII. М., 1936. С. 82, 84, 85.

приказах нельзя видеть монгольские диваны, о которых упоминал Ф.И. Леонтович.

Задержку школьного образования, о котором говорил Д.И. Иловайский, а также огрубление нравов, затворничество женщин Н.А. Рожков связывает скорее не с ордынским влиянием, а с общими условиями существования удельной Руси с ее натуральным хозяйством, политической раздробленностью, узостью задач, перспектив и горизонтов. Единственным оригинальным влиянием в области духовной культуры историк признает влияние татарского языка на русский, но и здесь все ограничивалось лексикологическими заимствованиями, не повлиявшими на строй речи³⁰¹.

В первые пятнадцать лет существования советской власти разделы исторической науки, которые не занимались характеристикой большевистского режима, были относительно свободны для исторической науки. В 1920-х еще можно было не соглашаться с тем, что монгольские хозяева Руси выступали носителями только дикости и варварства. В 1919–1921 гг., в суровых условиях гражданской войны и эпидемии холеры, археолог Ф.В. Баллод (1882-1947) провел масштабные раскопки в районе Нижней Волги.

Сделанные находки убедили его в том, что представления русских ученых об Орде во многом были ошибочны. В опубликованной в 1923 г. книге «Приволжские «Помпеи»» он писал: «[Проведенные изыскания показывают, что] в Золотой Орде второй половины XIII–XIV веков жили вовсе не дикари, но цивилизованные люди, занимавшиеся мануфактурным производством и торговлей и поддерживавшие дипломатические отношения с народами Востока и Запада. [...] Военные успехи татар объясняются не только присущим им боевым духом и совершенством организации армии, но и их очевидно высоким уровнем культурного развития»³⁰². Подобный взгляд

³⁰¹ Рожков Н.А. Татарское иго. С. 86-87.

³⁰² Баллод Ф.В. Приволжские «Помпеи». М.; Петроград, 1923. С. 131.

на Золотую Орду был абсолютно неприемлем в официальной советской науке.

Ф.В. Баллод обнаруживает у монголо-татар «какое-то особо бережное отношение к представителям науки, искусства и ремесла, стремление использовать всякую ценную силу для нужд созидающегося татарского государства»³⁰³. Он отмечал влияние монголо-татарского ига на русскую живопись, которое выразилось в сокращении производства и ухудшении качества икон в связи с приостановкой каменного строительства, в падении спроса на высококачественную живопись греческих иконописцев³⁰⁴. Монголо-татарское иго, считает ученый, привело к пресечению новых идейных исканий в русской общественной мысли, усилению позиций христианства в духовной жизни феодальных верхов³⁰⁵.

Статья ученого-культуролога А.И. Некрасова (1885-1950) «Татарская культура в древнерусском быту. XV-XVI вв.»³⁰⁶ была подготовлена автором в конце 1920-х гг. и хранится в настоящее время в архиве РАН. К сожалению, ученого постигла участь сталинских репрессий, более 10 лет он провел в лагерях. Статья дает довольно интересные мысли о заимствованиях в области архитектуры (на основании узоров изразцов, в которых прослеживаются мотивы арабесок), о сближении царского двора с ордынскими князьями, о параллелях в предметах материальной культуры (зипуны, бязь-бумажная ткань, басманные кожаные изделия и др.)³⁰⁷. В 2015 г. спустя более 90 лет после своего появления, статья была опубликована в монографии С.С. Аверкиева, о которой более подробно будет сказано в разделе «Региональная историография».

Советская историография 1930-х гг. уже негативно воспринимала концепцию Н.М. Карамзина и его последователя Н.И. Костомарова об

³⁰³ Баллод Ф.В. Ук. соч. С. 88-89.

³⁰⁴ Борисов Н.С. «Русская культура и татаро-монгольское иго». С. 47.

³⁰⁵ Там же. С. 184-185.

³⁰⁶ Архив РАН. Ф. 2181. Оп. 1. Д. 1266. Л. 1-13. Машинопись с рукописными вставками.

³⁰⁷ Некрасов А.И. Татарская культура в древнерусском быту. XV-XVI вв. // Аверкиев С.С. Влияние татар на жизнь русского народа. Казань, 2015. С. 278-291.

организующей роли в политическом объединении Руси золотоордынской власти. Советские историки утверждали, что Русское централизованное государство создавалось не благодаря татаро-монголам, а вопреки политике Золотой Орды, которая была направлена к ослаблению и разъединению Руси. Необходимость борьбы с внешней опасностью ускорила централизацию Северо-Восточной Руси³⁰⁸. Характерен был лозунг о том, что монголы не привнесли в развитие России ничего позитивного. Появившийся в конце 1920-х начале 1930-х гг. формационно-классовый подход к объяснению исторического процесса решающее значение в историческом развитии общества и государства стал уделять классовой борьбе, что фактически пересекалось с европоцентристским подходом.

Начало 1930-х гг. было отмечено арестом большой группы историков, многие из которых занимались Средневековой Русью и «татарским вопросом»: С.Ф. Платонов, С.В. Бахрушин, А.И. Яковлев, М.К. Любавский, М.Н. Тихомиров, Л.В. Черепнин и др. Значимую роль в дальнейшем развитии исторической науки сыграло постановление 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школе», в результате которого на первый план в работах историков стала выдвигаться воспитательная функция. Гонения на историческую науку усилились после смерти С.М. Кирова в 1934 г.³⁰⁹ Ориентация на сталинский «Краткий курс истории ВКП(б)», вышедший в 1938 г., подразумевала постоянную самоцензуру историков, необходимость делать в своих трудах опору на классиков марксизма-ленинизма, догматизм в дискуссиях, ограниченный круг допустимых тем³¹⁰. Эти события нанесли большой вред дальнейшей разработке вопроса о влиянии ордынского владычества на Русь.

В ходе работы с архивом сектора феодализма института истории АН СССР мы извлекли доклад С.В. Бахрушина (1882-1950) за 1937 год, в

³⁰⁸ Очерки истории СССР. С. 761-762.

³⁰⁹ Мошков Ю.А. Выступление за «круглым столом» научного совета по историографии и источниковедению «Историческая наука в 20-30-е годы» // История и историки. М., 1990. С. 69.

³¹⁰ Гутнова Е.В. Советская медиевистика с середины 30-х до конца 60-х гг. С. 166.

котором содержатся интересные выводы историка о монголо-татарском влиянии. Вся терминологию золотоордынских документов С.В. Бахрушин определяет как заимствованную из Ирана и Хорезма. Поэтому ханы применяли на Руси иранские формы обложения, которые являлись продолжением финансовой системы среднеазиатских государств. Участвуя в кампании по критике М.Н. Покровского, историк отмечал, что корни складывания государственности брали свое начало в доордынский период, соглашаясь в этом с С.М. Соловьевым и В.О. Ключевским. Также и вопрос великокняжеской власти, по его мнению, более решался не волей хана, но местным населением³¹¹.

Н.К. Арзютов (1899-1942), как и Н.А. Рожков, особую роль в монгольский период отводил торговле и даже называл Золотую Орду «державой купцов»³¹². Разработка данной проблематики была прервана арестом историка в 1938 г. и его ссылкой в исправительно-трудовой лагерь, где он скончался в 1942 г.

Советская историография 1930-х – 1940-х гг. вопроса ордынского владычества обогатилась благодаря появлению новых источников: в 1937 г. был опубликован сборник «История Татарии в документах и материалах»³¹³; в 1940 г. – известия о монголо-татарах венгерских миссионеров XIII в. Юлиана и «брата Иоганки»³¹⁴; в 1941 г. – «Сокровенное сказание» в переводе С.А. Козина³¹⁵; сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды В.Г. Тизенгаузена – ценнейшее собрание восточных источников³¹⁶. Колоссальная работа, проведенная советскими историками-востоковедами по переводу восточных рукописей, позволила на новой научно-методической

³¹¹ Научный архив Института российской истории РАН. Стенограмма. Доклад тов. Бахрушина 27 октября 1937 года «Феодалный период в освещении М.Н. Покровского». Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 39-66.

³¹² Арзютов Н.К. Золотая Орда. Саратов, 1930. С. 9.

³¹³ История Татарии в документах и материалах. М., 1937.

³¹⁴ Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII в. о татарах и Восточной Европе // «Исторический архив». Т. 3. М.-Л., 1940.

³¹⁵ Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Т. 1. М.; Л., 1941.

³¹⁶ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. Извлечение из персидских сочинений. М.-Л., 1941.

основе разрабатывать вопросы, связанные с влиянием ордынского владычества.

Академик Б.Я. Владимирцов (1884-1931) был знатоком монгольских источников, на основании чего ему удалось критически переосмыслить многие неточные или вымышленные сведения, содержащиеся в русских летописях. Он отмечал особую форму общественного строя монголов – кочевой феодализм, основу которого составляла феодальная собственность на степные пастбища³¹⁷.

Эта теория вызвала оживленные споры среди советских историков и повлияла в дальнейшем на их представления о влиянии Золотоордынского государства на политические институты Северо-Восточной Руси. Навечно она была, в том числе, и новыми задачами советской исторической науки, поставленными перед учеными. Суть кочевого феодализма Б.Я. Владимирцов представлял как особый общественный строй монгольских крестьян, которые были подвержены эксплуатации через обслуживание табунов крупных скотовладельцев. В дальнейшем большинством ученых эта теория была отвергнута.

Важным представляется труд академика Б.Я. Владимирцова, вышедший посмертно в 1934 г., в котором делается заключение о том, что накануне образования империи Чингис-хана монголы завершали процесс перехода от родового общества к раннефеодальному. Материалы крупнейшего персидского историка конца XIII-нач. XIV в. Рашид ад-Дина послужили одним из основных источников монографии Б.Я. Владимирцова³¹⁸. Но, как считает А.Н. Насонов, «кочевой феодализм» монголов не являлся устойчивой государственной структурой и в итоге не смог сохранить единства самой Золотой Орды, а уж тем более повлиять на складывание единого Русского централизованного государства»³¹⁹. Здесь выразилась в целом официальная

³¹⁷ Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.

³¹⁸ Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л., 1950. С. 37.

³¹⁹ Насонов А.Н. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. М., 1940. С. 117.

негативная точка зрения советской историографии о роли монголо-татарского ига в судьбах Древнерусского государства.

Анализу взаимоотношений Руси и Орды уделил большое внимание А.Н. Насонов (1898-1965) в вышедшей в 1940 г. монографии «Монголы и Русь». А.Н. Насонов одним из первых поднял вопрос об активной политике монголо-татар на Руси, основная линия которых выражалась в стремлении всячески препятствовать созданию единого государства, поддерживать взаимную рознь политических групп и княжеств³²⁰.

Нашествие, отмечает А.Н. Насонов, привело к тому, что Владимир потерял свою силу и значение как стольный город, он не мог уже служить реальной опорой великокняжеской власти³²¹. Историк обращает внимание на уничтожение вечевой жизни во всех городах Ростово-Суздальской волости. Это повлияло на отток населения из Ростова на Западные окраины Северо-Восточной Руси, особенно в Тверь, где в результате была образована вторая во всем Ростово-Суздальском крае епископия³²². Мысль А.Н. Насонова о влиянии монголо-татарского владычества на вечевые институты прослеживается также в рукописи тезисов кандидатской диссертации историка, хранящейся в архиве РАН: «Конечно, если бы не было татарского завоевания, вечевая жизнь не осталась бы на Северо-Востоке такой, какой она была до татар, а как-то эволюционировала бы в соответствии с общим развитием страны; то есть разница в судьбах вечевой жизни в странах, завоеванных татарами и в странах, не завоеванных показывает, что татарское иго делало в этом направлении какое-то воздействие»³²³. Ценность личных документов объясняется тем, что в них историки излагали мысли, которых они не могли публиковать в официальных монографиях.

А.Н. Насонов солидарен в мнении с Б.Д. Грековым о том, что образование централизованного государства явилось не в результате мирной

³²⁰ Насонов А.Н. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. С. 111

³²¹ Там же. С. 39, 48-49.

³²² Там же. С. 67-68.

³²³ Тезисы к диссертации А.Н. Насонова «Монголы и Русь. История татарской политики на Руси». Архив РАН. Ф. 1547. Оп. 1. Д. 92.

деятельности монголов-завоевателей, а в результате борьбы с монголами³²⁴. А.Н. Насонов, как и С.М. Соловьев, отмечает деятельность по централизации власти в предшествующее нашествию время у Всеволода III, Михаила Черниговского, Ярослава Всеволодовича³²⁵. Историк считал крайностями как придание большого значения ордынскому игу у Н.М. Карамзина, Н.И. Костомарова, Ф.И. Леонтовича, так и полное его отрицание у С.М. Соловьева и некоторых других историков.

А.Н. Насонов делает акцент на том, что главным орудием монголо-татарской политики было баскачество – постоянная военно-политическая организация. Из этого видно, что монгольское завоевание не ограничивалось только внешним контролем, и даже после отмены баскачества монголо-татары продолжали вмешиваться во владельческие распорядки и принимали активное участие в формировании состава территории великого владимирского княжения³²⁶.

Ученый обращает внимание на то, что следы присутствия баскаческой организации в центральной России отразились в названиях соответствующих сел в Московской, Смоленской, Калужской, Владимирской, Рязанской, Ярославской, Вологодской, Тульской, Костромской и других областей. В то же время, он не находит этих следов в Поволжье, южнорусской полосе, Крыму, западных областях, под Новгородом и на территории Новгородской пятины. Это показывает нам, что баскаческая организация имела наибольшее влияние в Северо-Восточной Руси. Историк также обратил внимание на одну из причин отмены баскачества на Руси: «Надо было местных князей сделать в полной мере татарскими служебниками, оторвать их от местной бытовой почвы, сблизить с Ордой и, тем самым, в значительной мере обезвредить вечевую стихию города и, наконец, прямо использовать князей для борьбы с непокорными»³²⁷.

³²⁴ Насонов А.Н. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. С. 5, 8.

³²⁵ Там же. С. 7.

³²⁶ Насонов А.Н. Татарское иго на Руси в освещении М.Н. Покровского. С. 84-85.

³²⁷ Там же. С. 79.

Борьба с монголо-татарами, оборона страны от их нашествий, по мнению А.Н. Насонова, повлияла на ход политического развития Восточной Европы.³²⁸ Он утверждает, что монголо-татары не были политически пассивными завоевателями и имели значительное воздействие на ход развития нашей Родины, создав в Восточной Европе государственное образование, опиравшееся на феодально-родовую (кочевую) знать³²⁹. По мнению А.Н. Насонова, источники не дают основания полагать, что в домонгольскую эпоху происходило «перегнивание» городской Руси в деревенскую, упадок городской жизни или возникновение какого-либо нового социально-экономического строя на Северо-Востоке, о чем говорил М.Н. Покровский³³⁰.

Несмотря на наличие устоявшейся концепции в освещении «татарского вопроса» в советской историографии, не редки были определенные споры и полемика, что прослеживается на анализе материалов дискуссий 1930-1940-х гг. в секторе феодализма Института истории АН СССР. К.В. Базилевич (1892-1950) выступил против позиции П.П. Смирнова (1882-1947) о том, что монголо-татарское иго заставило поднять производительные силы и укрепить политическое положение московского великого князя. Главным образом этот подъем П.П. Смирнов связывал с образованием на территории Московского княжества в перв. пол. XIV в. района прогрессивного земледелия. Надо признать, что позиция П.П. Смирнова явно выступала против устоявшейся линии в восприятии ига и не могла иметь успеха в то время.

К.В. Базилевич, в опровержение вышесказанной точки зрения П.П. Смирнова, на основании анализа летописных сведений пришел к выводу о том, что Московское княжество при Иване Калите по почвенным условиям и по размеру культурной площади не могло давать в огромном количестве избыточный товарный хлеб, так как в год его требовалось

³²⁸ Насонов А.Н. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. С. 145.

³²⁹ Там же. С. 153.

³³⁰ Насонов А.Н. Татарское иго на Руси в освещении М.Н. Покровского. С. 75.

минимум 500 тыс. пудов – цифра немислимая для небольшого и неплодородного княжества. Эту цифру он взял из того расчета, что в договорной грамоте Василия Дмитриевича и Владимира Андреевича сумма «выхода» составляла 5 тыс. рублей, которая требовала выброса на рынок около 1 млн. пудов ржи. Если допустить, что половина этого выхода покрывалась продажей хлеба, то он составит 500 тыс. пудов в хлебном эквиваленте³³¹. К.В. Базилевич также не соглашается с мыслью П.П. Смирнова о том, что князья не были заинтересованы в увеличении населения, потому что это приводило к усилению требований Орды в отношении податей³³². К.В. Базилевич отмечал, что ордынская власть усиливала феодальную эксплуатацию крестьян и удлиняла феодальную власть на несколько ступеней выше (над феодалами и князем появились хан Улуса Джучи и общемонгольский император)³³³.

В условиях военного времени советская идеологическая машина работала на пропаганду яростной борьбы с немецким вторжением. Ученые поднимали исторические портреты, которые стали образцами, воспитывавшими в советском бойце чувство патриотизма на фронте. В пылу этой работы в разряд «врагов» попали и некоторые народы, подвергшиеся депортации, в том числе и крымские татары. В этой связи советская историография резко негативно воспринимала вторжение монголо-татар на Русь и установление ига. В 1944 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии и методах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации»³³⁴. Партийным руководителям Татарстана был устроен разнос из Москвы, вследствие чего изучение истории Золотой Орды было фактически поставлено под запрет. Улус Джучи

³³¹ Базилевич К.В. К вопросу об исторических условиях образования русского государства // Вопросы Истории. 1946. № 7. С. 32.

³³² Базилевич К.В. К вопросу об исторических условиях образования русского государства. С. 35.

³³³ Базилевич К.В. Восточная Европа, Средняя Азия и Закавказье под властью Монгольских завоевателей. М., 1940. С. 43.

³³⁴ Хахим Р. Россия и Татарстан: у исторического перекрестка // Панорама-Форум. 1997. № 1. С. 37.

объявлялся исключительно агрессивным государством, а распад Золотой Орды понимался как однозначно прогрессивное явление.

Послевоенное десятилетие характеризуется продолжением применения командно-административных методов в науке, критики неугодных историков и концепций в печати, обвинений в «объективизме», «космополитизме», «эволюционизме», «вредительстве», «низкопоклонстве», «экономическом материализме» и т.д.³³⁵ Несмотря на тяжелые последствия этих явлений для исторической науки, Б.Д. Греков (1882-1953) совместно с А.Ю. Якубовским (1886-1953) смогли создать фундаментальное исследование по Золотой Орде, которое на долгие годы стало определяющим для последующих исследований в этой области. Книга «Золотая Орда и ее падение» была написана на основе серьезного анализа как русских летописей, так и восточных источников, что придает работе особую ценность. Впервые появившаяся в 1937 г. она несколько раз переиздавалась и в законченном варианте была напечатана уже после войны в 1950 г., за что Б.Д. Греков и А.Ю. Якубовский получили Сталинскую премию II степени в 1952 г. Значимость труда подтверждает его высокая оценка со стороны авторитетного исследователя золотоордынской политики на Руси А.Н. Насонова³³⁶.

Наряду с негативными факторами монголо-татарского нашествия авторы выделяли и прогрессивные последствия ига. При написании этой работы Б.Д. Греков ввел много новых иностранных источников, отмечая, что русская историография (за исключением книги А.Н. Насонова «Монголы и Русь») мало использовала результаты научного изучения монголов из русской и западноевропейской востоковедческой литературы. Переизданная в 1950 г. монография была дополнена третьей главой А.Ю. Якубовского «Распад Золотой Орды», написанной главным образом на основе изданного в

³³⁵ Гутнова Е.В. Советская медиевистика с середины 30-х до конца 60-х гг. С. 173.

³³⁶ Политов В.В. «Полагаю, что труд «Золотая Орда и ее падение» заслуживает Сталинской премии». Отзыв А.Н. Насонова о монографии Б.Д. Грекова и А.Ю. Якубовского. 1951 г. // Исторический архив. № 2, 2014. С. 192-197.

1941 г. сборника материалов по Золотой Орде В.Г. Тизенгаузена. Как отметил В.В. Трепавлов, книга выходила в условиях «идеологического диктата и догматизма..., особенно ужесточившихся именно в последние годы жизни И.В. Сталина. Над теми, кто брался за анализ прошлого тюркских народов и государств, висел «дамоклов меч» шумных кампаний и разоблачений»³³⁷.

Б.Д. Греков в своей монографии указывает на то, что Бату наладил сбор денег с покоренных русских княжеств, создал аппарат для взимания разного рода феодальных повинностей с кочевого и земледельческого населения, возродил торговлю в завоеванных городах³³⁸. Историк считал, что завоеванные монголо-татарами русские земли не вошли непосредственно в состав Золотой Орды. В настоящее время эта точка зрения признана большинством ученых. Русские земли рассматривались ханами как политически автономные, имеющие свою собственную власть, но находящиеся в зависимости от ханов и обязанные платить дань («выход»)³³⁹.

Как отмечает В.В. Трепавлов, до конца 80-х гг. историография «татарского вопроса» находилась под влиянием идеологических схем А.Ю. Якубовского и Б.Д. Грекова, причем качество этих схем было на высоком уровне. Развитием этих взглядов можно считать выход в этот период таких авторитетных монографий, как «Распад Золотой Орды» (1960) М.Г. Сафаргалиева, «Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов» (1966), «Общественный строй Золотой Орды» (1973) и «Золотоордынские города Поволжья» (1994) Г.А. Федорова-Давыдова, «Жалованные акты Джучиева улуса XIV-XVI вв.» (1979) М.А. Усманова, «Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв.» (1985) В.Л. Егорова³⁴⁰.

³³⁷ Трепавлов В.В. «Б.Д. Греков, А.Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение» (предисловие к изданию 1998 г.) // Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М., 1998. С. 8.

³³⁸ Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М., 1998. С. 61.

³³⁹ Там же. С. 166.

³⁴⁰ Там же. С. 11.

Б.Д. Греков, как и А.Н. Насонов, продолжает ранее высказанную концепцию С.М. Соловьева, утверждая, что финансово-податная система не была введена впервые монголо-татарами, как считают некоторые исследователи.

Монголо-татары, по мнению Б.Д. Грекова, не могли полностью освоить Русскую землю в силу целого ряда факторов: отсутствие организационных средств, недостаточная численность монгольского этноса, его растворенность в тюркской (кыпчакской) среде, антагонизм между побежденной стороной и победителем³⁴¹. Касаясь ямской службы, Б.Д. Греков отмечал, что монголо-татарская власть, заинтересованная в улучшении средств сообщения в покоренной стране, внесла некоторые новшества в эту область. Но нет оснований думать, как считает ученый, что до монголо-татар такой системы сообщения не существовало между русскими княжествами³⁴².

Б.Д. Греков считал, что вопрос о культурном взаимодействии России и Золотой Орды очень сложен и не разработан должным образом. Связывать наличие в русском языке восточных слов с монголо-татарским влиянием было бы очень рискованно, по мнению ученого. Сами монголо-татары многое заимствовали из культуры среднеазиатских, кавказских и южноевропейских народов, и некоторые восточные заимствования могли прийти на Русь через Европу. Б.Д. Греков отметил, что многие восточные мотивы и термины имелись в русской культуре и в домонгольский период: сидение на коврах, восточные мотивы в орнаменте, архитектуре, посуде, термины «Слова о полку Игореве» и др.³⁴³

Казанское ханство, по мнению Б.Д. Грекова, представляло собой государство, наименее затронутое монгольским влиянием как в этническом, так и в культурном отношении в XIII-XV в. Напротив, волжские болгары

³⁴¹ Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л., 1950. С. 231-232.

³⁴² Там же. С. 225.

³⁴³ Там же. С. 258.

оказывали хозяйственное и культурное влияние на города Нижнего Поволжья и степь, хотя нельзя отрицать некоторого внедрения кыпчакско-монгольских элементов в состав болгарского населения, о чем антропологические исследования дают сравнительно слабые подтверждения. На основании этого Б.Д. Греков делает вывод о том, что образование Казанского ханства при Махмутеке нельзя считать как образование ханства татарского, где только династия и войско были пришлыми, а население оставалось аборигенного болгарского происхождения с частичным влиянием кыпчакско-татарского языка³⁴⁴. Этот аргумент еще раз подтверждает сомнительность концепции М.Г. Худякова, Р.С. Хакимова, И.Р. Тагирова и других региональных исследователей об ордынском влиянии на социально-политические институты Руси со стороны Казанского ханства. Более подробно этого вопроса мы коснемся в главе о региональной историографии.

Б.Д. Греков критически оценивал тех исследователей, которые придавали положительное значение монголо-татарскому игу в истории России и видели даже его прогрессивную роль. В.О. Ключевский, по мнению Б.Д. Грекова, недооценивал факторы сплочения раздробленной Руси, лежавшие вне ордынской политики, а М.Н. Покровский ошибочно преувеличивал значение разрушения русских городов в победе деревенской Руси над городской. Историк одновременно критиковал С.М. Соловьева, который не придавал решающего значения монголо-татарскому игу³⁴⁵. Однако будет справедливым признать, что концепция Насонова-Грекова во многом строилась на тезисах С.М. Соловьева и «государственников», которые утверждали, что многие процессы, происходившие на Руси в эпоху ига, были начаты задолго до монголо-татар: усиление княжеской власти, формирование финансово-податной системы, ямская гоньба и др.

Б.Д. Греков также не признавал мнение Н.М. Костомарова, К.Н. Бестужева-Рюмина, С.Ф. Платонова о том, что ханская власть умирляла

³⁴⁴ Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л., 1950. С. 417.

³⁴⁵ Греков Б.Д. Татарское нашествие // Исторический журнал. № 6, 1937. С. 61-62.

княжеские уособицы. Как и А.Н. Насонов, Б.Д. Греков подчеркивает, что становление централизованного русского государства происходило не благодаря, а вопреки действиям Золотой Орды, разложение которой только ускорило этот процесс.

Характер влияния монголо-татар на русскую культуру наиболее основательно исследовал Б.А. Рыбаков (1908-2001). Послевоенная историография характеризуется широким привлечением археологического материала. Анализ этих материалов позволил сделать Б.А. Рыбакову вывод об одном из значительных последствий нашествия – упадке русского средневекового города³⁴⁶.

В процессе изучения древнерусской культуры он пристальное внимание обращает на тот ущерб, который монголо-татарское нашествие нанесло русской ремесленной промышленности, особенно городскому ремеслу. Доказательством того, что горожане русских городов также попали в число пленников служит наличие типичных русских вещей XIII в. в разных концах ордынских кочевий³⁴⁷. Специалист по прикладному искусству Т.В. Николаева (1921–1984) отмечала, что русские ювелирные изделия перв. пол. XIV в. исполнены на невысоком уровне, но в формах этих изделий и их декоративном оформлении отсутствуют какие-либо черты восточного влияния, а тем более золотоордынского. Лишь в середине XIV в. обнаруживается совсем ограниченное количество некоторых изделий, с которыми, по мнению ученого, можно атрибутировать ордынское воздействие, как например нашивные серебряные бляшки-дробницы на саккосе митрополита Алексия. Узорная композиция этих элементов восходит к китайским «облачным» орнаментам³⁴⁸.

Б.А. Рыбаков проследил негативные последствия монгольского нашествия в инвентаре деревенских курганов XIII-XIV вв., где исчезли

³⁴⁶ Рыбаков Б.А. Ук. соч.

³⁴⁷ Рыбаков Б.А. Ук. соч. С. 525, 527.

³⁴⁸ «Наш путь – стрелой татарской древней воли пронзил нам грудь...» // Родина. 1991. № 8. С. 54.

шиферные пряслица, сердоликовые, золотостеклянные и зерненные бусы, трехбусенные височные кольца, привески, амулеты, стеклянные браслеты, амфоры-корчаги и некоторые другие вещи. Приведенный список говорит об упадке тех отраслей городского ремесла, которые были связаны через рынок с деревней. Историк отмечал уничтожение широкой торговли крупных городов с далекой периферией и массового производства в городах. По мнению Б.А. Рыбакова, монголо-татарское разорение сказалось и на внешнем виде русских городов, где сильно сократилось строительство каменных зданий, а суздальская белокаменная резьба уже не возродилась.³⁴⁹ Подробный анализ русской средневековой архитектуры в ордынский период содержится в трудах Н.Н. Воронина³⁵⁰.

Сельское хозяйство, по мнению Б.А. Рыбакова, не пострадало, так как сами монголо-татары были заинтересованы в том, чтобы крестьяне вели полевые работы («орют пшеницу и проса»³⁵¹). Подводя итоги своего обширного исследования, Б.А. Рыбаков делает вывод о том, что в результате нашествия Русь была отброшена на несколько столетий назад³⁵².

Период «оттепели» конца 1950-х - начала 1960-х гг. XX столетия позволил ученым несколько уйти от исключительно отрицательного понимания роли монголо-татарского владычества над Русью. В целом магистральное направление советской исторической науки сохранялось вплоть до начала 1980-х гг. XX в., когда с перестройкой появилась возможность привлекать опыт западных исследований и критически осмысливать ордынский период русской истории. Но обновление не коснулось основополагающих подходов в области концепции и организации науки. Историческая наука оказалась неготовой к резким переменам, но произошло определенное смягчение идеологических догм по сравнению со

³⁴⁹ Рыбаков Б.А. Ук. соч. С. 534-537.

³⁵⁰ Воронин Н.Н. Тверское зодчество XIII-XIV вв. // Изв. АН СССР. Серия истории и философии. Т.2, вып. 5. М., 1945; Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси. Т. 1. М., 1961; Воронин Н.Н. Древняя Русь: история-искусство // Вопросы истории, 1967, № 2.

³⁵¹ Рыбаков Б.А. Ук. соч. С. 525.

³⁵² Там же. С. 781.

сталинским периодом. Автономность исторических исследований проявлялась в знакомстве с французской школой «Анналов», в развитии культурологических изысканий, в появлении количественных методов в изучении аграрной истории России, в размышлениях над «азиатским способом производства», которые внесли определенный плюрализм в традиционную схему пяти формаций³⁵³.

Приоритетным направлением в анализе исторического влияния Орды на Русь стало изучение золотоордынской государственности изнутри. Ученые обратили внимание на историческую географию Золотой Орды, археологию, внешнеполитические сношения, нумизматику и т.д. Выражением нового подхода в этой области стали появившиеся труды В.Л. Егорова (р. 1938) и Г.А. Федорова-Давыдова (1931-2000), которые особое внимание уделяли изучению географии золотоордынских городов.

В вышедшей в 1956 г. монографии В.Т. Пашуто (1918-1983) негативно оценивается ордынское иго, что являлось отражением общей направленности официальной советской историографии. Он подвергает критике взгляды главного представителя евразийской школы Г.В. Вернадского, который высказывался о «благотворных последствиях монгольского владычества»³⁵⁴.

Вопрос о влиянии ордынской политики на вече к середине 1950-х гг. XX столетия получил новую трактовку в трудах советских историков. В дореволюционной историографии у В.И. Сергеевича и ряда других исследователей господствовала мысль об исчезновении вече после монголо-татарского завоевания вследствие приостановки развития городской жизни (за исключением тех мест, которых не коснулось нашествие, например Новгород и Полоцк)³⁵⁵. В советской же науке М.Н. Тихомиров (1893-1965) высказывает важное уточнение касательно того, что вечевые традиции во Владимиро-Суздальской земле пережили монгольское разорение и проявили

³⁵³ Копосов Н.Е. Советская историография, марксизм и тоталитаризм (к анализу ментальных основ историографии) // Одиссей. Человек в истории. 1992. М., 1994. С. 62.

³⁵⁴ Пашуто В.Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII в.). М., 1956. С. 3-7.

³⁵⁵ Сергеевич В.И. Русские юридические древности. Т. II, вып. 1. Вече и князь. СПб., 1893. С. 32-33, 38.

себя в восстании 1262 г. против ханских откупщиков в Ростове, Суздале и Ярославле (на что указывал также А.Н. Насонов)³⁵⁶.

В трудах Л.В. Черепнина (1905-1977) можно наблюдать следование концепции Н.М. Карамзина, Н.И. Костомарова, Д.И. Иловайского, В.О. Ключевского и других дореволюционных историков, которые связывали силу великокняжеской власти с ханской властью. Заметим эту интересную параллель. Таким образом, мы можем условно выделить вторую линию преемственности в советской историографии касательно взгляда на рецепцию ордынских институтов. Первая линия преемственности была обозначена выше и в ней прослеживается условная связь А.Н. Насонова и Б.Д. Грекова с государственной школой и С.М. Соловьевым, которые централизаторские тенденции уводили в домонгольский период.

Естественно необходимо понимать, что наличие таких параллелей в теории не могло иметь место на практике, так как «буржуазная историография» провозглашалась явлением кризисным и отсталым. Но если отвлечься от идеологического налета то мы можем наблюдать в концепциях историков советской школы фундамент «школы буржуазной», огромный опыт которой признавался и применялся большинством из них, вне всякого сомнения³⁵⁷.

Л.В. Черепнин приводит собственную точку зрения в вопросе о влиянии татаро-монгольского ига на формирование трех восточнославянских народов, о чем прежде упоминали С.Ф. Платонов и А.А. Шахматов. И.И. Смирнов, Г.И. Зикеев³⁵⁸, Л.В. Черепнин причиной распада древнерусской народности и появления великорусской, белорусской и украинской считали монголо-татарское иго³⁵⁹. Создание предпосылок для складывания трех славянских народностей является, по мнению Л.В. Черепнина, естественным следствием развития Древнерусского государства, когда рост крупного землевладения и

³⁵⁶ Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 212-213.

³⁵⁷ Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV-XV вв. М., 1960. С. 329.

³⁵⁸ Зикеев Г.И. К вопросу об исторических условиях развития русского национального языка // Вопросы истории. 1953. № 2.

³⁵⁹ Смирнов И.И. Общие вопросы периодизации истории СССР // Вопросы истории. 1950. № 12. С. 95.

феодалной знати на местах, а также усиление значения городов как экономических центров отдельных областей в условиях слабого экономического развития межобластных связей имели следствием обособление отдельных территорий, появление диалектных различий, культурных особенностей и т.д.³⁶⁰

Но если Л.В. Черепнин связывает разделение на три народности больше с процессами феодальной раздробленности³⁶¹, то А.И. Козаченко (1900-1962) именно в татаро-монгольском нашествии видит причину прерывания процесса развития единой древнерусской народности. Согласно наблюдениям советских филологов, диалектные различия XII-XIII в. представляют собой не возрождение старых племенных особенностей, а новое явление, вызванное процессом феодализации, перехода к феодальной раздробленности, экономического и политического укрепления отдельных земель при их взаимном обособлении. В домонгольское время выделяются диалекты новгородский, псковский, полоцкий, ростово-суздальский, волынский, рязанский, черниговский и др. Но в диалектах этого времени еще не обозначились будущие языки великорусский, украинский и белорусский. Данные языкознания, по мнению Р.И. Аванесова (1902-1982), подкрепляют выводы общеисторического характера о том, что еще до монгольского нашествия начался процесс дробления древнерусской народности³⁶².

Касались советские ученые и вопроса рецепции института местничества у монголо-татар. Этот тезис в XIX столетии старался обосновать Ф.И. Леонтович. В 70-е гг. появилась работа С.О. Шмидта (1922-2013), которая указывала на сомнительность этих выводов. Выявляя некоторые черты близости государственного строя российской и восточной монархий, он решительно предостерегает от попыток отождествления России XVI-XVII вв. с восточными деспотиями. По мнению ученого, речь не может идти о

³⁶⁰ Черепнин Л.В. Исторические условия формирования русской народности до конца XV в. // Вопросы формирования русской народности и нации. М., 1958. С. 56.

³⁶¹ Там же. С. 57.

³⁶² Аванесов Р.И. К вопросам образования русского национального языка // Вопросы языкознания, 1953, № 2. С. 53.

социально-экономической и общественно-политической характеристике России в данном ключе, так как она всегда оставалась страной преимущественно европейского типа общественного развития³⁶³.

Исследованием кочевого мира средневековой Евразии и Золотой Орды занимался Г.А. Федоров-Давыдов (1931-2000). Его книга «Общественный строй Золотой Орды»³⁶⁴ стала этапной в 1970-х – 1980-х гг. XX в. Он подверг комплексному анализу историю Золотоордынского государства, привлекая помимо письменных источников материалы исторической этнографии тюркских и монгольских народов. Историк осуществил реконструкцию социальной структуры государства с широким привлечением археологии и нумизматики³⁶⁵. Г.А. Федоров-Давыдов обратил особое внимание на этнотопонимы, при его участии велась разработка восточных источников совместно с учеными из стран Восточной Европы (по истории и культуре народов восточной Европы и стран ближнего и среднего Востока).

Историк полагал, что монгольское завоевание привело к различным последствиям для оседлых земель и степей. Если в оседлых землях на Руси продолжалось развитие тех феодальных отношений, которые сложились еще в XII в., то в степях у кочевников принесенный общественный строй монголов получил дальнейшее развитие. В степях сложился некий синтез, который историк называл особым вариантом «кочевого феодализма»³⁶⁶.

Г.А. Федоров-Давыдов отмечает, что во второй половине XIII в. монгольская аристократия Джучидского улуса выступала за ограничение произвола завоевателей и передачу населению возможности накапливать богатства для дальнейшего его налогообложения³⁶⁷. Эта мысль ученого была важным контраргументом против устоявшейся традиции исключительно

³⁶³ Шмидт С.О. Становление российского самодержавства. Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1973. С. 271-273.

³⁶⁴ Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.

³⁶⁵ Мухаметов Ф.Ф. Отечественная историография монгольского завоевания Руси. С. 214.

³⁶⁶ Федоров-Давыдов Г.А. Ук. соч. С. 25.

³⁶⁷ Там же. С. 29.

негативной интерпретации политики монголов на Руси, шедшей еще от А.Н. Насонова.

Г.А. Федоров-Давыдов отмечает, что у монголов имелся лестничный порядок престолонаследия, сходный с княжим правом Киевской Руси: право на престол имели все члены правящего рода Чингизидов, оказавшиеся старшими – братья, дядья и др., а не сыновья³⁶⁸. В конце XIII в. в Монгольской империи происходило падение власти каана и улусы приобретали самостоятельность, но с другой стороны усиливалась централизация внутри самих улусов³⁶⁹. Те же тенденции Г.А. Федоров-Давыдов заметил в Московском государстве, где, начиная с Дмитрия Донского власть стала переходить по прямой линии от отца к сыну.

Исследования о деятельности баскаческой организации на Руси после А.Н. Насонова продолжались на разных этапах историками А.А. Зиминим, В.В. Каргаловым, В.В. Мавродиным, В.А. Кучкиным и др. В.В. Каргалов (1932-2009) подверг сомнению аргументы А.Н. Насонова о существовании на Руси военной баскаческой организации монгольских феодалов. В русских летописях, по мнению В.В. Каргалова, нет никаких упоминаний о баскаческих отрядах даже во время городских восстаний конца XIII-начала XIV в. Он отрицает возможность существования военной баскаческой организации на Руси, причисляя баскаков к временным представителям ханской власти на местах³⁷⁰.

В.В. Каргалов отмечал, что вопрос о влиянии монгольского завоевания на внешнюю торговлю Руси не имеет однозначного подхода. Одни историки (В.В. Бартольд, Ф.И. Успенский (1845-1928) и др.) считают, что с образованием Монгольской империи начала быстро развиваться торговля Восточной Европы и в частности русская. Другие (С.А. Покровский (1905-?), Д.П. Маковский (1899-1970)) считают, что в результате нашествия

³⁶⁸ Федоров-Давыдов Г.А. Ук. соч. С. 68-69.

³⁶⁹ Там же. С. 76.

³⁷⁰ Каргалов В.В. Существовала ли на Руси «военно-политическая баскаческая организация» монгольских феодалов? // История СССР. 1962. № 1. С. 162-164.

произошел разрыв торговых связей Руси со странами Запада и Востока, что повлекло упадок русской внешней торговли во второй пол. XIII в., Северо-Восточная Русь оказалась отрезанной от черноморской торговли. В.В. Каргалов считает, что иго не привело к полной торговой изоляции Русского государства, так как продолжалась торговля с Западом через Новгород и Смоленск, а после налаживания отношений с Ордой восстановилась торговля с Востоком по «Волжскому пути». Произошло лишь изменение направлений торговли, как отметил историк³⁷¹.

В.В. Каргалов также отмечает, что завоевание Руси кочевниками задерживало развитие товарно-денежных отношений и натурального характера хозяйства, в том числе из-за ослабления великокняжеской власти³⁷². Заметим, что тезис об ослаблении великокняжеской власти не был свойственен дореволюционным историкам, где целый ряд ученых (Н.М. Карамзин, Д.И. Иловайский, С.Ф. Платонов, В.О. Ключевский и др.) говорили об обратном. В отношении магистральной линии советской историографии В.В. Каргалов неизменен - нашествие для него отрицательное и глубоко регрессивное явление, а также причина отставания Руси от развитых европейских стран³⁷³.

И.У. Будовниц (1896-1963) к следствиям монголо-татарского нашествия относил деление летописей на два направления, отражающих складывание особых политико-культурных социумов с одной стороны Северо-Восточной, с другой стороны Юго-Западной Руси. Первые стремились ужиться с монголо-татарами, чтобы дать земле окрепнуть после страшного потрясения, вторые ориентировались на Западную Европу и держались смелее в отношении Орды. Большинство исследователей замечают потерю летописцами широкого политического горизонта своих предшественников и сосредоточение на узкоместных интересах своих князей в ущерб общим

³⁷¹ Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития Феодалной Руси. С. 212.

³⁷² Там же. С. 215.

³⁷³ Там же. С. 216.

интересам всей Русской земли³⁷⁴. С конца XIII в., как заметил И.У. Будовниц, русское летописание постепенно отходит от феодальной замкнутости и снова приобретает общерусский характер, на протяжении XIV в. происходит оживление русской общественной мысли и публицистики³⁷⁵.

А.А. Зимин (1920-1980) уделил внимание детальному разбору преобразований, происходивших в социальной структуре крестьянства и княжеской власти под воздействием ига. Бояре, как полагает историк, потеряли свои древнейшие права, важнейшее из которых – право отъезда. Власть князя стала независимой от народа и бояр, полностью подчинившись лишь ханской власти. Внутри государства, по мнению ученого, права распоряжаться престолом не было ни у князя, ни у народа, способного прежде его сместить³⁷⁶.

Одним из значимых выводов А.А. Зимины было замечание о том, что наряду с общей архаизацией социальных отношений на Руси после монголо-татарского нашествия, был прерван процесс перехода холопов, сидевших на господской пашне, в феодально-зависимых крестьян. Этот процесс возобновился только к концу XV в. А.А. Зимин выделяет ослабление ареала власти феодальных верхов, запустение земель, примитивизацию форм эксплуатации крестьян, уменьшение элементов вотчинной зависимости крестьян от феодалов, временную приостановку смягчения форм феодальной зависимости, увеличение роли холопства в феодальной вотчине, сокращение численности холопов, трансформацию даней в ренту-оброк³⁷⁷. По мнению А.А. Зимины, в Северо-Восточной Руси резкое отличие свободного крестьянина и холопа питалось длительным ордынским владычеством³⁷⁸.

А.А. Зимин обращает внимание на отдельный слой холопов, которых называли «ордынцами». В их обязанность входило возить дань в Орду и

³⁷⁴ Будовниц И.У. Общественно-политическая мысль Древней Руси. М., 1960. С. 353.

³⁷⁵ Будовниц И.У. Ук. соч. С. 431-432.

³⁷⁶ Вальденберг В. Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII в. Пг., 1916. С. 3-4.

³⁷⁷ Зимин А.А. Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М., 1973. С. 273.

³⁷⁸ Там же. С. 373.

сопровождать ордынских послов. Историк отмечает, что ордынцы селились в Москве, в районе позднейшей Ордынки, где проходила дорога в Орду и Крым. Постепенно ордынцы стали одной из категорий лично свободных дворцовых слуг³⁷⁹.

Заслуживают упоминания поиски А.А. Зимина в вопросе о времени исчезновения баскаков на Руси. Он утверждает, что система баскачества была ликвидирована не ранее начала XIV в., так как до этого времени имеются периодические упоминания в летописях. Некоторые сведения об этом автор находит в житии Пафнутия Боровского, составленном Вассианом Саниным. Там, кроме прочего, говорится о ликвидации баскачества в связи с народными движениями, в которых принимали какое-то участие и русские князья³⁸⁰.

Работы А.А. Зимина и в первую очередь его статья «Народные движения 1920-х гг. XIV вв. и ликвидация системы баскачества в северо-восточной Руси»³⁸¹ разрешили, по мнению А.А. Лимонова, многие вопросы, связанные с историей институтов Золотой Орды на территории русских княжеств. А.А. Зимин установил точное время существования системы подчинения и эксплуатации Руси. Ученый на основе топонимических изысканий пришел к выводу о том, что рядом с крупными городами Северо-Восточной Руси соседствовали мелкие ордынские населенные пункты. Эти монголо-татарские слободы в XIII-XIV вв. были раскиданы по всей стране в виде укрепленных лагерей с целью пресечения восстаний населения, контроля над русской администрацией, сбора дани. Подобная схема оккупации Руси, как полагает историк, подтверждается общим порядком порабощения монголами территории евроазиатского материка³⁸². Данная точка зрения ученого не

³⁷⁹ Зимин А.А. Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). С. 289.

³⁸⁰ Зимин А.А. Народные движения 20-х гг. XIV вв. и ликвидация системы баскачества в северо-восточной Руси // Изв. АН СССР. 1952. Т. 9. №1. С. 63-65.

³⁸¹ Зимин А.А. Народные движения 20-х гг. XIV вв. и ликвидация системы баскачества в северо-восточной Руси. С. 63-65.

³⁸² Лимонов А.А. Работы А.А. Зимина о Северо-Восточной Руси XII-XIV вв. и изучение проблемы баскачества // Спорные вопросы отечественной истории XI-XVII вв.: тез. докл. и сообщ. первых чтений,

имела особой поддержки, так как большинство советских ученых не склонны были видеть присутствие каких-либо ордынских политических институтов на русской земле.

И.Б. Греков (1921 - 1993) отмечал, что распространив свое политическое влияние на русские земли, Орда не стала ломать происходившие исторические процессы³⁸³. Он выделил две тенденции в политике ханов, направленной на противостояние князей: «противоречия по вертикали» - сраживание сил централизации и децентрализации и «противоречия по горизонтали» - создание нескольких центров борьбы, в частности Киева и Владимира при Александре Невском, о чем упоминал А.Н. Насонов³⁸⁴. Одним из ключевых инструментов ордынского влияния на политическое положение княжеств и недопущения чрезмерного усиления одного из них, по мнению И.Б. Грекова, был институт Владимирского княжения и митрополичья кафедра при митрополитах Кирилле и Максиме³⁸⁵.

60-70 гг. XX в. были периодом расширения методологии исследования вопроса о монголо-татарском влиянии. Наряду с имеющимися изысканиями в области исторической географии, археологии, нумизматики появились работы, анализирующие, пожалуй, самый трудный пласт – вопрос культурных заимствований из Золотой Орды. В этом плане представляют интерес филологические изыскания А.С. Демина (р. 1935), который в периоде XIII-XIV вв. выделяет влияние тюркской документальной письменности на акты Северо-Восточной Руси. По мнению ученого, оно выразилось в возникновении особого раздела официальной письменности, резко отличавшегося по стилю и содержанию – переводы ярлыков татаро-монгольских ханов русским митрополитам³⁸⁶. М.Д. Приселков считал, что

посвящ. памяти А.А. Зимины, Москва, 13-18 мая 1990 г. / АН СССР. Ин-т ист. СССР. Моск. гос. ист.-арх. ин-т. Вып. 1. М., 1990. С. 156-157.

³⁸³ Греков И.Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975. С. 33.

³⁸⁴ Там же. С. 29.

³⁸⁵ Там же. С. 41.

³⁸⁶ Демин А.С. Элементы тюркской культуры в литературе древней Руси XV-XVII вв. (К вопросу о видах связей) // Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. М., 1974. С. 518.

эти переводы появились сразу после установления татаро-монгольского ига (самый ранний из сохранившихся датируется 1267 г.)³⁸⁷.

Кроме того, А.С. Демин выделяет тюркское влияние и на русскую дипломатическую письменность, где русские князья в переписке начали использовать формуляр монголо-татарских посланий. Как указывал в XIX столетии Н.И. Веселовский, была заимствована широко употреблявшаяся формула «тяжелый поклон с легким поминком» («агыр селям илэ ве енгиль хадиэ илэ»), т.е. «низкий поклон с немногими подарками»³⁸⁸.

Косвенным доказательством тюркского влияния на русскую документальную письменность служит, по мнению А.С. Демина, высокий уровень организации делопроизводства в Золотой Орде, более совершенный, чем на Руси и в европейских государствах. А.Н. Насонов и И.У. Будовниц отмечали также, что правящие круги Северо-Восточной Руси в какой-то степени способствовали ордынскому влиянию на русскую письменность, когда стали следить за лояльностью летописания по отношению к монголо-татарам³⁸⁹. В российской историографии тему заимствований в посольской документации затрагивал С.Ф. Фаизов, о котором подробнее будет сказано в III главе. Но есть и скептический подход к возможности такого заимствования, главным выразителем которого является В.В. Трепавлов.

С XVI в. А.С. Демин заметил уменьшение общего объема тюркских источников (письменных, фольклорных и языковых). Зачатки русско-тюркской литературной общности, ярким примером которой можно назвать «Хождение» Афанасия Никитина», не получили развития. Большинство заимствований, как считает ученый, отражало враждебную полемику с тюркскими источниками XV в., что служило определенной преградой воздействию идей и форм мусульманской культуры на русскую³⁹⁰.

³⁸⁷ Приселков М.Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916.

³⁸⁸ Веселовский И.Н. Татарское влияние на русский посольский церемониал в московский период русской истории. СПб., 1911. С. 8.

³⁸⁹ Насонов А.Н. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. С. 4.

³⁹⁰ Демин А.С. Ук. соч. С. 536.

К началу 80-х гг. вышел ряд работ, посвященный 600-летию юбилею Куликовской битвы, а также 500-летию освобождения от монголо-татарского ига. Среди них можно выделить монографии и статьи В.В. Каргалова, В.А. Кучкина, И.Б. Грекова, В.Л. Егорова, Л.Г. Бескровного, В.Т. Пашуто и др. Эти юбилейные даты пробудили живой интерес исследователей к «татарской проблематике», что послужило появлению целого ряда работ, рассматривающих под новым углом следствия ордынского владычества над Северо-Восточной Русью.

Немалый интерес представляют работы В.А. Кучкина (р. 1933), в которых историк отмечал, что нашествие Батые не повлекло за собой уничтожение древнерусского народа, радикального кризиса в экономике, как это было в Северном Иране и Азербайджане после аналогичного монголо-татарского завоевания. Однако, по мнению ученого, иго повлияло на демографическое, хозяйственное, культурное, политическое развитие древнерусских княжеств, сократилась область расселения древнерусского народа, прервалась связь юго-западных княжеств с северо-восточными. В.А. Кучкин отметил, что на смену княжеским союзам пришла идея сильной единой монархии с подчинением ей феодального землевладельческого класса, что позволило объединить Русь в конце XV-перв. пол. XVI в., в отличие, к примеру, от Италии и Германии, в которых объединение произошло по воле народа лишь в XIX в.³⁹¹

В.А. Кучкин поддержал точку зрения М.Н. Тихомирова, который не склонен был считать причиной появления «новых городов» только последствия бегства от монгольских нашествий. Иначе, почему в это же время усилились Рязань и Нижний Новгород, находящиеся в непосредственном соседстве с Золотой Ордой? Причиной усиления «новых городов» историк называет феодальное дробление княжеств, географическое положение и др.³⁹²

³⁹¹ Кучкин В.А. Русь под игом: как это было? М., 1991. С. 28-29.

³⁹² Тихомиров М.Н. Средневековая Россия на международных путях (XIV-XV вв.). М., 1992. С. 189-194.

В.А. Кучкин и большинство других исследователей отмечали, что монголо-татарское нашествие 1237-1238 гг. прервало внешний рост государственной территории Северо-Восточной Руси. В XIV в. в развитии княжеств прослеживается два противоположных направления: центробежное и центростремительное³⁹³. Историк обращает внимание на то, что проблема ордынского влияния имеет сложную структуру. Сведение некоторыми историками монголо-татарской политики лишь к пассивному сбору дани и использованию своей силы в качестве орудия борьбы тех или иных князей является слишком упрощенной схемой, по мнению ученого, которая не учитывает реальные масштабы политики Золотой Орды в Восточной Европе³⁹⁴.

Интересное заключение о роли монголов в культурном сегменте сделала Н.А. Казакова (1915-1984). Ученый полагала, что завершение образования русского централизованного государства создало необходимые предпосылки для укрепления связей со странами восточной Европы. Она опровергла мысль некоторых западных ученых о том, что в период ига Русь находилась в политической изоляции³⁹⁵.

Появившуюся у В.Л. Егорова и Г.А. Федорова-Давыдова мысль о встречном русском влиянии на Золотую Орду продолжил развивать в конце 1970-х начале 1980-х В.Д. Назаров (р. 1938). Он упоминал о перенятии ордынцами в XIV в. у русской армии организации войска по полкам и встречного боя на копьях ударного типа больших масс конницы – «сшибка», «сступ»³⁹⁶. Говоря об ордынском влиянии, историк говорит об «опережающем развитии государственных (еще не централизованных) и корпоративных структур над индивидуальными». Все уровни русского общества, по мнению В.Д. Назарова, пронизала модель личности и

³⁹³ Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в IX-XIV вв. М., 1984. С. 315-316.

³⁹⁴ Греков И.Б. Место Куликовской битвы в политической жизни восточной Европы конца XIV в. С. 116.

³⁹⁵ Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV-начало XV вв. Л., 1975; Она же. Западная Европа в русской письменности XV-XVI вв. Л., 1980.

³⁹⁶ Назаров В.Д. Русь накануне Куликовской битвы // Вопросы истории. № 8. 1978. С. 114.

изоляция, которые помешали в дальнейшем вести открытую внешнюю политику с европейскими государствами. Общий вектор сместился в сторону Востока³⁹⁷.

Эту же позицию поддержал и В.Л. Егоров, сделав ряд гипотетических предположений о том, какое развитие приняли бы русские земли, не будь монголо-татарской зависимости. Он называет четыре возможных в этом случае последствия: столицей России стал бы Владимир, образование Белоруссии и Украины не произошло бы, русские княжества смогли бы объединиться уже на рубеже XIII-XIV столетий, Россия начала бы проводить активную внешнюю политику уже начиная с XIV в.³⁹⁸ В свою очередь, В.Д. Назаров считает, что делать такие гипотезы безосновательно, так как, во-первых, на роль объединяющего центра могли претендовать и другие города (Полоцк, Смоленск, Чернигов, Львов), во-вторых, политические формы этногенеза и этнические концепции не дают оснований для отрицания возможности складывания Украины и Белоруссии, в третьих последствия ига имели и позитивные черты³⁹⁹.

Исследования об ордынском влиянии на культуру Б.А. Рыбакова и Н.Н. Воронина продолжил в 70-е гг. Н.С. Борисов (р. 1952). Он же произвел анализ отечественной историографии по данному вопросу⁴⁰⁰. В своей монографии, посвященной роли церкви в монгольский период, он обращает внимание на то, что установление золотоордынского ига привело к укреплению авторитета церкви, который монголо-татары стремились использовать для усиления своего господства в завоеванных землях. Вместе с тем, как считает Н.С. Борисов, были нарушены духовные связи между Юго-Западной и Северо-Восточной Русью, куда вынужден был перейти центр русской митрополии⁴⁰¹.

³⁹⁷ «Наш путь – стрелой татарской древней воли пронзил нам грудь...» // Родина. 1991. № 8. С. 56.

³⁹⁸ Там же. С. 56.

³⁹⁹ «Наш путь – стрелой татарской древней воли пронзил нам грудь...» С. 56.

⁴⁰⁰ Борисов Н.С. Отечественная историография о влиянии татаро-монгольского нашествия на русскую культуру.

⁴⁰¹ Борисов Н.С. Русская церковь в политической борьбе XIV-XV вв. М., 1986. С. 36.

Исследования Н.С. Борисова не обошла стороной необходимость следовать марксистской научной традиции, негативно оценивающей роль церкви в истории Руси. На наш взгляд, именно поэтому в его трудах встречается мысль о том, что митрополичья кафедра, занятая в первую очередь сохранением своего политического суверенитета, не принимала активного участия в свержении ордынского ига. Более гибкий курс по отношению к великокняжеской власти проводили монастыри, как считает автор⁴⁰².

Взгляды Ю.А. Лимонова (1933-2006) на состояние городского вече после монголо-татарского нашествия являются продолжением концепции С.М. Соловьева и Н.М. Тихомирова. Историк также считает, что нашествие монголо-татар не поколебало общей тенденции городского самоуправления. Подтверждение этого он видит в договоре 1238 г., который Ярослав Всеволодович вынужден был заключить с городом: «Ярослав сын Всеволода Великого седе на столе в Володимери. И бысть радость велика хрестьяном ихже избави Бог рукою своею крепкою от безбожных татар, и поча ряды рядити, якож пророк глаголет Бонове суд твои церкви даждь, и правду твою сынови царстви, судити людем твоим в правду, и нищим твоим в суд, и потом утвердися в своем честнем княжении»⁴⁰³. Именно эта вечевая традиция, по мнению ученого, в 1262 г. призвала горожан к восстанию против иноземных захватчиков.⁴⁰⁴

В конце 80-х начале 1990-хх гг. культурного аспекта касалась А.Л. Хорошкевич (р. 1931), в трудах которой существо советской концепции о негативном влиянии монголо-татар оставалось прежним. Историк отмечала примитивизацию форм эксплуатации сельского населения, развитие охоты в ущерб земледелию. Она повторяет ранее высказанную мысль А.А. Зимина о замедлении темпов развития феодализма, которое сказалось на консервации

⁴⁰² Борисов Н.С. Русская церковь в политической борьбе XIV-XV вв. С. 188.

⁴⁰³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 467. Л., 1926-1928.

⁴⁰⁴ Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1987. С. 129.

холопства в виде полной личной зависимости крестьян, обычно не имевших надела и пополнявшихся за счет взятых в плен соплеменников. К последствиям зависимости историк относил замедление славянской колонизации северных и восточных территорий Руси, населенных финно-угорскими и балтскими народами, упадок политической роли горожан, исчезновение веча, слабое развитие и неоформленность торгово-ремесленной верхушки, исчезновение традиционных экономических связей с европейскими странами, развитие ростовщичества и демографический кризис⁴⁰⁵. А.И. Плигузов (1956-2011) и А.Л. Хорошкевич видели прямую заинтересованность ханской власти в усилении привилегий церкви, что давало возможность сдерживать самостоятельность великого князя⁴⁰⁶.

Исследованию социального состава русского общества в эпоху монголо-татарского ига посвятила свой труд М.Д. Полубояринова (р. 1931). Анализируя положение русской знати, она сделала логичное допущение, что часто князей, убитых в Орде и получивших ореол мучеников за веру, казнили по политическим причинам⁴⁰⁷. Историк отмечает тесное переплетение интересов церкви и Золотой Орды, проникновение культурных норм и обычаев в ордынскую социальную среду, переход монголо-татар на службу к русским князьям, браки ордынских женщин с русскими князьями и боярами⁴⁰⁸.

М.Д. Полубояринова допускает возможность создания ордынцами собственной администрации на территории русских городов, как, например, Ахматовы слободы, которые она отождествляет с попыткой организовать золотоордынские города на Руси⁴⁰⁹. Данная точка зрения не нашла поддержки в научной среде, так как на основании большинства свидетельств

⁴⁰⁵ Хорошкевич А.Л., Плигузов А.И. Русь XIII столетия в книге Дж. Феннела // Феннел Дж. Кризис средневековой Руси 1200-1304. М., 1989. С. 22.

⁴⁰⁶ Хорошкевич А.Л. Изменение форм государственной эксплуатации на Руси в середине XIII в. // Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии: чтения, посвященные памяти академика Л.В. Черепнина. Тезисы докладов и сообщений. Ч. 1. М., 1988. С. 157.

⁴⁰⁷ Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978. С. 11.

⁴⁰⁸ Там же. С. 31-32.

⁴⁰⁹ Там же. С. 42-43.

источников мы не можем говорить о встраивании в структуру Древнерусского государства каких-либо политических институтов Золотой Орды. Хотя о существовании укрепленных лагерей монголов на Руси с целью контроля упоминал такой авторитетный исследователь, как А.А. Зимин.

Таким образом, концепции историков советского периода о влиянии монголо-татарского ига на Русь не были едиными на разных этапах и испытывали воздействие марксистской методологии. До начала 1930-х гг. в советской исторической науке главным авторитетом признавался М.Н. Покровский, научные выводы которого были непоколебимы. Подход М.Н. Покровского к вопросу о монголо-татарском воздействии в связи с этим признавался за определенного рода идеальную модель. Но 20-е гг. были также временем относительного плюрализма в науке, когда политика еще не проникла окончательно в теоретические построения историков.

Были и убежденные историки-марксисты, которые вопрос об ордынском влиянии подавали в преимущественно экономическом ключе, как, например, Н.А. Рожков. Но даже в условиях идеологического диктата в науке, который получил свое развитие после смерти М.Н. Покровского, в трудах большинства ученых, касавшихся роли ордынского владычества в истории Северо-Восточной Руси, мы видим скрытое развитие тезисов «государственной школы» и С.М. Соловьева о том, что многие социально-политические процессы на Руси существовали до монголо-татар: централизация, передача власти по наследству, формирование податной системы и т.д. Эти выводы были присущи в большей или меньшей степени Н.А. Рожкову, А.Н. Насонову, Б.Д. Грекову, И.Б. Грекову, В.А. Кучкину, Ю.А. Лимонову и др. Негативную роль в политизации исторической науки сыграл также вышедший в 1938 г. «Краткий курс истории ВКП(б)», после чего началось интенсивное закручивание гаек и огульная критика исторической концепции М.Н. Покровского.

В первой половине XX столетия большую работу проделали советские востоковеды по переводу иностранных первоисточников. Особенного упоминания заслуживает публикация в 1941 г. А.А. Ромаскевичем (1885-1942) и С.Л. Волиным (1909-1943) второго тома «Сборника материалов, относящихся к истории Золотой Орды» В.Г. Тизенгаузена (1825-1902), где содержатся выписки из сочинений на персидском языке, сыгравшие важную роль в дальнейшем исследовании вопроса об ордынском влиянии. В 1935 г. Е.Э. Бертельс (1890-1957) подготовил критический перевод «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина. С.А. Козин (1879-1956) в 1941 г. впервые опубликовал ценнейший и фактически единственный памятник о монгольской истории Чингис-хана «Сокровенное сказание». И.П. Петрушевский (1898-1977) издал вводный очерк «Рашид ад-Дин и его исторический труд»⁴¹⁰. Эта источниковая база стала надежным фундаментом разработки вопроса о монголо-татарском влиянии в советской историографии.

С момента выхода фундаментальных трудов А.Н. Насонова и Б.Д. Грекова в 40-50-е гг. концепция этих ученых об исключительно отрицательной роли ордынского владычества в истории России стала основой философии всех работ по данной тематике вплоть до периода «перестройки». А.Н. Насонова, Б.Д. Грекова, А.Ю. Якубовского, В.Т. Пашуто объединяет общий взгляд на проблему кочевого феодализма, согласно которому номады были не способны создать политические и экономические образования феодального типа и были обречены на постепенный распад, как это произошло с Золотой Ордой и другими осколками Монгольской империи. Теория «кочевого феодализма» была разработана Б.Я. Владимирцовым, но в настоящее время отвергнута большинством ученых.

⁴¹⁰ Петрушевский И.П. «Рашид ад-Дин и его исторический труд» // Рашид-ад Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. М.-Л., 1952.

Тезисы о пресловутой борьбе народных масс с угнетением феодалов-кочевников были побочным продуктом марксистской историографии. Наличие подобных схем не помешало советским исследователям развивать вопрос о роли и месте кочевого мира в работах В.В. Мавродина, Л.В. Черепнина, М.Н. Тихомирова, А.М. Сахарова. В советской историографии существовала по-прежнему концепция «борьбы леса со степью». Этот антагонизм, по мнению историков, играл решающую роль в становлении социальных отношений и государственности. Но Г.В. Вернадский понимал эту борьбу как объединение «леса и степи», в отличие от их резкого противопоставления С.М. Соловьевым и советскими историками.

А.Н. Насонов проанализировал политику ордынских ханов по отношению к русским княжествам через анализ большого количества летописей и актового материала, причем им было введено в научный оборот более 1000 рукописей, содержащих летописные тексты. Б.Д. Греков в сотрудничестве с А.Ю. Якубовским при написании своего фундаментального труда «Золотая Орда и ее падение» применили большой массив иностранных источников, а также наработки востоковедов В.Г. Тизенгаузена, В.В. Бартольда, Б.Я. Владимирцова и др. Это позволило Б.Д. Грекову и А.Ю. Якубовскому сделать вывод о катастрофических последствиях влияния монголо-татарского ига на состояние хозяйства и экономики русских княжеств. Критические установки Б.Д. Грекова и А.Ю. Якубовского о монголо-татарском влиянии господствовали вплоть до 80-х гг. XX в. в советской историографии.

Советская историография отличалась общим подходом и к вопросу об уничтожении вечевого института монголами. Но мнения исследователей разнились касательно последствий этой политики ханов. Если А.Н. Насонов и М.Н. Тихомиров в 40-50-е гг. утверждали, что причиной исчезновения вече в значительной степени была политика Орды, то в 70-80-е гг. ученые начали выявлять в этом процессе и другие факторы: усиление княжеской власти,

рост феодальных землевладений и т.д. Ю.А. Лимонов считал, что после нашествия монголов принципиальных воздействий со стороны Орды на систему городского самоуправления не произошло. Данная точка зрения не является популярной в научном сообществе.

Влияние ига на экономические факторы на раннем этапе развития марксистского направления воспринимались положительно в трудах М.Н. Покровского и Н.А. Рожкова. Первый делал акцент на становлении финансовых институтов при монголо-татарах, второй - на развитии торговли с Востоком. При последующем поколении историков вектор восприятия ордынской политики на Руси повернулся на 90 градусов. Б.Д. Греков утверждал, что финансовые институты зародились еще до монголо-татар, И.В. Базилевич – об упадке земледелия и задержке экономического развития, А.А. Зимин – о закреплении крестьянства и т.д. основополагающим трудом, обосновавшим отрицательный подход к монголо-татарскому владычеству, стала вышедшая в 1937 и переизданная в дополненной версии в 1950 г. монография «Золотая Орда и ее падение» Б.Д. Грекова и А.Ю. Якубовского. Фактически негласным запретом на исследование «татарской проблематики» стало постановление ЦК ВКП(б) от 1944 г. «О состоянии и методах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации».

В 1960-е годы некоторые советские историки высказались по поводу влияния ордынского фактора на складывание трех восточнославянских народностей: великорусской, малорусской и белорусской. Л.В. Черепнин в этом видел скорее роль начавшегося процесса феодализации, а не монголо-татар. Филолог Р.И. Аванесов относил его зарождение также к домонгольскому периоду. В это же время появились труды М.Г. Сафаргалиева и Г.А. Федорова-Давыдова, которые впервые на высоком научном уровне исследовали социально-политические институты Золотой Орды.

1970-80-е годы стали временем, когда начали появляться труды, рассматривающие вопрос о монголо-татарском влиянии под разными углами зрения. К таковым, например, можно отнести работы В.А. Кучкина, где он высказывал мысль о том, что нашествие не повлияло радикально на экономику. В это же время подверглась пересмотру точка зрения А.Н. Насонова о том, что баскаки представляли собой постоянно действующий военный орган на территории русских княжеств. В качестве оппонента выступил В.В. Каргалов, который считал (как ранее и М.Н. Тихомиров), что баскаки не представляли собой расквартированных военных отрядов на Руси, а скорее являлись лицами ханской администрации, следящими за деятельностью торгово-ремесленного люда и сбором налогов. Нескольким особняком стояла позиция А.А. Зимина и М.Д. Полубояриновой, которые допускали возможность установления на Руси ордынской администрации с прямым управлением из Сарая. Она в настоящее время не является распространенной в научной среде.

Заслуживает внимания деятельность А.П. Григорьева по реконструкции содержания ханских ярлыков русским митрополитам. Вопросы о влиянии Золотой Орды на русскую церковь касались в своих трудах А.Г. Кузьмин, И.У. Будовниц, Н.С. Борисов, А.Г. Плигузов, А.М. Сахаров, Р.Г. Скрынников, Н.А. Охотина и др.

Взгляд на вопрос о заимствованиях в сфере культуры не претерпел серьезных изменений в советской историографии на протяжении 70-летнего периода ее существования. Как в предвоенное время в трудах А.Н. Насонова, Б.Д. Грекова, А.Ю. Якубовского, так и в послевоенное время в работах Б.А. Рыбакова, Н.Н. Воронина, Н.С. Борисова делался главный акцент на разрушительных последствиях ордынского владычества для всех сторон материальной и духовной культуры: архитектура, летописание, ремесло, иконопись и т.д. Слабая разработка вопроса о влиянии в культуре опирается на две существенные проблемы. Во-первых, попытки реконструкции заимствований в материальной культуре наталкиваются на отсутствие

соответствующих источников, которые можно бы сопоставить с золотоордынской эпохой, причем эта проблема остается неразрешенной и поныне. Во-вторых, большинство историков и культурологов скептически относятся к возможности рецепции элементов культуры Золотой Орды на русской почве в силу того, что мусульманская культура была цивилизационно враждебна и далека от культуры христианской. Кроме того, ареал проживания кипчакского этноса находился на значительном удалении от Северо-Восточной Руси, что практически не подразумевало их прямого контакта.

Большой потенциал представляет собой анализ историками идейной реакции русского средневекового общества на господство ханов и связанные с этим реалии «ордынского ига». Особое внимание следует уделить восприятию золотоордынской цивилизации представителями русской средневековой культурной среды, главным образом из числа духовенства и летописцев.

Завершая раздел, посвященный советской историографии, необходимо отметить две линии в работах историков о последствиях монголо-татарского ига. Решительное воздействие татаро-монгольского владычества на русскую историю признавали М.Н. Покровский, А.Н. Насонов, Б.Д. Греков, А.Ю. Якубовский, Б.А. Рыбаков, В.В. Каргалов. К сторонникам незначительной роли татаро-монгольского ига можно отнести Н.А. Рожкова, В.В. Бартольда, Л.В. Черепнина, С.О. Шмидта, А.А. Зимина, В.А. Кучкина, Ю.А. Лимонова.

2. Евразийская школа

Евразийство как историко-философское направление возникло в среде белой эмиграции на Западе в 20-е гг. XX в. Одной из составляющих идеологии евразийцев на раннем этапе было стремление избавиться от советской власти, но не насильственным методом, а постепенно, путем «мирного перерождения». В этом евразийцы были близки идейно к

«сменовеховцам», которые надеялись на постепенную реставрацию капиталистических отношений в Советском Союзе посредством начавшегося НЭПа. Евразийцы полагали, что большевистская идеология, так же, как и западная, находится в глубоком кризисе. В этом плане сильное впечатление на них произвела книга О. Шпенглера «Закат Европы». Они выдвинули теорию «смены культур», с помощью которой со временем Советское государство должно переродиться в «государство евразийское», главными ценностями которого будут патриархальность, религиозность, синтез русской и восточной культур и т.д.⁴¹¹ Первые евразийцы не признавали объективных законов развития общества, в своих теоретических построениях они восходили к славянофилам и «колониационной теории» В.О. Ключевского. Вместо научного материализма и представления о классовой борьбе они в качестве основы движения истории видели религиозность. Многие построения евразийцев не были подкреплены опорой на источники, что характеризует их теорию скорее как философскую, чем строго научно-историческую.

Для нас важность составляет одна из основных идей этого направления – преемственность русской культуры от культуры кочевых империй Евразии, главная роль в которой отводится империи Чингис-хана. В связи с этим особую актуальность представляют труды основателей и виднейших представителей евразийства – Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, Г.В. Вернадского и др. В этих работах содержалось признание особой роли татаро-монгольского ига и тюркского элемента в формировании самодержавной монархии Московского государства, наследницей которого они считали Российскую империю, а затем СССР. Ценность их работ заключается в том, что в отличие от советских исследователей, им были доступны многие источники из европейских архивов. Но, в то же время, важно отметить, что существенным недостатком их исследований было

⁴¹¹ Каргалов В.В. Русь и кочевники. М., 2008. С. 438.

отсутствие доступа к отечественным летописным источникам и актовому материалу, находящемуся на территории Советского Союза.

Детальный анализ евразийского учения имеется в научных трудах М.Г. Вандалковской (р. 1932). Это общественно-политическое движение было порождено теми условиями политической жизни, которые сложились в России в революционное и постреволюционное время: несостоятельность дореволюционной российской власти, беспомощность оппозиционных правительству Думы и политических партий разного толка, печальные итоги Первой мировой войны. Все эти условия повлияли на крушение старых представлений, переоценку и создание новых взглядов на дальнейшее развитие России⁴¹². Истоки своего направления евразийцы возводили к учению славянофилов и его виднейших представителей первой и второй волны - А.С. Хомяков, братья Аксаковы, И.В. Киреевский, К.Н. Леонтьев, Н.Н. Страхов, Н.Я. Данилевский и др. К.А. Соловьев обратил внимание на то, что базовые тезисы евразийства можно встретить уже в сочинениях востоковеда В.В. Бартольда начала 1910-х гг.: о культурной отсталости Руси XII в., о вхождении Руси после Батыева нашествия в качестве составной части в империю Чингизидов, о благотворном влиянии ордынских государственных порядков на русские земли⁴¹³.

Н.С. Борисов отмечает, что в теоретических построениях евразийцев монголам отводилось ключевое место. В основе их рассуждений лежит мысль о смене государств на протяжении исторического пути развития: эллинское, византийское и, наконец, татаро-монгольское, которое сыграло огромную роль в образовании российской государственности⁴¹⁴.

Евразийцы признавали священство всякой власти и отрицали европейскую теорию государства, основанную на естественной теории права, договоре граждан с властвующими, народном суверенитете, самоуправлении,

⁴¹² Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М., 1997. С. 3.

⁴¹³ Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. СПб., 1911. С. 150.

⁴¹⁴ Савицкий П.Н. Евразийство // Евразийский временник. Кн. 4. Берлин, 1925. С. 7-13.

неотчуждаемости прав. «То, что один человек может приказывать, а другие могут повиноваться – всегда останется необъяснимой иррациональной закономерностью социальной действительности», писал П.П. Сувчинский⁴¹⁵. Монголо-татарское иго евразийцы признавали одним из определяющих факторов развития российской государственности⁴¹⁶. Н.С. Трубецкой основным признаком существования правящего слоя видел общность мировоззрения, которая должна базироваться на идеократическом характере государственного устройства, на единстве и целостности всех сфер евразийского мира⁴¹⁷.

Евразийцы выделили несколько моментов в области административно-управленческого устройства и социальной сферы, привнесенных монголо-татарским игом на русскую почву. Прежде всего, они обратили внимание на изменение природы княжеской власти в условиях, когда хан наделил князя полномочиями по сбору дани⁴¹⁸.

Основным критерием подлинного научного подхода к вопросам истории для евразийцев был принцип историзма. Под ним они понимали «чуткость к единственности, неповторимости и специфичности прошлого»⁴¹⁹. Применение к российской истории теории родового быта С.М. Соловьева, или построений П.Н. Милюкова, отражающих позитивистскую концепцию исторического развития, промарксистские обзоры Н.А. Рожкова или М.Н. Покровского, Л.П. Карсавин (1882-1952) относил к «неисториософским попыткам», которые внешне прилагают к русской истории «бледную схему»⁴²⁰.

Евразийцы признавали большое влияние на формирование русского самосознания отечественной дореволюционной науки, ярким выразителем которой был В.О. Ключевский. Но, в то же время, Л.П. Карсавин критиковал

⁴¹⁵ Сувчинский П.П. *Монархия или сильная власть // Евразийская хроника. Вып. IX. Париж, 1927. С. 24.*

⁴¹⁶ Вандалковская М.Г. *Ук. соч. С. 106.*

⁴¹⁷ Новикова Л., Сиземская И. *Политическая программа евразийцев: реальность, утопия. // ОНС (общественные науки и современность), 1992, № 1. С. 108-109.*

⁴¹⁸ Вандалковская М.Г. *Ук. соч. С. 120.*

⁴¹⁹ Карсавин Л.П. *Без догмата // Версты. Париж. 1927. № 2. С. 130.*

⁴²⁰ Там же. С. 138.

его за прозападническую ориентацию, рассмотрение истории в рамках европейской цивилизации, а миссии России, как спасительницы «европейской культуры от татарских ударов», которая сберегла ее тыл⁴²¹. Однако, в действительности многие мысли евразийской идеологии имели свои корни в дореволюционной прозападнической науке. Евразийская концепция русской истории представлялась Л.П. Карсавину венцом славянофильской идеологии⁴²².

Евразийцы считали, что русские заимствовали у монголов систему приказов по образцу монгольской палаты, поголовную подушную подать (дань), некоторые натуральные повинности, «тамгу» (пошлины с товаров), денежный счет (слово «деньги» имеет татарское происхождение), «ямскую» службу (повинность снабжения местным населением служилого люда повозками, лошадьми, лодками), структуру армии, монгольское уголовное и процессуальное право⁴²³ и др.

Это учение создавалось историками, экономистами, географами, правоведами, лингвистами, музыкантами. Теоретическими основами евразийского учения стали личность, культура, государство, месторазвитие, религия. Наиболее выдающимися его представителями были географ и экономист П.Н. Савицкий, историки Г.В. Вернадский, Л.П. Карсавин, П.М. Бицилли, правовед Н.Н. Алексеев, лингвист Н.С. Трубецкой, музыковед П.П. Сувчинский и др.⁴²⁴ В своих теоретических построениях особое внимание евразийцы обращали на труды Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева, которые говорили о своеобразном историческом пути России, неприятии европеизации и признании благотворного влияния Востока⁴²⁵.

⁴²¹ Вандалковская М.Г. Евразийцы и историческая наука // Проблемы источниковедения и историографии. Материалы научных II чтений памяти академика И.Д. Кавальченко. М., 2000. С.308.

⁴²² Вандалковская М.Г. Евразийцы и историческая наука. С.309.

⁴²³ Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». С. 122.

⁴²⁴ Вандалковская М.Г. Россия между Востоком и Западом: евразийская концепция русской истории // Россия и мировая цивилизация. К 70-летию члена-корреспондента РАН А.Н. Сахарова. М., 2000. С. 532.

⁴²⁵ Там же. С. 533.

В то же время евразийцы подчеркивали, что не было полного слияния Руси и Золотой Орды, так как существовало два центра – Москва и Сарай, и первый был подчинен последнему. В церковном отношении Москва для них была главным центром, не зависевшим от ханской власти. Евразийцы гиперболизировали влияние монголо-татар на государственное устройство Руси, ее быт, нравы, язык, национальный характер. Несомненно, двухвековое иго наложило печать на изменение армии, денежного счета и др., но представители евразийского учения сбрасывали со счетов возможность собственно российского развития. Причем, например, Китай, Индию и Персию они считали вполне самобытными и, следовательно, не требующими такого же воздействия имперских институтов Чингис-хана, как на Руси. Истоки Московской Руси они вели не от Киевской Руси, а от империи Чингис-хана⁴²⁶. В.В. Каргалов относил евразийство к одному из наиболее влиятельных литературно-философских течений русской белой эмиграции 1920-х – начала 1930-х гг.⁴²⁷

Постараемся теперь рассмотреть основных представителей данного направления и их труды. Лингвист Н.С. Трубецкой (1890-1938) был одним из авторов евразийской идеологии, в становлении которой участвовали также П.П. Сувчинский, Г.В. Флоровский, П.Н. Савицкий и др. Н.С. Трубецкой обосновывал мысль об огромном положительном влиянии на русскую государственность монголов и туранского народа, к которому он относил угро-финские племена, самоедов, тюрков, монголов и маньчжур. Свержение ига он понимал как замену ордынского хана православным царем и перенесение ставки в Москву через «обрусение» и «оправославливание» татарщины⁴²⁸.

Н.С. Трубецкой, также как и Г.В. Вернадский, утверждал, что монголы защитили Русь от латинства, сохранив чистоту православия: «туранская

⁴²⁶Евразийство: Опыт систематического изложения. Париж, 1926. С. 38.

⁴²⁷Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития Феодальной Руси. С. 159

⁴²⁸ Евразийский временник. Т. 4. Берлин, 1925. С. 272-273.

психика сообщает нации культурную устойчивость и силу, утверждает культурно-историческую преемственность и создает условия экономии национальных сил, благоприятствующие всякому строительству»⁴²⁹. А вот преемственности Москвы от норманнов или от Киевской Руси историк не признавал⁴³⁰.

Лингвистические и этнографические знания помогли Н.С. Трубецкому обратить внимание на заимствования в русском языке из татарского таких важных государственных терминов, как деньга, алтын, казна, тамга (откуда таможня), ям (откуда ямская гоньба, ямщина, ямской и т.д.). Это говорит, по мнению ученого, о влиянии ордынской практики на финансовую политику и организацию почтовых сообщений⁴³¹. В общем и целом Н.С. Трубецкой видит больше положительного влияния туранской культуры на восточных славян, называя минусом ее недостаточную поворотливость и бездеятельность теоретического мышления⁴³².

Россия, по его мнению, научилась через монголо-татарское иго единству крепко сшитого православного государства, спаянного внутренней духовной дисциплиной. Косность богословского мышления Н.С. Трубецкой больше относил к великоросской ветви, в то время как малороссы, по его мнению, в гораздо меньшей степени подверглись туранскому воздействию и хотя они менее великороссов были способны к крупному государственному строительству, однако проявили большую способность к богословскому умозрению и дали русской православной церкви целый ряд выдающихся богословов: Дмитрий Ростовский, Симон Годорский, Сильвестр Каневский и всю могилянскую богословскую школу⁴³³. Уход в иночество и создание новых монастырей Н.С. Трубецкой также связывал с татарщиной⁴³⁴. К

⁴²⁹ Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре // Евразийский временник. Кн. 4. Берлин, 1925. С. 370.

⁴³⁰ Трубецкой Н.С. Наследие Чингис-хана // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1991. № 4. С. 35.

⁴³¹ Гумилев Л.Н. Черная легенда. М., 1994. С. 517.

⁴³² Там же. С. 520.

⁴³³ Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре. С. 374.

⁴³⁴ Трубецкой Н.С. Наследие Чингис-хана. С. 43.

отрицательным следствиям он относил утрату национального самолюбия, чувства долга и достоинства⁴³⁵.

Будущее России Н.С. Трубецкой видел в отказе от увлечения Европейской цивилизацией и обретении собственного лица России-Евразии, сознательной носительницы и преемницы наследия Чингис-хана. Развитием этих идей в конце XX в. станут высказывания академика А.Д. Сахарова (проект конституции) и А.И. Солженицына (статья-размышление «Как нам обустроить Россию»⁴³⁶), видящих выход из кризиса в отказе от претензий России на «великую европейскую державу»⁴³⁷.

С приходом Петра I и западноевропейских идей, полагал Н.С. Трубецкой, стройная «подсознательная философская система», которая в Московской Руси объединяла религию, культуру, быт, государственный строй и на которой держалась вся русская жизнь, стала подрываться и разрушаться, перейдя в начале XX в. в форму большевизма. Сравнивая плод монголо-татарского ига – Московскую Русь и плод романогерманского ига – большевистские Советы, Н.С. Трубецкой приходит к выводу, что монголо-татарская школа была «вовсе не так плоха»⁴³⁸.

Анализ личных фондов деятелей евразийского движения показывает, что несмотря на идейное единство, евразийцы порой имели значительные теоретические расхождения. Я.Д. Садовский (1893-1925) в письме П.Н. Савицкому критикует работу Н.С. Трубецкого «Наследие Чингисхана» за восхваление последним рабства русского народа у монголо-татар. Я.Д. Садовский полагает, что при монголо-татарах идеологического общения было гораздо больше с Константинополем, чем с Сараем. Русь, по его мнению, восприняла из Византии чин престолонаследия, а ордынцы были терпимы к этим тесным связям двух христианских держав. Из анализа древнерусской литературы Я.Д. Садовский приходит к выводу о крайне

⁴³⁵ Трубецкой Н.С. Наследие Чингис-хана. С. 45-46.

⁴³⁶ Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию. Л., 1990.

⁴³⁷ Трубецкой Н.С. Наследие Чингис-хана. С. 78.

⁴³⁸ Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре. С. 376-377.

скромном идеологическом влиянии Орды, но гораздо более сильном ее влиянии в сфере государственной организации, администрации и финансов⁴³⁹.

Географ и экономист П.Н. Савицкий (1895-1968) был одним из основателей и наиболее деятельных представителей евразийского движения. Он подчеркивал также, что татаро-монгольское иго играло основополагающую роль в русском историческом процессе. Как и большинство евразийцев он признавал влияние на Русь как византийской (греко-восточной) цивилизации, так и культуры степных кочевников. Россия для него была «наследницей великих ханов..., объединительницей Азии, частью особого окраинно-приморского мира, носительницей углубленной культурной традиции. Без татарщины не было бы России»⁴⁴⁰.

Н.С. Борисов отмечал, что П.Н. Савицкий признавал родство своих идей с выводами Н.М. Карамзина и славянофилов, в которых он видел истоки евразийства⁴⁴¹. П.Н. Савицкий указывал на обреченность самой византийско-киевской культуры, неуклонно шедшей к упадку на протяжении от IX до XIII в. Этот тезис он подтверждает сравнением архитектуры: Нотр Дам де Пари 1215 г., как и вся романская и готическая архитектура Запада, по мнению ученого, в разы превосходит образцы современной ей русской, как, например, церковь св. Георгия в Юрьеве Польском или новгородская церковь Спаса на Нередице⁴⁴².

Монголо-татарское иго, по мнению П.Н. Савицкого, было горнилом, в котором ковалось русское духовное своеобразие, одним из выражений которого был рассвет русской религиозной живописи⁴⁴³. П.Н. Савицкий сравнивает влияние на культуру русских княжеств монгольского и

⁴³⁹ Письма Я.Д. Садовского П.Н. Савицкому по различным вопросам теории евразийства и деятельности евразийских организаций. ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 384. Л. I-II.

⁴⁴⁰ Савицкий П.Н. Степь и оседлость // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993. С. 123-124.

⁴⁴¹ Борисов Н.С. Отечественная историография о влиянии татаро-монгольского нашествия на русскую культуру. С. 137.

⁴⁴² Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997. С. 333.

⁴⁴³ Там же. С. 333-334.

литовского элемента. Латинство, по его мнению, оказалось неспособным осуществить объединение евразийского мира и несовместимым с русскостью⁴⁴⁴.

П.Н. Савицкий стоял в центре евразийского движения, он был душой, лидером и лицом евразийства. Его политические взгляды изначально сформировались под влиянием партии кадетов. Двусмысленность евразийского Третьего пути, его разрыв с правыми и левыми автоматически создавал для него врагов в обоих секторах русского общества, расколотаго Революцией и Гражданской войной. Л.Н. Гумилев именно у П.Н. Савицкого, с которым он имел долгую переписку, позаимствует основные положения своей теории этногенеза⁴⁴⁵.

Российский и американский историк Г.В. Вернадский (1887-1973), сын естествоиспытателя и мыслителя В.И. Вернадского, был одним из наиболее талантливых и плодотворных представителей евразийского учения. На базе исследований этого историка впервые родилась научно-обоснованная теория преемственности Русью золотоордынских институтов, так как все предыдущие изыскания скорее можно было назвать историческими рассуждениями. Положительное влияние монголов Г.В. Вернадский отмечал в том, что они предотвратили захват Руси со стороны Запада⁴⁴⁶. Как и П.Н. Савицкий, он считал, что монгольское иго не было обременительным для Руси и не мешало ее внутренней культурной жизни, в отличие от Польши, Литвы и Венгрии, установивших свою власть над частью русских земель⁴⁴⁷.

Г.В. Вернадский единственным способом сохранить русскую самобытность во время ига считал вхождение в «мировую татаро-монгольскую историю»: «Монгольство несло рабство телу, но не душе.

⁴⁴⁴ Савицкий П.Н. Геополитические заметки по русской истории // Вопросы истории. № 11-12. 1993. С. 127.

⁴⁴⁵ Савицкий П.Н. Континент Евразия. С. 433-434, 437-438.

⁴⁴⁶ Евразийский временник. Т. 4. Берлин, 1925. С. 327.

⁴⁴⁷ Евразийский временник. Т. 5. Берлин, 1927. С. 159.

Латинство грозило исказить самое душу»⁴⁴⁸. В противопоставлении западника Даниила Галицкого восточнику Александру Невскому историк видит аналогию противостояния западников и славянофилов в XIX в.⁴⁴⁹ Полного слияния улуса Джучи и русской государственности, по мнению Г.В. Вернадского, не произошло. Однако, Золотая Орда явилась преемницей сразу двух миров: степного, частью половецкого и лесного северорусского и имела две столицы: государственную – Сарай и религиозную – Москва.

Г.В. Вернадский, как и его коллеги по евразийской школе, отмечал также двоякое влияние: монгольское – евразийское государство и византийское – православная государственность⁴⁵⁰. В соответствии с этими выводами Г.В. Вернадский разработал и собственную периодизацию русской истории, где он выделил три периода. Первый период – «борьба леса со степью» - до монголо-татарского нашествия. Второй период – «победа степи над лесом» - имел огромное значение, так как через подчинение монгольскому хану, а затем ордынскому царю достигалось формальное объединение русских княжеств. Третий период – «решительная победа леса над степью» - условно это 1452-1696 гг., когда Москва становится преемницей власти от Орды⁴⁵¹.

С установлением монгольского ига Г.В. Вернадский связывал появление в русском народе осознания своих исторических задач. Время рассвета эпохи евразийского мирозерцания - от Александра Невского до Алексея Михайловича⁴⁵². С критикой этого положения выступал А.А. Кизеветтер (1866-1933), который видел в этой теории отсутствие собственного творчества русского народа. Кроме того, по мнению А.А. Кизеветтера, евразийцы пренебрегли связями Руси с Западной Европой в допетровский

⁴⁴⁸ Вернадский Г.В. Два подвига Св. Александра Невского // Евразийский временник. Кн. 4. Берлин, 1925. С. 154.

⁴⁴⁹ Вернадский Г.В. Два подвига св. Александра Невского // Гумилев Л.Н. Черная легенда. М., 1994. С. 568.

⁴⁵⁰ Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития Феодальной Руси. С. 159.

⁴⁵¹ Вернадский Г.В. Начертание русской истории. Ч. I. Прага, 1927. С. 23.

⁴⁵² Там же. С. 19.

период, в то время как западные идеи входили составной частью и в византийское наследство⁴⁵³.

Характерно, что и евразиец Г.В. Вернадский, и критик евразийства А.А. Кизеветтер отмечали значительные расхождения евразийства со славянофильством, несмотря на то, что оба направления противостояли западничеству и были идейно близки. Одним из главных расхождений А.А. Кизеветтер называет отказ евразийцев от интегральной связи России со славянством, в отличие от славянофилов. Последние были сильны национальной гордостью, но таковой совершенно не выводилось у евразийцев, которые, по мнению ученого, предназначение русского народа связывали с монголо-татарским игом, а не с национальной самобытностью⁴⁵⁴.

Евразийцы отмечали разрушение демократического начала в управлении русской территорией. Для уточнения этого вопроса Г.В. Вернадский прибегнул к сравнению Московской и Киевской Руси. В Московской Руси, как полагает ученый, усилению подвергся монархический элемент, с присущим ему дипломатическим ритуалом, основанным на монгольской почве⁴⁵⁵. Самодержавие и крепостничество, по мнению историка, стало той ценой, которую русский народ заплатил за национальное выживание⁴⁵⁶.

В Орде не произошло перенятия православия и это, по мнению Г.В. Вернадского, было одной из главных причин отсутствия культурного слияния, как это было в буддийском Китае или мусульманской Персии⁴⁵⁷. Г.В. Вернадский един с советскими историками в понимании того, что власть вече была резко ограничена и к середине XIV в. оно перестало нормально функционировать в большинстве восточных русских городов и не воспринималось уже как элемент власти⁴⁵⁸.

⁴⁵³ Кизеветтер А.А. Русская история по-евразийски // Руль. 1927. 27 ноября.

⁴⁵⁴ Лекция проф. Кизеветтера – «Славянофильство и евразийство», записанная кн. К.А. Чхеидзе, 20 января 1928. ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 384.

⁴⁵⁵ Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». С. 121.

⁴⁵⁶ Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь - М., 1997. С. 396.

⁴⁵⁷ Вернадский Г.В. Монгольское иго в русской истории // Наш современник. № 3, 1992. С. 162.

⁴⁵⁸ Вернадский Г.В. Что дали России монголы / Пер. С. Сосинского-Семихата // Родина, 1997, № 3-4. С. 97.

В воззрении на ханскую власть мы также можем проследить его единодушие с концепцией советских историков А.Н. Насонова и Б.Д. Грекова о том, что хан противостоял усилению какого-либо одного князя и, поэтому, не мог и не хотел способствовать объединению Руси. Вполне разумно выглядит мысль историка о том, что признание монголами права династии Рюриковичей облегчило в свою очередь признание русскими монгольского сюзеренитета. Судебная власть, как считает Г.В. Вернадский, из всех отраслей княжеского управления наименее подверглась влиянию монголо-татарского ига⁴⁵⁹.

Итоги поискам евразийской школы подвел труд Г.В. Вернадского «Монголы и Россия»⁴⁶⁰. Новым в труде Г.В. Вернадского было то, что он выявил методiku определения заимствованных явлений: если какого-то института не было в домонгольской Руси и он фиксируется в XIV-XV вв., значит он возник в ордынский период и мог быть перенят у завоевателей⁴⁶¹.

Сельское хозяйство, по мнению Г.В. Вернадского, было менее, чем промышленные ремесла подвергнуто влиянию татаро-монголов. Одним из следствий миграции населения в безопасные окрестности Москвы, Костромы, Галича, Твери явилось, по его мнению, развитие сельского хозяйства в центральных и северных районах⁴⁶². В монгольский период, как считает Г.В. Вернадский, усилилась власть бояр, заинтересованных в поддержке великого княжения. Но сила влияния боярства сдерживалась существованием монгольского фактора, а также городским народным сходом⁴⁶³.

Г.В. Вернадский опровергает теорию Б.Н. Чичерина о победе частного права над государственным в Московии. Власть князя, по его мнению, не ограничивалась исключительно сферой его частных интересов. Идея майората не оказала влияния на положения русского частного права, так как

⁴⁵⁹ Вернадский Г.В. Что дали России монголы. С. 98.

⁴⁶⁰ Vernadsky G. The Mongols and Russia. New Heawen, 1953.

⁴⁶¹ Ibid. P. 335.

⁴⁶² Вернадский Г.В. Монголы и Русь. С. 349.

⁴⁶³ Там же. С. 354.

в русских сводах не существовало закона первородства в статьях о наследовании без завещания. Старший сын великого князя московского получал от отца в наследство преобладающее количество городов по сравнению с остальными братьями, в чем Г.В. Вернадский видел элементы государственного права, а не частного⁴⁶⁴.

Говоря о катастрофических последствиях нашествия для культурного развития Руси, Г.В. Вернадский упоминает об остановке составления русских летописей, что отмечал также И.У. Будовниц⁴⁶⁵. Г.В. Вернадский обращает также внимание, что период татаро-монгольского владычества имел воздействие на письменное и устное народное творчество⁴⁶⁶.

Необходимо признать, что Г.В. Вернадский был наиболее авторитетным представителем евразийства. Его труды имели влияние на теоретические построения не только евразийцев, но даже представителей марксистской школы. Несмотря на высокий научный уровень его работ, приходится согласиться с мнением М.Г. Вандалковской, которая справедливо подметила, что Г.В. Вернадский излагал российскую историю сквозь призму монгольского влияния и явно преувеличивал роль монголов в жизни России⁴⁶⁷. Другой слабостью разделов его работ о монгольском влиянии была их недостаточная обеспеченность источниками и высокая степень гипотетичности, о чем упоминал В.В. Трепавлов⁴⁶⁸.

Н.А. Клепинин (1899-1941), находящийся под воздействием взглядов Г.В. Вернадского, также отмечал, что единая монголо-татарская власть была важным фактором укрепления русского единогодержавия и великодержавия⁴⁶⁹. Он подчеркивает необходимость признания двух линий преемства и двух наследий Руси: наследия Византии-Киева и наследия Чингис-хана⁴⁷⁰. По

⁴⁶⁴ Вернадский Г.В. Монголы и Русь. С. 361-362.

⁴⁶⁵ Лихачев Д.С. Русские летописи. М.-Л., 1947. С. 283.

⁴⁶⁶ Вернадский Г.В. Монголы и Русь. С. 390.

⁴⁶⁷ Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». С. 108.

⁴⁶⁸ Трепавлов В.В. «Евразийская» проблематика в научных дискуссиях России и Запада. С. 167-168.

⁴⁶⁹ Клепинин Н.А. Святой и благоверный великий князь Александр Невский // Гумилев Л.Н. Черная легенда. М., 1994. С. 570.

⁴⁷⁰ Клепинин Н.А. Святой и благоверный великий князь Александр Невский. СПб., 2004. С. 16.

мнению Н.А. Клепинина, вхождение Северной Руси в монголо-татарское царство приобщило ее к мировой истории, открыло Суздалью новые горизонты. Монголо-татары, полагает ученый, не утверждали насильственно своего быта, требуя лишь исправной уплаты дани. Завоеванные же Западом области теряли свой облик и свою религиозно-духовную сущность. В этом он, как и другие евразийцы, видел основное отличие: «менее страшны грандиозные по размаху разрушения внешнего, чем незаметные попытки уничтожить внутреннее»⁴⁷¹.

С.Г. Пушкарев (1888-1984) в перв. пол. 1920-х гг. увлекался идеями евразийства и по просьбе П.Н. Савицкого написал статью «Россия и Европа в историческом прошлом» для 5-го тома сборника «Евразийский временник». В ней он утверждал, что с монголо-татарами русские гораздо легче уживались, чем с Западной Европой и «татары защищали Россию от Европы»⁴⁷². С.Г. Пушкарев отмечал, что русские князья получили от хана усиление власти по отношению к народу, так как «ханы татарские не имели надобности входить в соглашение с народом»⁴⁷³.

К последствиям ига историк относил падение роли вече, однако большое количество исследованных им летописных известий доказывает силу вечевого собрания русских городов в борьбе с монголо-татарами⁴⁷⁴. Влияние на культуру монголо-татар С.Г. Пушкарев, как и Г.В. Вернадский, считал несущественным, поскольку руководящей культурной силой на Руси оставалась православная церковь, а покоренное население не входило в близкое общение со своими завоевателями, резко отличаясь религией и национально-политическим антагонизмом⁴⁷⁵.

Философ В.Н. Ильин (1891-1974) принимал активное участие в евразийских изданиях, но в 1929 г. прекратил свое сотрудничество с

⁴⁷¹ Клепинин Н.А. Святой и благоверный великий князь Александр Невский // Гумилев Л.Н. Черная легенда. М., 1994. С. 574.

⁴⁷² Россия и Европа в историческом прошлом // Евразийский временник. Т. 5. Берлин, 1927. С. 147, 149.

⁴⁷³ Пушкарев С.Г. Обзор русской истории. М., 1991. С. 93.

⁴⁷⁴ Пушкарев С.Г. Элементы политической свободы и общественного самоуправления в допетровской Руси // Записки русской академической группы в США. Т. X. Нью-Йорк, 1976. С. 137-138.

⁴⁷⁵ Пушкарев С.Г. Обзор русской истории. С. 93.

евразийцами. О роли монголов в евразийском объединении Руси он говорил так: «...агрегат самостийничавших враждовавших славянских народов оказался включенным в организм великой монгольской державы для того, чтобы выйти из нее совершенно обновленной этнографически и политически силой и самому, в свою очередь, сделаться центром евразийского всеединства»⁴⁷⁶. О том, что именно во время ига и под его влиянием происходил «генезис русской государственности» упоминал также писатель-эмигрант Б.Н. Ширяев (1887-1959)⁴⁷⁷.

Историческая концепция Э. Хара-Давана (1885-1941) из всех евразийцев обладает, пожалуй, наибольшей степенью гипотетичности и максимализма в построении своих параллелей между русскими и монгольскими социально-политическими институтами. Ее скорее можно отнести к полемическим рассуждениям с национальным оттенком, чем к научно-обоснованной теории, так как автор менее всего опирается на исторические источники. Однако, работая над книгой в библиотеках Европы, Э. Хара-Даван пользовался трудами, в большинстве своем недоступными советскому читателю и непереведенными на русский язык, и это в определенной степени оправдывает его исследования.

Крайне противоречиво выглядит мысль Э. Хара-Давана о том, что Московская Русь управлялась на основании общего для всей Монгольской империи «Джасака» - сборника чингисхановых законов, под влиянием которого и создавались ее государственность и великодержавие. Наименование Джучиева улуса «Белым царством», а его владыки «Белым ханом» историк связывает с традицией вывешивать белый флаг при избрании монгольского хана на престол, в частности когда Чингис-хан передавал старшему сыну его западные владения⁴⁷⁸. Когда монголо-туранские народы Золотой Орды перешли под власть Московского царя, последний в глазах

⁴⁷⁶ Ильин В.Н. О евразийском патриотизме // Евразийская хроника. Вып. 8. Париж, 1927. С. 14.

⁴⁷⁷ Евразийская хроника. Вып. 7. Париж, 1927. С. 7.

⁴⁷⁸ Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие. Элиста, 1991. С. 180.

этих народов продолжал являться Белым царем Белой орды – наследником Белых ханов. Тему восприятия московского правителя как «Белого царя» подробно исследовал В.В. Трепавлов в своей монографии⁴⁷⁹.

Э. Хара-Даван считает, что монголы дали Руси основные элементы государственности: самодержавие (ханат), централизм, крепостничество, а кроме того почтовые тракты, ямскую повинность населения, однообразное военно-административное устройство, податное обложение по десятичной системе, общую монету – серебряный рубль, разделенный на 216 копеек⁴⁸⁰. В своих исторических выводах Э. Хара-Даван опирался главным образом на концепции В.О. Ключевского и С.Ф. Платонова.

Э. Хара-Даван отмечает также экономическое влияние, одним из выражений которого было возрождение знаменитого торгового пути «из Варяг в Греки», в результате чего восстановились деловые связи с Востоком, потянулись купеческие караваны в Кипчакские степи, Среднюю Азию, Монголию, Китай, Индию⁴⁸¹.

Культурные влияния Э. Хара-Даван видит в изменении коренным образом одежды. Почему-то к заимствованиям историк даже относил такие традиционные русские предметы, как церковные колокола и ямские колокольцы, так как до монголов на Руси применялось, по его мнению, «било и клепало», в то время как в Китае было широко развито литейное производство⁴⁸².

Повторяя выводы Н.С. Трубецкого в его статье «О туранском элементе в русской культуре»⁴⁸³ историк считает неверной мысль о крайней бедственности для русского народа монгольского владычества.⁴⁸⁴ Э. Хара-Даван, по примеру Н.С. Трубецкого, сравнивает последствия двухсотлетнего владычества монголо-татар и двухсотлетнего «ига

⁴⁷⁹ Трепавлов В.В. «Белый царь»: Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV-XVIII вв. М., 2007.

⁴⁸⁰ Хара-Даван Э. Ук. соч. С. 182.

⁴⁸¹ Хара-Даван Э. Ук. соч. С. 186.

⁴⁸² Хара-Даван Э. Ук. соч. С. 187.

⁴⁸³ Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре // Евразийский временник. Кн. 4. Берлин, 1925.

⁴⁸⁴ Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие. Белград, 1929. С. 119, 120, 200.

европейского» - императорского периода русской истории. Если первый экзамен татарской школы, по его мнению, «Россия выдержала блестяще», то Императорская Россия «европейский экзамен провалила и пала в 1917 г.»⁴⁸⁵

Возрождение интереса к евразийскому направлению появилось в 80-е гг. XX в. и было связано с работами историка-этнолога Л.Н. Гумилева (1912-1992), который участвовал в личной переписке с П.Н. Савицким еще в 1950-х гг. и называл себя «последним евразийцем». С конца 1980-х гг. неполитизированные и неидеологизированные дискуссии начали возвращаться в отечественную историческую науку, открылся доступ к наработкам западной историографии, в стране начали издаваться труды евразийцев. Появились работы Л.С. Васильева (1930-2016), который попытался отнести российскую и советскую цивилизацию, государственность и политический строй к восточной парадигме⁴⁸⁶.

Л.Н. Гумилев утверждал, что влияние монголов не носило того ужасающего зла, о котором упоминают летописцы. Он считал, что никакого завоевания Руси Батыем не было, так как постоянных гарнизонов и органов власти на территории русских княжеств он не оставил. По мнению ученого, Русь являлась не провинцией Монгольского улуса, а союзным государством, платившим налог на содержание войска, в котором она сама испытывала необходимость для отражения агрессии со стороны католического Запада. С падением Константинополя в 1204 г. монгольские ханы, как считает ученый, заняли место византийских императоров в иерархии представлений о политической власти у русского народа⁴⁸⁷.

Известно, что Л.Н. Гумилев был автором пассионарной теории этногенеза, которая предполагает возникновение этноса вследствие пассионарного толчка и конечность его жизненного цикла, который проходит стадии подъёма, перегрева, надлома, инерции, затухания и перехода в

⁴⁸⁵ Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие. Белград, 1929. С. 206.

⁴⁸⁶ Васильев Л. С. Восток и Запад в истории (основные параметры проблематики) // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000.

⁴⁸⁷ Гумилев Л.Н. От Руси до России. М., 2000. С. 132.

гомеостаз. В соответствии с этой теорией он утверждал, что Золотая Орда начала в XIV в. переходить в новую фазу этногенеза – акматическую (перегрев)⁴⁸⁸. На основе теории этногенеза и евразийской теории Л.Н. Гумилев воспринимает Северо-Восточную Русь как азиатское государство, которому чужды европейские порядки. Александра Невского и Батюга он воспринимает как союзников, Русь не как провинцию Монгольского улуса, а как союзное государство, обладающее политической и идеологической самостоятельностью⁴⁸⁹.

Л.Н. Гумилев критически относился к воззрениям Н.И. Костомарова, который делил Русь на южную республиканскую и великорусскую монархическую. Обвиняя в варварстве и задержке развития демократических начал на юге монголо-татарское нашествие, Н.И. Костомаров забывает, по мнению Л.Н. Гумилева, что Южную Русь покорили не монголо-татары, а литовцы. Л.Н. Гумилев осуждает также идею борьбы Руси со степью С.М. Соловьева, полагая, что для этих отношений скорей был характерен интенсивный товарообмен, чем набеги и войны⁴⁹⁰.

В.В. Трепавлов считает, что полноценного научного исследования у евразийцев не получилось, так как труды были проникнуты большой политизированностью. Только работы 1950-х гг. можно считать реальным результатом научных изысканий историков, обосновавшихся после Второй мировой войны в западных, главным образом американских научных центрах. В центре интересов послевоенных евразийцев и их современных последователей оказалось заимствование Россией восточных образцов социальной и государственной жизни, кульминация которых приходилась на период монгольского завоевания Руси⁴⁹¹.

Такую же довольно резкую оценку евразийству давал И.О. Князький, полагая, что оно даже не является научным направлением, а скорее теорией,

⁴⁸⁸ Гумилев Л.Н. От Руси до России. С. 155.

⁴⁸⁹ Там же. С. 296.

⁴⁹⁰ Гумилев Л.Н. Черная легенда. М., 1994. С. 183.

⁴⁹¹ Трепавлов В.В. «Евразийская» проблематика в научных дискуссиях России и Запада. С. 165-166.

выполняющей сугубо политическую задачу. Возрождение евразийства в 90-е гг. XX в., по его мнению, не более, чем «гальванизация трупа»: «Труды Л.Н. Гумилева высокоталантливый и ярко написаны, но к науке отношения не имеют, так как основаны не столько на первоисточниках, сколько на интуитивных домыслах сочинителя»⁴⁹².

Работы Л.Н. Гумилева встретили во многом обоснованную критику со стороны представителей академической науки и восторженный прием тюркоязычной интеллигенции в национальных республиках СССР. Одним из наиболее резких критиков выступил А.Г. Кузьмин. Но Л.Н. Гумилев так до конца жизни и не изменил своего мнения об отношениях Руси и Орды как «симбиоза»⁴⁹³. В то же время, идеи Л.Н. Гумилева имеют и большое количество сторонников на пространстве СНГ. Так, в Казахстане был даже открыт в 1996 г. Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева.

Общее состояние евразийского научного направления в советский период четко охарактеризовал В.В. Трепавлов, который отмечал, что в это время труды эмигрантов и их последователей замалчивались и прятались по спецхранам, без какого-либо полноценного обсуждения их идей. Историческое размышление евразийцев при господстве официальной пятичленной схемы общественно-экономических формаций не выходило дальше ярлыка «буржуазных фальсификаций»⁴⁹⁴. В.В. Каргалов отмечает, что евразийство было одним из наиболее влиятельных направлений русской общественной мысли в 1920-х – начале 1930-х гг. «Евразийское книгоиздательство» выпускало свои книги в Берлине, Праге, Париже, Харбине, Белграде. Действовали периодические издания – «Евразийский временник» и «Евразийская хроника», работали семинары и клубы⁴⁹⁵. Все это позволяет нам говорить о большом влиянии, которое оказывали ученые этого направления на умы русской белой эмиграции.

⁴⁹² Князький И.О. Русь и степь. М., 1996. С. 7-8.

⁴⁹³ Трепавлов В.В. «Евразийская» проблематика в научных дискуссиях России и Запада. С. 172-173.

⁴⁹⁴ Там же.

⁴⁹⁵ Каргалов В.В. Русь и кочевники. С. 437.

Итак, отличительной чертой появившегося в 20-е гг. философско-политического направления евразийцев было определенное идейное единство на протяжении всего периода его существования. Несмотря на то, что в 1927 г. произошло временное выделение левого крыла из его структуры, научные разработки продолжали вестись в заданном ранее ключе. Судьба «отступников», многие из которых сотрудничали с советскими спецслужбами, сложилась трагично, большинство из них по возвращении на Родину были репрессированы.

Для нас интерес представляет теоретическая сторона вопроса. Проблема рецепции ордынских порядков на Руси наиболее плодотворно была реализована в трудах Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, Г.В. Вернадского и Л.Н. Гумилева. Их объединяет признание «симбиоза» русского и ордынского государств, усиления княжеской власти, падения вечевых институтов, заимствования финансовой системы ордынцев на Руси и т.д. Но, пожалуй, по-настоящему научную обоснованность этих выводов представил лишь Г.В. Вернадский. Именно поэтому мы можем назвать его научным лидером данного направления. Его труды повлияли как на концепции евразийцев (в числе которых и Л.Н. Гумилев), так и на взгляды некоторых историков советского периода, которые нашли свое выражение уже в постсоветское время.

Не стоит переоценивать научную значимость и глубину выводов евразийской школы. Их работы были во многом логическим продолжением трудов историков-славянофилов XIX в. Нужно признать, что в научно-методологической разработке вопроса о влиянии монголо-татарского ига на Русь евразийская школа заметно уступала представителям марксистского направления. Также и в XIX столетии в среде славянофилов этот вопрос не нашел столь качественного освещения по сравнению с западниками, многие из которых были представителями лидирующего на тот момент государственно-юридического направления отечественной истории в лице С.М. Соловьева. Однако, историческая миссия евразийцев заключалась в

том, что они смогли пробудить широкий общественный интерес к 250-летнему периоду ордынского владычества над Русью. Это нашло отражение как в исторических диспутах, не прекращающихся и по сей день, так и в историсофской полемике.

Глава III

Современная историография

1. Новейший этап исследования «татарского вопроса»

С начала 1990-х гг. наступил новый период в изучении проблемы монголо-татарского ига и его воздействия на определенные стороны жизни княжеств Северо-Восточной Руси. Особенностью историографии современного периода по данному вопросу является появление большого количества разнообразных концепций ученых, что было связано с крушением идеологических схем марксистской школы, которые препятствовали появлению инакомыслия и отходу от «руководящей» линии партии. На смену формационному подходу к объяснению исторических фактов пришла либерализация во всех областях знаний, что часто приводило к другой крайности – отрицанию всех наработок марксистской школы и того весомого вклада советских ученых, который стал твердой основой для дальнейшей разработки поставленного вопроса.

Реалии 1990-х гг. XX в. показали, что рост капиталистического производства в развитых странах и повышение уровня общего благосостояния смягчили социальные противоречия в обществе, а мировые войны показали несостоятельность веры в разумность человека и прогресс общества. Эти факторы способствовали отказу от марксистского научного подхода и переходу от коллективных ценностей к приоритету человеческой личности и ее внутреннего мира. Негативную роль сыграла и политика изоляционизма СССР от враждебной «буржуазной» западной науки, которая была следствием во многом авторитарного характера советской власти.

Если горбачевское время можно охарактеризовать как попытку ревизионизма марксистской модели в отечественной историографии, то

начало 1990-х гг. показало решительный отказ от формационной схемы, некритическое принятие западной либерально-капиталистической формы общественного развития, рецепцию положений западных исторических школ. Пожалуй, в меньшей степени эти тенденции затронули историографию ордынского влияния, так как здесь скорее наблюдалась преемственность советской школы.

Попытки найти новые схемы истолкования исторических процессов применительно к нашей теме в целом необходимо признать довольно успешными, так как на современном этапе появилось большое количество научных трудов исследователей, внесших определенный вклад в развитие вопроса о рецепции монгольских институтов на Руси. Среди них И.Я. Фроянов, В.А. Кучкин, В.В. Трепавлов, А.А. Горский, А.Ю. Дворниченко, Ю.В. Селезнев, Ю.В. Кривошеев, И.О. Князький, А.Л. Юрганов, А.Л. Хорошкевич, Э.С. Кульпин, Р.Ю. Почекаев и др. Важно отметить, что многие из этих исследователей начали работу над данной проблемой еще в советский период. Некоторые их концепции по-прежнему опираются на фундамент марксистской традиции. Но появились и новаторские подходы к решению вопроса о монголо-татарских заимствованиях, что нашло свое отражение в применении и изучении новых методологических схем: палеографические исследования, геофизический анализ почв, реконструкция климатических условий и ландшафта в эпоху ордынского ига и т.д.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. читателю стали доступны труды Л.Н. Гумилева «Древняя Русь и Великая Степь» (1989), «От Руси к России: очерки этнической истории» (1992), долгое время находившиеся под цензурой в СССР. Объективное исследование о Руси периода ига опубликовал А.А. Горский – «Русские земли в XIII-XIV веках: пути политического развития». Появились труды В.В. Трепавлова, Ю.В. Кривошеева, Ю.В. Селезнева, которые на сегодняшний день являются одними из основных исследователей «татарского вопроса». Их

многочисленные монографии имеют важное значение для анализа влияния золотоордынского периода на русские социально-политические институты. Этот этап также связан с ренессансом исторической науки Татарстана, имеющий порой определенный националистический уклон, из-за реакции на многолетнее искажение и замалчивание национальной истории в советское время⁴⁹⁶.

Постмарксистская эпоха в 90-е гг. XX в. характеризуется в отечественной историографии отсутствием единства и поиском новых форм в методологии, способных заменить отход от марксистских исторических схем без потери качества научных исследований; возрождением тех исторических концепций, которые были отвергнуты советской историографией; обращением к достижениям мировой исторической науки и гуманитарного знания последних 40-50 лет⁴⁹⁷. Однако, марксистское ментальное сознание советских ученых-историков не может бесследно исчезнуть, устоявшиеся наработки продолжают нести свою значимость на современном этапе в трудах историков, вышедших из советского периода.

Свою лепту в вопрос изучения влияния монголов на русскую государственность внесли Институт Российской истории РАН и Институт Востоковедения РАН, который с 1992 г. проводил ежегодные конференции «Россия и Восток: проблемы взаимодействия»⁴⁹⁸.

В настоящее время имеются и точки зрения непрофессиональных историков по вопросу о монголо-татарском влиянии на Русь, которые распространяются активно в обществе. Так, известный писатель Борис Васильев утверждал, что Русь была лишь вассалом Золотой Орды, а понятие «иго» не имеет право на существование. В данном случае заметно влияние позиции евразийской школы и Л.Н. Гумилева по данному вопросу на писателя⁴⁹⁹. Но помимо подобных высказываний встречаются и откровенно

⁴⁹⁶ Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М., 1998. С. 11.

⁴⁹⁷ Соловьев К.А. Ук. соч. С. 12.

⁴⁹⁸ Трепавлов В.В. «Евразийская» проблематика в научных дискуссиях России и Запада. С. 173.

⁴⁹⁹ Кучкин В.А. Русь под игом: как это было? С. 4-5.

антинаучные. Одно из них - так называемая «новая хронология» А.Т. Фоменко и Г.В. Носовского, утверждающая псевдоисторические домыслы авторов о монголо-татарском иге⁵⁰⁰.

Попробуем охарактеризовать основные концепции отечественных историков данного периода по вопросу воздействия на те или иные стороны общественно-государственной жизни Руси. Вопросу влияния монгольской государственности на формирование деспотического самодержавия на Руси уделил внимание А.Л. Юрганов (р. 1959). Он считает, что иго превратило князей в вассалов монгольских ханов, а затем в служебников, причем эти же порядки князья начали насаждать и по отношению к своим подчиненным. Корни этого процесса автор выводит из домонгольского периода⁵⁰¹.

А.Л. Юрганов делает акцент на уничтожении большей части господствующего класса Северо-Восточной Руси во время нашествия, что способствовало формированию новой знати на почве «побеждавших отношений подданства»⁵⁰². В своей работе он приводит точку зрения В.Б. Кобрин (1930-1990) о том, что московское боярство формировалось в условиях монголо-татарского господства, так как его (боярства) корни до второй половины XIII в. неизвестны⁵⁰³. В условиях ига вассально-дружинные отношения уступили место княжеско-подданическим, в условиях прифронтового государства города лишились старых вольностей и не приобрели новых, деспотизм обрел законную форму, что имело помимо положительных моментов также и негативные черты, так как тормозило развитие общества и его свобод по образцу буржуазных в Европе⁵⁰⁴.

В.Б. Кобрин отмечал, что победа отношений холопства над отношением вассалитета была обусловлена не только внешним влиянием ига, но и целым рядом социально-экономических факторов, одним из которых можно назвать

⁵⁰⁰ Фоменко А.А. Новая хронология Руси. М., 1996.

⁵⁰¹ Юрганов А.Л. У истоков деспотизма // История отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX - нач. XX в. М., 1991. С. 39-41.

⁵⁰² Власть и реформы: от самодержавной к советской России, СПб, 1996. С. 16-17

⁵⁰³ Юрганов А.Л. Ук. соч. С. 42.

⁵⁰⁴ Юрганов А.Л. Ук. соч. С. 46.

необходимость противостояния Орде. Сильная княжеская власть не позволила сложиться городскому праву, городским вольностям, гильдейско-цеховой организации и др.⁵⁰⁵

Серьезное влияние на формирование удельно-вотчинной системы на Руси, по мнению А.Л. Юрганова, оказала монгольская система права и система власти⁵⁰⁶. В Орде создавались династии областных правителей, которые получали право наследования согласно монгольским представлениям о власти. Такой же поворот к утверждению наследственного права местных правителей, как считает историк, произошел и в Северо-Восточной Руси, начало которому положила духовная грамота Ивана Даниловича Калиты. Таким образом, традиция наследования, первоначально состоявшая в двух типах передачи власти - от отца к сыну либо от брата к брату, стала склоняться постепенно к первому варианту⁵⁰⁷. Существование местничества историк также связывает с функционированием одной правящей семьи на Руси по образцу государств Чингизидов⁵⁰⁸.

На одном из круглых столов В.Л. Егоров (р. 1938) обратил внимание на то, что иго представляло из себя не кабальный договор, а достаточно гибкую политику, которая следовала историческим реалиям того времени. Однако, он решительно отвергал возможность какого-либо союза между Русью и Ордой. Историк отмечал упадок роли и авторитета Руси на мировой арене в условиях ига, чему служило примером нашествие шведских и немецких феодалов в 1240 и 1242 гг.⁵⁰⁹

Вопрос о взаимоотношениях церкви и ордынского государства, который из советских историков затрагивали Н.С. Борисов, М.Д. Полубояринова и др., в российской историографии продолжил изучать Ю.В. Сочнев. Он отмечал важность русской миссионерской политики в Золотой Орде.

⁵⁰⁵ Кобрин В.Б., Юрганов А.Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси // История СССР, 1991. № 4. С. 60.

⁵⁰⁶ Юрганов А.Л. Удельно-вотчинная система и традиция наследования власти и собственности в средневековой России // Отечественная история. 1996. № 3. С. 108.

⁵⁰⁷ Там же. С. 109.

⁵⁰⁸ Там же. С. 111.

⁵⁰⁹ «Наш путь – стрелой татарской древней воли пронзил нам грудь...» // Родина. 1991. № 8. С. 53.

Миссионерство, по его мнению, было эффективным рычагом культурного, идеологического и политического влияния на завоевателей. Он выдвигает смелое предположение о том, что существовала потенциальная возможность приобретения православием статуса государственной религии в Орде, но этому помешало изменение ориентации ее правящих кругов на мусульманский переднеазиатский мир, а также особенность религиозной политики монголов, покровительствовавшей всем религиям и не отдававшей предпочтения какой-либо одной до принятия ислама⁵¹⁰.

На основании анализа ярлыка Менгу-Тимура Ю.В. Сочнев сделал вывод о том, что в сравнении с прежним положением церковь и духовенство после подчинения Руси монголам и получения от ханов ярлыков, не приобрели никаких дополнительных прав, в том числе и по отношению к местной светской власти. Положение церкви на Руси после нашествия по-прежнему продолжало регулироваться традиционными юридическими нормами – уставами князей Владимира Святославича и Ярослава. В своих внутренних отношениях, считает ученый, церковь была практически независима от монгольских властей. По его мнению, сведения о попытках ханов утверждать поставления высших русских иерархов во второй пол. XIII в. отсутствуют⁵¹¹.

Историк опровергает утвердившуюся в советской историографии точку зрения о том, что церковное руководство пыталось вести самостоятельную политику в отношении Орды, минуя княжескую власть⁵¹². Традиционное в советской историографии мнение о поддержке церковью монгольского владычества (это отмечал Н.С. Борисов и ряд других советских исследователей) является, по мнению Ю.В. Сочнева, умозрительным и не находит подтверждения в источниках. Церковь, как полагает ученый,

⁵¹⁰ Сочнев Ю.В. Русь и Золотая Орда: некоторые аспекты конфессиональных взаимоотношений // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. М., 1993. С. 289.

⁵¹¹ Сочнев Ю.В. Русская церковь и Золотая Орда: автореф. дисс. ... канд. исторических наук: 07.00.02 / Сочнев Юрий Вячеславович. М., 1993. С. 15.

⁵¹² Сочнев Ю.В. Русская церковь и Золотая Орда. С. 16.

пользуясь предоставленными льготами, не стремилась выдвигать свои интересы в ущерб народу и государству⁵¹³.

Ю.В. Сочнев отметил, что на протяжении времени характер взаимоотношений церкви и ханов менялся. Если в XIII в. ярлыки духовенству были только тарханскими, т.е. содержали пожалования, подтверждающие имущественные права церкви, податные, финансовые, охранительные льготы, то с начала XIV в. ярлыки получили характер инвеституры, т.е. утверждения митрополитов и епископов в должности⁵¹⁴.

Роль монголо-татар в централизации государственности на Руси отмечала Л.В. Данилова (1923-2012). В условиях иноземного владычества, как полагала ученый, формирующийся класс феодальных землевладельцев, несмотря на сопротивление перерастанию отношений феодального суверенитета в государственный суверенитет, был кровно заинтересован в сильном в военном отношении центре⁵¹⁵.

Вопросу о степени рецепции ордынских институтов на Руси уделил особое место в своих многочисленных монографиях и статьях В.В. Трепавлов (р. 1960). Он, как и Т.Д. Скрынникова, рассматривает русские северо-восточные земли как вассальные, включенные в империю Чингис-хана на положении «русского улуса». Это выражалось в выплате «ордынского выхода», ханской инвеституре князей, контроле над их политикой и привлечении князей к военным походам⁵¹⁶. Но главная мысль историка сводится к тому, что Северо-Восточная Русь входила в состав Золотой Орды не как отдельный улус, а всего лишь как плательщик выхода, управляемый на основании жалованных ярлыков, без непосредственного контроля ханской администрации. Это важное определение взаимоотношений двух государств поддерживается на сегодняшний день

⁵¹³Сочнев Ю.В. Русская церковь и Золотая Орда. С. 20-21.

⁵¹⁴ Там же. С. 17.

⁵¹⁵Данилова Л.В. Система государственного феодализма в России. М., 1993. С. 65.

⁵¹⁶Трепавлов В.В. Статус «Белого царя»: Москва и татарские ханства в XV-XVI вв. // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. II. М., 1993. С. 169.

большинством историков и находит свои параллели с точкой зрения С.М. Соловьева о незначительности влияния ордынских институтов на Руси.

Отсутствие заимствований монголами политической системы русских княжеств историк объясняет тем, что к моменту завоевания государственная система Монгольской империи сложилась на основе восточных институтов⁵¹⁷. В.В. Трепавлов считает, что к термину княжеская власть в контексте взаимоотношений с Золотой Ордой трудно применить понятие «симбиоз» или «политический союз», предложенный Л.Н. Гумилевым. Отголоски традиции Монгольской империи деления на два крыла В.В. Трепавлов находит в опричнине и у Бориса Годунова⁵¹⁸. Интересными представляются параллели историка касательно Орды и Российской империи, СССР, СНГ и Российской Федерации. Складывание народов, населяющих территории этих государств, он соотносит с империей Джучидов, которая в XIII в. играла роль собирателя различных этносов⁵¹⁹.

Историк обращает внимание на тесную связь ордынских царевичей и московских князей в период формирования единого Московского государства. Причем ранг служилых князей в конце XV – начале XVI в. был чрезвычайно высок.⁵²⁰ Одним из объяснений титула Василия III «Белый царь» В.В. Трепавлов считает обозначение титула как знака преемственности власти от сарайских ханов – правителей Белой Орды Джучиева Улуса, причем белый цвет был традиционной номинацией цветообозначения западной стороны света для кочевых государств, в том числе и Золотой Орды⁵²¹. Впрочем, впоследствии, в своей монографии «Белый царь», данный автор обосновал несостоятельность подобной трактовки титула.

В.В. Трепавлов отмечает имитацию старого степного института соправительства среди русских правителей, где у каждого из двух соправителей-кочевников были своя территория («крыло»), двор (аналог

⁵¹⁷ Трепавлов В.В. Золотая Орда в XIV столетии. М., 2010. С. 9.

⁵¹⁸ А было ли иго? // Родина, 1997, № 3-4. С. 88.

⁵¹⁹ Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М., 1998. С. 11.

⁵²⁰ Трепавлов В.В. Статус «Белого царя»: Москва и татарские ханства в XV-XVI вв. С. 304-305.

⁵²¹ Там же. С. 307.

правительства), особый титул, автономия в решении внутренних и внешних вопросов. С наступлением Петровской эпохи преобладающее значение приобрели западноевропейские образцы государственного управления, лишь на востоке империи у ясачных народов продолжали практиковаться аборигенные формы⁵²². Более подробно об этом сказано у Б.А. Азнабаева и И.И. Булякова⁵²³.

Влияние татаро-монголов, как отмечает исследователь, происходило через включение русских аристократов в ордынскую систему ранжирования знати. Русская знать легко находила соответствие своей титулатуре в золотоордынской системе, что прослеживается, по мнению ученого, на русских переводах ханских ярлыков⁵²⁴.

Элементы восточной парадигмы управления имели место в России, как полагает историк, и в середине XVI-XVII в., что отмечается, например, в системе ясачной эксплуатации народов Поволжья и Сибири⁵²⁵. Внедрение тюркской знати в среду русской аристократии В.В. Трепавлов проследил на основе ряда источников: летописи, дипломатические документы, родословные книги, разряды (перечни разверстки воевод по полкам во время военных компаний), писцовые книги⁵²⁶. По различным родословным книгам, согласно анализу ученого, насчитывается около 120 дворянских родов монголо-татарского происхождения, что составляло до 20% всех дворянских фамилий к XVII в.⁵²⁷

В.В. Трепавлов отмечает, что, несмотря на столь глубокое участие монголо-татар в жизни Русского государства, ордынская аристократия не вошла в среду российского дворянства и боярства столь же органично, как выходцы из Литвы. Этому препятствовало мусульманское вероисповедание и определенный психологический барьер между бывшими ордынскими

⁵²² Трепавлов В.В. Восточные элементы российской государственности (к постановке проблемы) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. 1. М., 1993. С. 51.

⁵²³ См. раздел «Региональная историография о влиянии монголо-татарского ига» данной диссертации.

⁵²⁴ Трепавлов В.В. Восточные элементы российской государственности (к постановке проблемы). С. 46-47.

⁵²⁵ Там же. С. 48.

⁵²⁶ Трепавлов В.В. Тюркская знать в средневековой России // Элита и этнос средневековья. М., 1995. С. 127.

⁵²⁷ Трепавлов В.В. Тюркская знать в средневековой России. 130.

сюзеренами и русскими данниками. Снижение политического значения служилых монголо-татар с XVII в. историк связывает с утратой политической актуальности комбинаций с ордынскими ханствами⁵²⁸.

Перенимание из Орды некоторых явлений и учреждений может свидетельствовать, по мнению В.В. Трепавлова, о привлекательности и целесообразности для русских восточных образцов в то время. Историк повторяет мысль, высказанную Б.Д. Грековым, о том, что импорт идей и институтов был общекультурным явлением, в связи с чем говорить об «золотоордынском наследии» не совсем уместно⁵²⁹. Идейная преемственность Руси от Орды представляется В.В. Трепавлову крайне сомнительной, скорее он выделяет ограниченную преемственность в «технологии власти». Историк опирается в этом тезисе на восточные тексты, где совершенно не упоминается о внутренних делах «Русского улуса»⁵³⁰.

Из анализа русских летописей историк заметил, что ордынский правитель на протяжении XIII-XV в. воспринимался как абсолютно законный государь, стоящий на иерархической лестнице выше всех разномастных великих и удельных князей⁵³¹. Последняя мысль В.В. Трепавлова нашла своих сторонников в лице А.А. Горского, Д.М. Котышева, И.И. Измайлова, А.Ш. Кадырбаева и др.

На протяжении многих лет сложные взаимоотношения Москвы и Орды продолжает изучать А.А. Горский (р. 1959), чему была посвящена одна из монографий автора, вышедшая в 2000 г. Историк прослеживает эволюцию употребления титула «царь» под воздействием ордынского ига. По мнению А.А. Горского, сам термин «царь» обозначал византийского императора, а после падения Византии (1204 г.) значение термина «царь» перешло от императора Византии на монгольского хана. Последний, по мнению ученого, рассматривался как законный сюзерен русских земель и его титул «царь»

⁵²⁸ Трепавлов В.В. Тюркская знать в средневековой России. С. 133.

⁵²⁹ Трепавлов В.В. Золотая Орда в XIV столетии. С. 7.

⁵³⁰ Там же. С. 13.

⁵³¹ Там же. С. 14.

был выше титула «великих князей»⁵³². Легитимация власти ордынских ханов, по мнению ученого, подтверждается тем, что большинство восстаний в Северо-Восточной Руси имели своей причиной не сопротивление завоевателям, а борьбу за власть как между русскими княжескими группировками, так и внутри Орды⁵³³. Большую роль в освобождении от ордынской зависимости А.А. Горский видит в преодолении русским народом представления о легитимности ордынской власти на Руси⁵³⁴.

В то же время, как заметил А.А. Горский, перестает употребляться термин «царь» по отношению к русским князьям, имевший место до нашествия монголо-татар. С середины XIII по перв. пол. XIV в. русские князья поименованы «царями» всего три раза. Положение начало меняться после победы Дмитрия Ивановича над Мамаем, когда Дмитрий был впервые назван «царем» в «Слове о житие и преставлении». После ликвидации монголо-татарского владычества при Иване III царский титул все чаще стал применяться к русским князьям, пока, наконец, в 1547 г. не произошло официальное венчание Ивана IV на царство⁵³⁵.

А.А. Горский, как и В.В. Трепавлов, считает, что не существует однозначного ответа на вопрос: положительное или отрицательное было влияние ордынского ига? Он разделяет терминологию: если говорить о военном походе Батые, то его итоги историк оценивает как отрицательные для всех сфер жизни на Руси. Если же говорить об опосредованном влиянии завоевания на историю российской государственности, то здесь, по мнению ученого, нужно говорить не о положительном или отрицательном влиянии, а о том, насколько оно было значительно. Как считает А.А. Горский, монгольское завоевание привело к коренному изменению типа государственного развития. Суть нового государственного устройства по А.А. Горскому заключалась в том, что мелкие удельные княжества были

⁵³² Горский А.А. Москва и Орда. М. 2001. С. 57.

⁵³³ Горский А.А. Средневековая Русь. О чем говорят источники. М., 2016. С. 127-128.

⁵³⁴ Там же. С. 169.

⁵³⁵ Горский А.А. О титуле царь в Средневековой Руси (до середины XVI в.) // Одиссей. Человек в истории. М., 1996. С. 205-209.

закреплены за определенными династиями и была пресечена возможность легко передвигаться от младшего стола к старшему, так как все были подчинены старейшинству великого князя владимирского⁵³⁶.

В домонгольской Руси каждая земля была закреплена за определенной ветвью рода Рюриковичей и было не принято нарушать эти границы. По мысли А.А. Горского, с приходом монголо-татар появилась практика присоединения чужих территорий, так называемых «примыслов». Историк считает ошибочным приписывать татаро-монголам заслугу в объединении русских земель, так как осознанное стремление русских земель к централизации началось только с конца XIV столетия⁵³⁷. В данном случае А.А. Горский продолжает концепцию Насонова-Грекова, которые видели лишь отрицательную роль монголо-татар в централизации Северо-Восточной Руси. В одной из своих последних работ ученый затронул вопрос терминологии. Наименование русской знати в XV-XVII вв. «холопами» царя историк относит к заимствованию из ордынской практики, которая не имела ничего общего с рабством. Термин «холоп» произошел, по мысли историка, от монгольского «богол», а затем тюркского «кул», которые использовались для обозначения знати, находившейся в зависимости от хана⁵³⁸.

Анализ ордынского влияния на основании археологических источников попытался провести В.П. Даркевич (1934-2016), который отмечал определенное влияние ига на характер русского народа, его коллективную психологию и менталитет. Отчасти с этим он связывает усиление самодержавных начал. В домонгольское время историк определял русское общество, покоившееся на общинных принципах, как состоявшее в основной массе из незакрепощенных крестьян-смердов. После нашествия, когда «величество наше смирился», археолог видит зарождение таких качеств народа, как долготерпение, политическая пассивность, фатализм, суровая

⁵³⁶ А было ли иго? // Родина, 1997, № 3-4. С. 87-88.

⁵³⁷ Горский А.А. Средневековая Русь. О чем говорят источники. С. 180.

⁵³⁸ Там же. С. 192.

духовная дисциплина, сосредоточенность и аскеза⁵³⁹. Свои выводы он строит на основании анализа предметов материальной культуры, найденных на территории Старой Рязани и других городов.

Философ и историк-востоковед Э.С. Кульпин (1939-2015) был основателем школы социоестественной истории, которая с новых позиций рассматривала проблемы, связанные с татаро-монгольским игом⁵⁴⁰. После падения Золотой Орды, полагал историк, новым системообразующим этносом стал русский, но Русь не приняла от Орды ни казны, ни налаженной системы управления государством. Ямская служба и перепись, по мнению ученого, вошли в жизнь России много позднее образования единого государства, система податей на Руси была иной, чем в Орде⁵⁴¹.

Северо-Восточная Русь к моменту падения Золотой Орды находилась на пороге социально-экологического кризиса природы и социума, как считает Э.С. Кульпин. Ее культурные, экономические, информационные и природные потенциалы к моменту создания империи были намного слабее, чем у Золотой Орды до «великой замятни» (междоусобной смуты 1360–70-х гг.). Он также отмечал аграрную перенаселенность (дефицит земли, лесов, зверя, меда, рыбы)⁵⁴². Причины ее Э.С. Кульпин видел в татаро-монгольском иге, которое влияло на отток населения в леса северо-востока, что приводило к их сожжению и распахиванию, образованию озер и болот с гнилой водой⁵⁴³.

Необходимо отметить, что Э.С. Кульпин трезво относился к своим смелым и новаторским выводам о влиянии ига на эколого-социальные последствия для Руси. Он осознавал высокую степень гипотетичности этих умозаключений, подтверждение правильности которых зависело от

⁵³⁹ А было ли иго? // Родина, 1997, № 3-4. С. 90.

⁵⁴⁰ Социоестественная история (СЕИ) – научная дисциплина на стыке гуманитарных и естественных наук. Она исследует взаимодействие природы и общества. Ключевым словом здесь является «взаимодействие», т.е. процесс, в котором имеет место прямая и обратная связь. Прямая и обратная связь во взаимодействии человека и природы проявляется прежде всего в хозяйственной деятельности человека, в технике и технологии.

⁵⁴¹ Кульпин Э.С. Цивилизационный феномен Золотой Орды (Колонизация южнорусских степей в XIII-XV веках) // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 86-87.

⁵⁴² Кульпин Э.С. Русь между Западом и Востоком. М., 2001. С. 206.

⁵⁴³ Кульпин Э.С. Золотая Орда. М., 1998. С. 133.

дальнейшей разработки вопросов в рамках изучения социоестественной истории. Важно отметить, что такой подход к исследуемой нами проблеме был применен впервые и заслуживает особого внимания в научной среде.

Проблему влияния ордынского ига на разделение древнерусского народа на три ветви, о котором в советской историографии упоминали Л.В. Черепнин, Р.И. Аванесов, А.И. Козаченко, в российской историографии затронул И.О. Князький (р. 1951)⁵⁴⁴. Рост значения новых городов (Городец, Тверь, Москва) и обезлюдивание старых (Киева, Чернигова, Рязани, Владимира) И.О. Князький связывает с целенаправленной политикой ханов Золотой Орды в направлении уничтожения в поработанном народе его исторической памяти о временах независимой Руси. Ордынцам, отмечает историк, было важно разорвать связь времен, для чего принижалось значение великого княжения, в то время как великий князь, бывший выходцем из городецкого, тверского или московского княжества, не мог почитаться русскими людьми за «князя всея Руси» и возглавить общерусскую борьбу против Орды⁵⁴⁵.

Ю.В. Селезнев (р. 1975) исследовал так же, как и А.А. Горский, вопрос о влиянии монгольского завоевания на титулатуру русских князей, а также обратил внимание на взаимное соответствие политической иерархии Руси и Орды. Историк отметил разрушение института старейшинства после монголо-татарского завоевания, так как князья начали восходить на престол исходя из воли хана. Это, по мнению ученого, говорит о том, что монгольское завоевание повлияло на увеличение великокняжеских титулов на Руси⁵⁴⁶.

Ю.В. Селезнев в ранних работах более склонялся к полному включению княжеств Северо-Восточной Руси в золотоордынскую политическую

⁵⁴⁴ Князький И.О. Русь и кочевники. Этапы взаимоотношений // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. Средние века – раннее новое время. Сборник тезисов 17 конференции памяти В.Д. Королюка. М., 1998. С. 65-67.

⁵⁴⁵ Князький И.О. Русь и степь. М., 1996. С. 85-86.

⁵⁴⁶ Селезнев Ю.В. Титулатура Русских князей в XIII-XIV вв. и социально-политическая иерархия Золотой Орды // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. Средние века – раннее новое время. Сборник тезисов 17 конференции памяти В.Д. Королюка. М., 1998. С. 124-126.

систему. Историк утверждал, что русские князья копировали политическую иерархию Монгольской империи⁵⁴⁷. Но в последних монографиях автор, исходя из анализа времени пребывания русских князей в Орде, несколько изменил свои взгляды, отмечая тот факт, что ордынское влияние на внутривнутриполитические процессы не было определяющим⁵⁴⁸.

Историк солидарен с устоявшимся взглядом А.А. Горского и В.В. Трепавлова на Русь как не включенную в ордынскую государственную систему, однако он полагает, что русские земли не пользовались особым положением среди стран, завоеванных монголами, на них распространялась та же система управления, как и на другие ордынские земли. Одно из подтверждений своему тезису Ю.В. Селезнев находит в поэме «Задонщина», где Русь названа «Залесской Ордой»⁵⁴⁹. Историк ссылается на точку зрения А.А. Горского, полагающего, что великие и удельные князья, управляли своей землей только по воле хана, причем на протяжении втор. пол. XIII – XIV вв. такое положение не оспаривалось ни самими князьями, ни в памятниках литературы или общественной мысли⁵⁵⁰.

На основании подсчета всех поездок московских князей в Орду и крайне коротком времени пребывания их в ханской ставке ученый делает вывод о том, что основы политической культуры князья усваивали у себя на Родине, а согласование княжеской политики с ханом не меняло основ российской государственности, заложенных в домонгольский период⁵⁵¹. Ордынские цари, отмечал Ю.В. Селезнев, заняли четко определенное место в политической и ментальной картине мира русского книжника, о чем свидетельствует тот факт, что до первой четв. XV в. наблюдалась регулярная запись о кончине ордынских правителей, которые воспринимались как

⁵⁴⁷ Селезнев Ю.В. Титулатура Русских князей в XIII-XIV вв. и социально-политическая иерархия Золотой Орды С. 127.

⁵⁴⁸ Селезнев Ю.В. Русские князья в составе правящей элиты Джучиева Улуса в XIII-XV в. Воронеж, 2013.

⁵⁴⁹ Селезнев Ю.В. Русь – Залесская Орда? Откуда растут татарские корни русской государственности // Родина. № 9, 2012. С. 125.

⁵⁵⁰ Горский А.А. «Всего еси исполнена земля русская...»: Личности и ментальности русского Средневековья. М., 2001. С. 137.

⁵⁵¹ Селезнев Ю.В. Русь – Залесская Орда? Откуда растут татарские корни русской государственности. С. 125-126.

верховные русские сюзерены, смерть которых влияла существенно на политическую жизнь в русских княжествах⁵⁵².

Заслуживают внимания количественные подсчеты Ю.В. Селезнева различного исторического материала из летописей. На основании расчета количества русской аристократии в общей численности элиты Орды за XIII – перв. пол. XV вв., а также сравнения количества заключенных русскими князьями браков со знатными ордынками, ученый пришел к выводу о том, что образование Джучиева Улуса привело к изменению социальной структуры русских княжеств, но преувеличивать этот фактор не стоит⁵⁵³. Ученый отмечал, что влияние русской знати на политику Ордынского государства было не столь значительным, так как князья, являясь участниками курултая, не имели права голоса при решении важнейших политических вопросов в Орде. На участие князей в Курултае указывают летописные свидетельства: в 1313 г. – Михаил Ярославич Тверской и митрополит Петр при избрании Узбека, в 1352 г. – Симеон Гордый при избрании Джанибека⁵⁵⁴.

А.С. Щавелев обращает внимание на возрождение при татаро-монгольском владычестве института политического общения князей-рюриковичей на высшем уровне, который получил на Руси название съезда («снема»). Первоначально княжеские снемы, по мнению А.С. Щавелева, проводились задолго до монголов и возникли под влиянием древней тюрко-иранской традиции. По мнению историка, снем обладал всеми чертами власти династии Чингизидов: монополия одного клана на организацию, проведение и принятие решений на снеме с их последующим контролем. Эта практика контрастировала с коллективистскими формами властвования в Центральной и Западной Европе, где в аналогичных собраниях участвовали

⁵⁵² Селезнев Ю.В. Русские князья в составе правящей элиты Джучиева Улуса в XIII-XV вв. Воронеж, 2013. С. 309.

⁵⁵³ Там же. С. 311.

⁵⁵⁴ Там же. С. 312, 167.

феодалы, не связанные узами прямого родства с монархом в отличие от Рюриковичей или Чингизидов⁵⁵⁵.

Д.М. Котышев (р. 1973) подчеркивает, что созданная монголами система фиска не имела аналогов в домонгольском прошлом Руси. «Русская правда» не знает системы поголовного взимания налогов, объезд княжеским чиновником-вирником подвластных земель не носил строго регулярного характера. Данная фискальная система, по мнению ученого, сближалась с восточной практикой налогообложения, в частности, с китайской. О том, что формирование баскаческой организации означало привнесение на Русь элементов административно-финансового управления, присущего восточным деспотиям, упоминал в свое время Ю.А. Лимонов⁵⁵⁶. Д.М. Котышев повторяет точку зрения большинства исследователей о том, что ордынская политика заложила предпосылки авторитаризма времен Ивана IV, когда на место договорных отношений пришел принцип господства и подчинения⁵⁵⁷.

Д.М. Котышев принимает мысль В.Б. Кобринина об эволюции междукняжеских отношений от вассалитета к министриалитету в условиях ига. Однако, ученый делает важное замечание о том, что монголо-татары не собирались коренным образом переустраивать политическую систему на Руси. Историк, в отличие от А.А. Горского, В.В. Трепавлова, Ю.В. Селезнева, полагает, что ханы признавали существующий на Руси принцип «старейшинства» во время назначения на великое княжение, но ханская инвеститура придавала этому процессу новый тип сюзеренно-вассальных отношений⁵⁵⁸. Для выяснения новаций, которые возникли в этой области на рубеже XIII-XIV в., историк прибегает к сравнению нормы

⁵⁵⁵ Щавелев А.С. Съезды русских князей и восточно-кочевая политическая традиция // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. Средние века – раннее новое время. Сборник тезисов 17 конференции памяти В.Д. Королюка. М., 1998. С. 155-157.

⁵⁵⁶ Котышев Д.М. К вопросу о баскаческой организации на Руси второй половины XIII-нач. XIV вв. // Россия и Восток: Проблемы взаимодействия. Ч. 1. Челябинск, 1995. С. 37-39.

⁵⁵⁷ Котышев Д.М. Ордынское иго как фактор политического развития Русского государства в XIV-XVI вв. // Проблемы социально-политической и этнической истории России XIV-XX вв. Челябинск, 1995. С. 12.

⁵⁵⁸ Котышев Д.М. Институт великого княжения и эволюция междукняжеских отношений (XII-XIV вв.) // Вестник Челябинского ун-та. Серия I. История. Челябинск, 1994. № 1. С. 67-68.

договорных княжеских грамот с теми нормами, которые существовали в домонгольское время⁵⁵⁹.

Как заметил Д.Ю. Арапов (1943-2015), споры о вопросе ордынского влияния в истории России часто были подвержены влиянию политической конъюнктуры (отношение И.В. Сталина к Чингис-хану, маоистское видение событий XIII в.) или излишнему эмоциональному окрасу (мнение англ. историка Дж. Феннела об Александре Невском). Применяя сравнительно-исторический метод, Д.Ю. Арапов пришел к выводу о том, что не стоит допускать предположений о влиянии Руси на ордынское государство. В нашей диссертации мы уже касались некоторых аспектов возможного русского влияния на ордынцев, о чем упоминается в исследованиях В.И. Кельсиева, И.Н. Березина, В.Д. Назарова, В.Л. Егорова, М.А. Усманова и др. Единственно возможным инструментом влияния Руси на Орду могла быть, по мнению А.Ю. Арапова, православная церковь. Но она не могла наладить с Ордой должный диалог, так как Узбек в 1312 г. утвердил ислам государственной религией⁵⁶⁰.

Д.Н. Александров (р. 1971) считает, что система ордынского владычества полностью уничтожила принцип родового старейшинства, о чем говорили также А.А. Горский, В.Б. Кобрин, А.Л. Юрганов, Д.М. Котышев и др. Это в свою очередь привело к усилению феодальной раздробленности на Руси во втор. полов. XIII в., когда власть стала переходить уже по прямой линии⁵⁶¹. Историк также отметил фактическое отсутствие в условиях монголо-татарского ига института соправительства во Владимирской Руси, за исключением ростовской княжеской линии, которая существовала до 1474 г.⁵⁶²

⁵⁵⁹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.; Л. 1950. С. 7.

⁵⁶⁰ Арапов Д.Ю. Русь и Восток в XIII в.: к вопросу о возможностях русского влияния в монгольской истории // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании. М., 1996. С. 83-84.

⁵⁶¹ Александров Д.Н. Очерки по истории княжеской власти и соправительства на Руси в IX-XV вв. М., 1995. С. 67.

⁵⁶² Александров Д.Н. Ук. соч. С. 68, 70.

В последнее время большое количество работ по монголо-татарской проблематике было написано Ю.В. Кривошеевым (р. 1955), который является учеником школы И.Я. Фроянова. На основании ряда доводов Ю.В. Кривошеев пытается обосновать тезис о том, что на Руси так и не сложилось системы властвования ордынцев, а их влияние на Русь он считает минимальным. Ю.В. Кривошеев солидарен с В.В. Трепавловым, А.А. Горским, Т.Д. Скрынниковой в том, что эксплуатация не затрагивала экономических и социальных структур земледельцев и не объединяла их с номадами в одну структуру. В итоге кочевники, являясь гегемонами в политическом плане, были более отсталыми в остальном по сравнению с земледельцами⁵⁶³. Н.Н. Крадин (р. 1962) определял такие взаимоотношения Руси и Орды как «дистанционную эксплуатацию» - особый тип экзоплуатации, отличный от данничества, при котором земледельческая цивилизация не входит в состав кочевой империи.

Ю.В. Кривошеев отмечал усиление института княжеской власти монголо-татарами, что отражалось в присутствии ханских послов на церемониях столонаследия⁵⁶⁴. Начало института тысяцких он возводит к Киевской Руси, а не к Орде⁵⁶⁵. Историк полагал также, что вторжение монголов не прервало развитие военного дела на Руси, о чем упоминал А.Н. Кирпичников⁵⁶⁶. Как наследник теории И.Я. Фроянова о «городах-государствах» Ю.В. Кривошеев настаивал на существовании вечевого института при татаро-монголах, который ограничивал церковь и князя. В качестве доказательства он приводит пример, когда мнение народа стало решающим при оправдании митрополита Петра на Переяславском соборе⁵⁶⁷. Таким образом, историк делает вывод о том, что монголо-татарское нашествие не отбросило и не остановило политическое, экономическое и

⁵⁶³ Крадин Н.Н. Кочевые общества. Владивосток, 1992. С. 171-172.

⁵⁶⁴ Кривошеев Ю.В. Русь и монголы. СПб, 1999. С. 266.

⁵⁶⁵ Там же. С. 331-332.

⁵⁶⁶ Кривошеев Ю.В. Русь и монголы. С. 347-348.

⁵⁶⁷ Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А. Русская церковь и ордынские власти (вторая половина XIII-первая четверть XIV в. // Тюркологический сборник. М., 2001. С. 180.

культурное развитие русских земель. Оно было лишь одним из факторов, повлиявших на постепенное изменение этой системы, переход к единому государству и формированию сословий⁵⁶⁸.

В 2000 г. вышла статья В.А. Кучкина (р. 1933), рассматривающая влияние монголо-татарского владычества на развитие русской культуры. Историк отмечает, прежде всего, изменение географического пространства существования русской культуры. Нашествие, по мнению ученого, вызвало сужение территории, в рамках которой могла развиваться русская средневековая культура, вследствие того, что древнерусское население уходило на запад, север и северо-восток. Основная масса древнерусских поселений, отметил В.А. Кучкин, не спускалась к югу далее нижних течений правых притоков Оки⁵⁶⁹.

Историк отмечает также, что кризисные явления привели не только к сужению пространства, но и к структурным изменениям в нем, что выразилось в упадке старых и росте новых политических центров. Об этом упоминали в своих исследованиях практически все историки. Уход населения средневековых русских княжеств из зон лесостепи в степи и лесную зону, по мнению В.А. Кучкина, неминуемо приводил к смене навыков трудовой культуры, что проявилось в появлении значительного количества новопахотных земель⁵⁷⁰. В.А. Кучкин отмечает, что иноземное иго привело к созданию новых социальных институтов и к существенному изменению старых: баскаков заменили числяки, ордынцы и делюи, о которых одним из первых упоминал В.И. Сергеевич⁵⁷¹.

В.А. Кучкин заметил также изменения в духовной культуре: исчезли захоронения в курганах и сопках после нашествия. Им на смену приходят грунтовые могильники, где усопших хоронят по христианскому обряду⁵⁷².

⁵⁶⁸ Кривошеев Ю.В. Русь и монголы. С. 352-353.

⁵⁶⁹ Кучкин В.А. Монголо-татарское иго и судьбы культуры средневековой Руси // Россия и мировая цивилизация. К 70-летию члена-корреспондента РАН А.Н. Сахарова. М., 2000. С. 97.

⁵⁷⁰ Кучкин В.А. Монголо-татарское иго и судьбы культуры средневековой Руси. С. 98.

⁵⁷¹ Там же. С. 99.

⁵⁷² Там же. С. 100.

Говорил ученый и об оживлении духовного мирозерцания, однако, исследователь религиозной жизни русского средневековья Г.П. Федотов (1886-1951) отмечал, что в первое столетие монголо-татарского владычества на Руси не возникало новых монастырей и не появлялись чтимые иконы: «Это может удивлять тех, кто считает бесспорным, что политические и социальные катастрофы с необходимостью влекут за собой пробуждение религиозного чувства»⁵⁷³.

В.А. Кучкин говорит о пресечении летописания после нашествия в Киеве, Чернигове, Переяславле Южном и Переяславле Залесском. Напомним, что в советское время этой теме подробно касался И.У. Будовниц. Отличием новой летописной традиции, по мнению историка, стало исчезновение широкого политического горизонта домонгольской поры, отсутствие материала о событиях в других русских княжествах, сухость и лаконичность статей, смещение идеалов общества от монашеского отречения в сторону воинского подвига и гибели за веру⁵⁷⁴. Он сравнивает слова проповеди владимирского епископа Серапиона, очевидца Батыева нашествия, с тем, что осуждалось в XI в. и приходит к выводу о том, что русское общество во второй половине XIII в. деградировало, в нем распространилось насилие и низменные пороки⁵⁷⁵.

Изучения политической структуры Древнерусского государства в условиях взаимоотношений с Золотой Ордой касался в своих работах К.А. Соловьев (р. 1978). Суть этих преобразований он пытался вывести на основании двух принципиальных вопросов применительно к событиям середины XIII-XIV вв. Первый – в какой мере можно считать власть Орды легитимной, то есть признанной населением русских земель? Второй – что нового внесло ордынское иго во властные отношения, действовавшие на Руси ко времени вторжения войск Батыева?⁵⁷⁶

⁵⁷³ Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М., 1990. С. 141.

⁵⁷⁴ Кучкин В.А. Монголо-татарское иго и судьбы культуры средневековой Руси. С. 101-102.

⁵⁷⁵ Там же. С. 102-103.

⁵⁷⁶ Соловьев К.А. Ук. соч. С. 113.

Вопрос легитимации ордынской власти в отечественной историографии, как отметил К.А. Соловьев, ставился редко, а если это случалось (М.Ф. Владимирский-Буданов, А.Л. Хорошкевич), то ответ на него был отрицательным⁵⁷⁷. Подобный подход является непопулярным у современных исследователей, так как последние считают ордынскую власть полностью легитимной в глазах древнерусского населения – А.А. Горский, В.В. Трепавлов, Ю.А. Кривошеев, Ю.В. Селезнев и др. Главными доводами в поддержку собственной точки зрения К.А. Соловьев выдвигает тезисы, очень схожие с теми, что обозначил С.М. Соловьев веком ранее. Суть их сводится к тому, что номинальная власть Орды практически не сказалась на эволюции властных отношений на Руси, следовательно легитимность самой Орды была близка к нулю, а легитимность князей определялась внутренними причинами и теми тенденциями, которые сложились в доордынский период⁵⁷⁸.

Е.В. Павлова обратила внимание на то, что правовые нормы частного землевладения в Северо-Восточной Руси (судя по сохранившимся письменным источникам) сформировались в течение второй половины XIV-перв. пол. XV в., т.е. в период зависимости в той или иной степени от монголо-татар. Возникает вопрос: подверглись ли русские правовые нормы джучидскому влиянию? Сравнительный анализ сохранившихся и введенных в настоящее время в научный оборот источников (в основном частновладельческих документов и документов, составленных от имени глав государств, русских князей и джучидских ханов) позволяет автору статьи ответить на этот вопрос отрицательно. Главный аргумент ученого – отсутствие на данный момент источников, позволяющих признать существование норм джучидского частного землевладения ранее середины XVI в.⁵⁷⁹ Резюмируя свои изыскания, Е.В. Павлова пришла к выводу о том, что на Руси правовые нормы частного землевладения развивались в

⁵⁷⁷ Соловьев К.А. Ук. соч. С. 152.

⁵⁷⁸ Там же. С. 152.

⁵⁷⁹ Павлова Е.В. Частное землевладение в удельных русских княжествах Северо-Восточной Руси в течение позднего монголо-татарского периода и вопрос о влиянии монголо-татарского права // *Mongolica-V*. СПб., 2001. С. 31.

результате упадка родового обычного права и в соответствии с основными принципами имущественного права, зафиксированного в домонгольский период⁵⁸⁰.

Исследование заимствований в области культуры произвел С.Ф. Фаизов, продолжая тематику, поднятую в советское время в трудах Ф.В. Баллода, Б.А. Рыбакова, Н.С. Борисова и др. Принципиальное отличие исследований современных историков по культуре от советских заключается в том, что впервые были сделаны попытки соотнести предметы материальной культуры в двух государствах на основании их критического анализа. Прежде такого рода исследований практически не проводилось, а главный акцент делался на анализе разрушительных последствий ига.

С.Ф. Фаизов обратил внимание на то, что двуглавый орел был не единственным атрибутом российской государственности. В XVII столетии, по мнению ученого, эту функцию выполняла тугра – графический символ высшей власти в ряде мусульманских государств, который по предназначению аналогичен печатям великих князей и царей, но написан или начертан рукой художника на каждой грамоте и имеет каллиграфическую природу⁵⁸¹. Появление тугры⁵⁸² он связывал с переносом в российскую государственную атрибутику политических символов Сарая⁵⁸³. На наш взгляд, очевидна ошибочность подобных рассуждений, так как русская тугра появилась через сто лет после крушения Золотой Орды и была заимствована у османов. В Золотой Орде тугра не применялась. Об этом упоминал

⁵⁸⁰ Павлова Е.В. Частное землевладение в удельных русских княжествах Северо-Восточной Руси в течение позднего монголо-татарского периода и вопрос о влиянии монголо-татарского права. С. 31-32.

⁵⁸¹ Фаизов С. Тугра и вселенная. М.; Бахчисарай: Древлехранилище, 2002. С. 27.

⁵⁸² Самая ранняя сохранившаяся русская тугра относится к 1620 г. – времени царствования Михаила Федоровича. Двуглавый орел и тугра обычно составляли единую композицию посольской грамоты. Орел располагался на ее внешней части, тугра во внутренней, символизируя близость российской державы Востоку.

⁵⁸³ Орешников А.В. Древнейшее русское изображение двуглавого орла // Труды московского нумизматического общества. М., 1899. Т. 2. Вып. 1. С. 13-14; Фасмер Р. О двух золотоордынских монетах // Записки коллегии востоковедов при азиатском музее АН СССР. Л., 1927. Т. II. С. 111-112.

М.А. Усманов, отмечая, что тугра была освоена в Крыму лишь во второй половине XVI в.⁵⁸⁴

Тему экономического воздействия Орды, и в частности изменений в сфере торговли затронул Д.Г. Хрусталеv (р. 1973). Во взглядах историка прослеживается синтез исследований в этой области Н.А. Рожкова и М.Н. Покровского, которые, как и он, отмечали не только переориентацию торговых связей, но и их сокращение. Д.Г. Хрусталеv обратил также внимание на ухудшение торговых отношений с Западной Европой, что в советской историографии было отмечено В.В. Бартольдoм. Малочисленность новых оригинальных идей касательно торговли в условиях ордынского владычества объясняется, на наш взгляд, изученностью данной темы в марксистской историографии, а кроме того отсутствием новых источников, что не позволяет делать какие-либо серьезные выводы.

Д.Г. Хрусталеv также обратил внимание на то, что произошло замыкание внутреннего рынка северо-востока, а распространение получили упрощенные товары первой необходимости, причем ввоз зарубежных аналогов совершенно прекратился (например, навсегда исчезли средиземноморские амфоры)⁵⁸⁵. Трансформация структуры повседневности, по мнению историка, проявилась значительно позже нашествия⁵⁸⁶. Здесь он близок к концепции «отложенного действия», о которой упоминал американский ученый Д. Островски.

В одной из своих последних работ В.В. Каргалов (1932-2009) отмечал, что монголо-татарское иго привело к уничтожению производительных сил, причем последствия нашествия во всех областях историк видел исключительно отрицательными, регрессивными⁵⁸⁷. В теоретических построениях автора заметно влияние марксистского подхода к освещению «татарского вопроса», что не удивительно, так как научные взгляды ученого

⁵⁸⁴ Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV-XVI вв. Казань, 1979. С. 135.

⁵⁸⁵ Хрусталеv Д.Г. Русь и монгольское нашествие (20-50 гг. XIII в.). СПб., 2013. С. 298-299.

⁵⁸⁶ Там же. С. 300.

⁵⁸⁷ Каргалов В.В. Русь и кочевники. С. 233.

были сформированы в советское время. Он негативно воспринимает точку зрения евразийского направления и Л.Н. Гумилева о положительной роли монгольского владычества⁵⁸⁸.

Историк изучил данные археологических раскопок Рязани, Суздаля, Чернигова, Переяславля-Залесского, Мурома и пришел к выводу, что слои домонгольские XII-XIII вв. выглядят гораздо богаче слоев XIV-XV вв., которые, как правило, кроме керамики ничего не содержали⁵⁸⁹. Вопрос о последствиях нашествия для русского города был достаточно успешно раскрыт в советской науке. А вот анализа последствий ига для земледелия и крестьянства ученые касались в самых общих чертах⁵⁹⁰. Точку зрения В.В. Каргалова подтверждают исследования археолога В.В. Седова (1924-2004), согласно которым в XIV-XV вв. в Смоленской земле наблюдалась тенденция исчезновения крупных селищ⁵⁹¹.

Тенденцию к обмельчанию села после нашествия заметил также археолог Н.А. Макаров (р. 1955), который указывал на то, что малодворная деревня становится основным типом сельского поселения. Изменение содержания надписей XIV в. на бересте в Новгороде свидетельствуют, по мнению В.Л. Янина (р. 1929), об увеличении доли аграрной составляющей в древнерусской экономике. По расчетам археологов, в сельских поселениях Северо-Восточной Руси наблюдалось оскудение или полное исчезновение предметов материальной культуры, которые раньше являлись показателями социального статуса: изделия из цветного металла, украшения костюма, привозные ювелирные изделия и т.д.⁵⁹² В.Ю. Коваль (р. 1961) в ходе составления свода находок византийской амфорной тары в Древней Руси доказал прекращении ее ввоза в Северо-Восточную Русь после 1240 г.⁵⁹³

⁵⁸⁸ Каргалов В.В. Русь и кочевники. С. 451.

⁵⁸⁹ Там же. С. 235.

⁵⁹⁰ Там же. С. 233.

⁵⁹¹ Седов В.В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VII-XV вв.) // МИА, № 92, 1960. С. 24-25.

⁵⁹² Макаров Н.А. Русь в XIII веке: характер культурных изменений // Русь в XIII веке: древности темного времени. М., 2003. С. 7-8.

⁵⁹³ Макаров Н.А. Ук. соч. С. 9.

Е.А. Рыбина (р. 1942) указывала на сужение зоны деловых контактов и поездок на основании анализа грамот до- и послемонгольского периода. Если в первом случае мы находим топонимы Киева, Смоленска, Ростова, Москвы, Пскова и других городов в деловых источниках, то со второй половины XIII в. эти же топонимы встречаются, как правило, лишь в деловых документах Новгородской земли⁵⁹⁴.

На основании археологических изысканий представленных выше ученых В.В. Каргалов пришел к выводу о том, что утечка русского серебра в Орду в виде дани привела к «серебряному голоду» на Руси, вследствие чего вес серебряной гривны уменьшился вдвое с 195 до 97,5 г., ухудшились товарно-денежные отношения⁵⁹⁵. В.В. Каргалов, в отличие от А.Н. Насонова, Г.В. Вернадского, Э.С. Кульпина, не считает, что нашествие повлекло массовую миграцию населения из Владимиро-Суздальской земли. Археологические исследования, по мнению ученого, показывают, что костяк населения сохранился на прежних разоренных местах, а миграции более были связаны с постоянными угрозами набегов кочевников с юга в дальнейшем⁵⁹⁶.

Влиянию ордынского владычества на юридические институты на современном этапе уделяет значительное место Р.Ю. Почекаев (р. 1977), который исследовал право Золотой Орды, в том числе и по отношению к Северо-Восточной Руси. Он обратил внимание на усиление церковной власти под действием правовой силы ордынских ярлыков, выдаваемых русским митрополитам⁵⁹⁷. Важно заметить, какие именно церковные социальные слои освобождались от «выхода». Ответ на этот вопрос попытался дать И.В. Белозеров, который пришел к выводу о том, что от уплаты податей были

⁵⁹⁴ Рыбина Е.А. О содержании берестяных грамот с географическими названиями // Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984-1989 гг.). М., 1993. С. 12-15.

⁵⁹⁵ Каргалов В.В. Русь и кочевники. С. 248.

⁵⁹⁶ Там же. С. 251.

⁵⁹⁷ Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды. Казань, 2009. С. 184.

освобождены именно служители церкви (духовенство и причт), но не церковные работники (крестьяне монастырских сел и ремесленники)⁵⁹⁸.

Р.Ю. Почекаев полагает, что власть наместников не смогла укорениться на Руси, благодаря чему русские князья нашли компромисс с Ордой и сохранили главенство древнерусского права, на фоне которого ханские ярлыки играли вспомогательную роль. Некоторые исследователи указывают на главенство Ордынского права ввиду того, что Великая Яса Чингис-хана действовала на Руси непосредственно, а Русь административно делилась на тумыны⁵⁹⁹. Ученый подчеркивает, что право Золотой Орды распространялось исключительно на отношение русских князей с Ордынскими сюзеренами. По мнению историка, финансовые вопросы на Руси решались с помощью норм русского права, ордынского влияния на сферы общественной жизни как правило не наблюдалось⁶⁰⁰.

Русско-ордынские отношения, как считает Р.Ю. Почекаев, можно сравнить с отношениями Древнего Рима и италийских общин республиканского периода в VI-II вв. до н.э. Признавая верховенство Рима, следуя в фарватере его внешней политики, оказывая военную помощь общины, в то же время, обладали самостоятельностью во внутренних делах, располагая собственными правовыми нормами и системой управления⁶⁰¹. В княжеских правовых актах Р.Ю. Почекаев находит закрепление тех норм, которые указывались в ханских ярлыках⁶⁰².

Р.Ю. Почекаев отмечал, что нормы действовавших непосредственно на Руси ярлыков использовались для принятия производных опосредованных актов. Он допускает основания предполагать, что ханы также выдавали ярлыки русским купцам, так как активная торговая деятельность их с Ордой

⁵⁹⁸ Белозеров И.В. Налоговый иммунитет русского духовенства во время ордынского ига: известия летописей о переписи населения Северо-Восточной Руси в 1257 г. // Уваровские чтения – V. Материалы научной конференции, посвященной 1140-летию г. Муром. Муром, 2002. С. 71-72.

⁵⁹⁹ Почекаев Р.Ю. Ук. соч. С. 187; С. 224-225; Жаров С.Н. Русское и монгольское законодательство: проблемы двоезакония на Руси // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Тезисы докладов. Ч. 1. Челябинск, 1995. С. 43-44.

⁶⁰⁰ Павлова Е.В. Ук. соч. С. 32

⁶⁰¹ Покровский И.А. История римского права. Минск, 2002. С. 68-70.

⁶⁰² Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000. С. 192.

отмечена не только русскими летописями, но и восточными хронистами и западными путешественниками XIII-XV вв. Так сохранилась «опасная грамота» великого князя Ярослава Ярославича, изданная между 1266 и 1272 гг.: «Менгу Темерове слово къ Ярославу князю: даи путь немецкому гостю на свою волость. От князя Ярослава ко рижанам, и к болшим и к молодым, и кто гостить и ко всем: путь ваш чист есть по моеи волости»⁶⁰³.

Однако анализ источников ордынского права позволяет автору допускать, что их влияние на русское право носит скорее формальный, чем содержательный характер. Содержание норм восточной кочевой, а затем мусульманской страны не могло быть воспринято с легкостью в оседлой православной стране, как отмечает исследователь. Р.Ю. Почекаев, как и С.Ф. Фаизов, выделяет также тугру (каллиграфически выполненная подпись правителя, часто заменявшая печать), которая использовалась в грамотах московских царей к крымским ханам, персидским и индийским шахам, ногайским биям и т.д., чтобы подчеркнуть правопреемство Московского государства от Золотой Орды.

А.П. Григорьев обратил внимание на то, что в древнерусских княжеских грамотах доордынского и ордынского периода отсутствует ряд элементов, например, дата. Ее получили возможность включать в свои грамоты князья лишь после свержения ордынского владычества, так как ранее подобный акт мог выглядеть как попытка посягательства на прерогативу верховного правителя – ордынского хана⁶⁰⁴. Р.Ю. Почекаев отметил также перенос некоторых ордынских наименований на русские грамоты. Это тарханские и шертные грамоты, в которых использовался формуляр ордынских ярлыков: адресант, наррация, диспозиция и др.⁶⁰⁵ Влияние ордынского права на русское носило, по мнению ученого, односторонний характер⁶⁰⁶.

⁶⁰³ Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Подгот. к печати В.Г. Гейман, Н.А. Казакова, А.И. Копанева и др. Под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1949. С. 57.

⁶⁰⁴ Личная консультация А.П. Григорьева / Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды. Казань, 2009. С. 206.

⁶⁰⁵ Почекаев Р.Ю. Ук. соч. С. 207.

⁶⁰⁶ Там же. С. 210.

Проблемы влияния монгольского права коснулась также Л.В. Машанова. Результатом такого влияния она видит формирование особого взгляда на земельную собственность, правообладателем которой был не великий князь, а хан до определенного момента⁶⁰⁷. Доказательная база Л.В. Машановой не выглядит столь убедительной, как у Р.Ю. Почекаева. Л.В. Машанова отмечала также заимствования в культурной среде: иконография⁶⁰⁸, орнамент ряда панагий XIV-XVI вв. русских монастырей, убранство саккоса митрополита Алексея, русские художественные работы по металлу, одежда, двухслойная шуба мехом наружу, сапоги с войлочными чулками, известные на Руси как валенки⁶⁰⁹.

Терминологическое исследование понятия «иго» провел В.Н. Рудаков (р. 1972). Он утверждает, что термин «иго» не вполне отражает всей гаммы русско-ордынских отношений середины XIII-XV вв. Историк отмечает, что обыденность не подпадала под столь мрачные наблюдения, как «ярмо», «иго» или «рабство». Примерами, рисующими более мирную картину, по мнению ученого, являются брачные отношения с представителями ордынской знати, поездки в Орду, уничтожение баскачества, переход сбора выхода с начала XIV в. в руки русских князей и др.⁶¹⁰. Историк считает правильным говорить не о вассальной (договорной) зависимости от Орды, а о министеральной – основанной на безусловном и прямом подчинении русских князей Орде. Автор осознает, что на всем протяжении формы этого подчинения претерпевали существенные изменения⁶¹¹.

А.О. Амелькин (1961-2007) рассмотрел «татарский вопрос» в общественном сознании России конца XV-перв. пол. XVI в. на примере отдельных памятников агиографии и фольклора. Он пришел к выводу о том,

⁶⁰⁷ Машанова Л.В. Золотая Орда: проблемы восточных заимствований в российской государственности и культуре // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2011, № 1. С. 63.

⁶⁰⁸ Там же. С. 65.

⁶⁰⁹ Там же.

⁶¹⁰ Рудаков В.Н. Концепция ордынского "ига" и отношения с Ордой в русском общественном сознании второй половины XIII - XVI веков // Вестник МГИМО-Университета. 2012, № 4.

⁶¹¹ Рудаков В.Н. Концепция ордынского "ига" и отношения с Ордой в русском общественном сознании второй половины XIII - XVI веков. С. 27.

что монголо-татары в древнерусских произведениях не воспринимаются как враждебный этнос. Более часто использовался мотив религиозных различий. «Татарский вопрос», как считал ученый, оказал определенное воздействие и на становление идеологии самодержавия, которая начала формироваться в первой половине XVI в.⁶¹²

Оригинальную точку зрения на рецепцию политических институтов русского и ордынского государств высказал историк-этнолог Ю.М. Кобищанов (р. 1934). По его мнению, ордынские кочевники не могли привнести на земледельческую Русь своих институтов, а наоборот находились под ее влиянием. Он строго разделяет ордынскую аристократию и кочевников. Аристократия, по его мнению, заимствовала на подконтрольных русских землях такие институты, как дворы огланов, даруг, ямскую службу и др. В то же время скотоводы-кочевники, составлявшие основу ордынского войска, были чужды этой ордынской бюрократической системе, и при первой же возможности устанавливали свою собственную систему власти на полуобщинной основе с советами князей и т.д.⁶¹³.

Т.В. Черникова (р. 1961) подчеркивает в своем исследовании, что несмотря на зарождение основ государственно-вотчинного уклада во Владимиро-Суздальском княжестве в XII-начале XIII в., о чем упоминали историки государственной школы, столбовой дорогой внутреннего развития Северо-Восточной Руси он стал лишь под внешним воздействием Золотой Орды. К последствиям ордынского владычества историк относит также исчезновение древнерусских вечевых и дружинных традиций ограничения княжеской власти, усиление деспотизма русских князей и углубление внутреннего социокультурного раскола русского мира, что выразилось в контрасте юго-западных и северо-восточных русских земель⁶¹⁴.

⁶¹² Амелькин А.О. Татарский вопрос в общественном сознании России конца XV-первой половины XVI вв. Воронеж, 2008. С. 135.

⁶¹³ Кобищанов Ю.М. Очерки истории исламской цивилизации в 2-х т. Т. 2. М., 2008. С. 89.

⁶¹⁴ Черникова Т.В. Европеизация России во второй пол. XV-XVI вв. М., 2012. С. 42.

Итак, российская историография с начала 1990-х г. проделала большую работу по исследованию влияния монголо-татарского ига на Русь. Отличительной особенностью российской историографии от советской в контексте данной проблемы является появившаяся возможность свободного исторического исследования, которое перестало сдерживаться идеологемами марксистского подхода к научному обоснованию выдвигаемых тезисов. Отход от строго негативного восприятия ордынского владычества позволил историкам делать смелые выводы о возможности заимствования ордынских образцов в самых разных областях: княжеская власть, титулатура, внешняя политика, торговля, культура и т.д. Какие-то выводы были следствием разработки данной проблемы в советский период, а какие-то появились на основании совершенно нового подхода, как, например, в случае с исследованиями Э.С. Кульпина, который стал основателем школы социоестественной истории и применил новаторские подходы к анализу последствий ордынского ига.

Но это единичные случаи и нужно признать, что большинство современных исследователей в анализе вопроса о влиянии ордынского владычества используют наследие научных схем, разработанных в марксистской и дореволюционной историографии.

На сегодняшний день, наибольшее внимание вопросу о рецепции ордынских институтов на Руси уделили в своих работах В.В. Каргалов, В.А. Кучкин, В.В. Трепавлов, А.А. Горский, Ю.В. Селезнев, Ю.В. Кривошеев, Р.Ю. Почекаев. Большинство современных исследователей касательно итогов монгольского владычества высказывают мысли, которые являются логическим продолжением научных воззрений историков государственной школы и их последователей в дореволюционной историографии. Что имеется в виду? Если сделать обобщающий анализ точек зрения современных исследователей, то мы можем увидеть некоторые тенденции. Во-первых, историки отказываются воспринимать монголо-татарское иго как строго отрицательное явление (В.Л. Егоров, А.А. Горский,

В.В. Трепавлов, Т.Д. Скрынникова и др.), скорее они видят в ордынских ханах рациональных правителей, проводивших довольно гибкую политику на Руси, естественно исходя из своих интересов. Во-вторых, Русь историки воспринимают скорее как вассала Орды, но не союзника или внутреннего игрока ее политической системы (В.В. Трепавлов, К.А. Соловьев, Р.Ю. Почекаев, В.Л. Егоров, Н.Н. Крадин и др.).

В-третьих, влияние ига многие из историков не считают должным преувеличивать и отводят ему главную роль лишь в сборе даннического «выхода», отмечая, что большинство иных влияний и заимствований нужно относить на домонгольский период (Т.Д. Скрынникова, А.Л. Юрганов, Ю.В. Кривошеев, Е.В. Павлова, В.Н. Рудаков и др.). Налицо сходство этих тенденций со взглядами С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, С.Ф. Платонова, не придававшими ордынскому игу решительного значения и относящие появление тенденций к усилению власти и централизации на домонгольский, киевский период.

Однако о существовании единого подхода к данной проблеме в настоящее время говорить не приходится. В условиях плюрализма мнений и свободного дискурса такого единства и не может быть, так как дискуссии были не редки даже в советской историографии, отличающейся куда большей монолитностью по сравнению с современным этапом. Многие ученые следствием ига по-прежнему видят исчезновение вечевого института в городах и усиление деспотизма русских князей (А.Л. Юрганов, Ю.В. Кривошеев, Т.В. Черникова). Несколько изменилось и восприятие церкви, которая часто преподносилась как «пособник хана» в советской историографии. Ю.В. Сочнев говорит о том, что церковь не приобрела каких-то особенных прав при ордынцах, продолжая отстаивать интересы народа и государства, а И.В. Белозеров даже считает, что не все люди, находящиеся формально внутри церковного института, были освобождены от уплаты дани (монастырские крестьяне и ремесленники продолжали обкладываться ордынским «выходом»).

Историки говорят также об определенных изменениях в политической системе Руси: усиление политической зависимости князей (Т.Д. Скрынникова, А.Л. Хорошкевич), перенятие византийской титулатуры «царь» (А.А. Горский, В.В. Трепавлов, Ю.В. Селезнев и др.), уничтожение институтов родового старейшинства и соправительства (А.А. Горский, Д.Н. Александров). Но если одни возводят роль ига в абсолютизм (Ю.В. Селезнев на раннем этапе, И.О. Князький, В.В. Каргалов), то другие считают участие ордынского фактора в становлении политической системы на Руси не значительным (Ю.В. Кривошеев, К.А. Соловьев). Неестественной выглядит точка зрения К.А. Соловьева о том, что ордынская власть не была легитимирована в глазах русского народа. Эта мысль явно противоречит устоявшейся позиции ученых о том, что власть хана воспринималась в глазах русского народа как власть законного царя (В.В. Трепавлов, А.А. Горский, Ю.В. Селезнев и др.), причем доказательства этого содержатся в большом количестве в русских летописях. Другое дело, что официально-государственное восприятие ханской власти могло отличаться от восприятия ментального в народе, о котором упоминал В.П. Даркевич.

Вопрос преобразования финансово-податной системы под влиянием Орды не претерпел особых изменений со времен советских исследований. Во взглядах В.В. Каргалова, Д.М. Котышева, Д.Г. Хрусталева заметен след выводов марксистской историографии. Ученые говорят об упадке боярского землевладения, ухудшении торговых отношений с Западной Европой, уничтожении производительных сил, замедлении развития товарно-денежных отношений и т.д. Но ничего нового эти исследования не вносят, в связи с чем уместно говорить об отсутствии интереса исследователей к экономическому аспекту ордынского влияния. Возможно, это связано с тем, что данный вопрос был относительно подробно исследован в советский период, когда социально-экономические факторы выдвигались на первый план.

Проблема заимствования юридических институтов получила более плодотворное освещение благодаря трудам Р.Ю. Почекаева. Он отметил, что финансовые вопросы на Руси решались исключительно с помощью норм русского права. Ю.В. Сочнев также говорит о том, что положение церкви на Руси регулировалось не ордынским законодательством, а уставами князей Владимира Святославича и Ярослава⁶¹⁵. Все это убеждает исследователей в том, что влияние ордынского права на русское было скорее формальным, чем содержательным. Выводы Е.В. Павловой подтверждают эту мысль.

Вопрос ордынского влияния на культуру также не нашел какого-либо особенного развития на современном этапе. Российские историки, как и в советское время, продолжают говорить об изменениях в духовной культуре, пресечении летописания, определенных влияниях в иконографии, одежде, убранстве церковников и т.д. Пожалуй, наиболее активно эта работа сейчас ведется среди исследователей Татарстана, но их доказательная база по-прежнему крайне скудна. Интересными представляются выводы В.А. Кучкина об исчезновении захоронений в курганах и сопках, что может указывать на кардинальные изменения ментальности русского народа, все более углубляющегося в христианскую традицию в тяжелейших условиях ордынского гнета. Внимания заслуживают и работы С.Ф. Фаизова, посвященные описанию тугры, как важного источника, отражающего определенные реалии Золотоордынского государства и его наследников.

Продолжением мысли о влиянии Руси на ордынские порядки, о которых в советской историографии упоминали В.Л. Егоров, Г.А. Федоров-Давыдов, В.Д. Назаров, стали взгляды Ю.М. Кобищанова, Ю.В. Сочнева и Ю.В. Селезнева. Так, Ю.В. Сочнев считает возможным говорить о миссионерской деятельности русской церкви в Орде. Однако Д.Ю. Арапов и Р.Ю. Почекаев не считают возможным упоминать о каком-либо влиянии Руси в силу, во-первых, религиозных и культурно-цивилизационных

⁶¹⁵ Сочнев Ю.В. Русская церковь и Золотая Орда: автореф. дисс. ... канд. исторических наук: 07.00.02 / Сочнев Юрий Вячеславович. М., 1993. С. 15.

различий населения двух государств, во-вторых, в силу подчиненного положения вассала (Руси) по отношению к сюзерену (Орде).

2. Региональная историография

Ученые из российских национальных республик, находящихся в настоящее время на пространстве, занимаемом в прошлом составными частями Золотоордынского государства, также сделали определенный вклад в развитие историографии вопроса о влиянии монголо-татарского ига на Русь. Основную значимость для данного вопроса представляют труды историков «казанской школы», которые начиная с 1990-х гг. XX в. ведут постоянные изыскания как в области «татарского вопроса» вообще, так и касательно золотоордынского наследия в частности. Помимо исследователей из Татарстана в разработке этой темы принимают активное участие специалисты из Башкирии, Мордовии, Марий Эл и др. регионов России.

Начало исследования данного вопроса в татарской историографии можно связать с XIX в., когда появились работы Ш. Марджани, Х. Фаизханова, К. Насыри и др. В начале XX в. эстафету подхватили М. Рамзи, Г. Ахмеров, Х. Атласи, Р. Фахретдин и др. Характерным отличием татарской историографии был отказ от «великорусской идеологии» в освещении татарских событий, отрицательная оценка завоевания Казани 1552 г., в которой Москва воспринималась как «колонизатор» и «поработитель»⁶¹⁶. В послереволюционный период первые крупные исследования по данному вопросу связаны с трудами Г. Губайдуллина⁶¹⁷.

Начиная с момента провозглашения советской власти в 1917 и по 1921 гг., серьезные исследования истории татарского народа проводились Северо-Восточным археологическим и этнографическим институтом. С 1925 г. широкую деятельность развернуло бюро краеведения, которое действовало в

⁶¹⁶ Мухамедьяров Ш., Хамидуллин Б. Казанское ханство в панораме веков (отражение событий 1552 года в источниках и литературе) // Идель, 2002, № 10-11.

⁶¹⁷ «Татар тарихы» / «История татар», 1922, 1924, 1925 гг. издания; статья «Идел буе очен корэш тарихыннан» / «Из истории борьбы за Поволжье», 1923.

рамках Академцентра Наркомата просвещения ТАССР. С 1927 г. в направлении исследования культурного наследия татарского народа начал работать Дом татарской культуры. В 1930-1934 гг. в этой области работал также Татарский филиал института промышленно-экономических исследований. Возможность независимого и объективного изучения данной проблематики была постепенно свернута к началу 1930-х гг. С конца 1930-х гг. в советской науке господствовал тезис о прогрессивности централизации земель, на которых прежде располагались осколки Золотоордынской державы⁶¹⁸. Этот тезис болезненно воспринимается представителями современной татарской исторической науки, часто характеристики тех или иных сторон ордынского ига имеют в российской и татарской научной среде диаметрально противоположную оценку.

В советское время наблюдался определенный разрыв с западной исторической наукой, так как методологическая и идеологическая направленность советской и западной школ приняли враждебный характер. Марксистская школа провозглашала в идеологии принципы интернационализма, мировой революции, классовой борьбы как главных движущих сил исторического процесса. Скрупулезная работа с источниками часто трактовалась как пережиток «старой буржуазной науки», представители которой подвергались серьезным гонениям. Ученые были вынуждены приспособливаться к идейно-теоретической базе марксистско-ленинского учения⁶¹⁹.

В 20-30 гг. большую работу по «татарской проблеме» осуществлял археолог и исследователь культуры народов Поволжья М.Г. Худяков (1894-1936), трагически погибший в годы сталинских репрессий. Его монография «Очерки по истории Казанского ханства» впервые вышла в 1923 г. и затем неоднократно переиздавалась в постсоветское время. Несмотря на

⁶¹⁸ Зайцев И.В. Историография истории отношений постордынских «юртов» с Россией и Османской империей // Источниковедение истории улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223-1556. Казань, 2002. С. 283.

⁶¹⁹ Мухаметов Ф.Ф. Отечественная историография монгольского завоевания Руси. С. 349.

порой сомнительную достоверность доводов ученого о последствиях влияния монголо-татарского ига, привлечение им широкого круга источников делает его труд довольно значимым.

Согласно его концепции, многие институты Московское государство переняло из Казани. Боярская дума, по мнению казанского историка, находит себе близкую параллель в казанском совете карачи, бояре и дети боярские – в князьях и огланах, местничество – в родословных счетах монголо-татарской аристократии, земский собор в казанском курултае, но нельзя утвердительно судить о причинах такого параллелизма. Переписи населения были заимствованы, по мнению историка, также русскими у монголо-татар⁶²⁰.

В целом нам представляется данная концепция заимствований довольно спорной, так как Казанское ханство было одним из осколков Золотой Орды и намеренно выделять влияние на Русь именно этой части прежде обширного Золотоордынского государства, а не всей метрополии, не вполне уместно. Тем более, корни казанской государственности ассоциируются не только с Золотой Ордой, но и с государственной традицией древних булгар.

М.Г. Худяков также обращал внимание на то, что влияние ордынской культуры на русских можно наметить в области дипломатии. В военном деле он выделяет следующие заимствования: «ертоул»⁶²¹, огнестрельный бой, регулярная пехота, «туфанкчи» (стрелецкое войско)⁶²². В сфере царского церемониала на счет монголо-татарского влияния М.Г. Худяков относит обычай «бить челом», выбор невесты посредством смотрин, коронационный обряд (осыпанье монетами) и т.д. В настоящее время подобный подход к анализу последствий влияния является устаревшим, так как он допускает отсутствие доказательной источниковой базы. Это было характерно для историков начала XIX столетия, стоявших у истоков разработки «татарского

⁶²⁰ Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. Изд. 3-е, дополненное. М., 1991. С. 237-238.

⁶²¹ Ертоул – авангардный или разведывательный отряд. М.Г. Худяков дает ему неверную характеристику – «саперное подразделение, которое в походах строило гати, наводило мосты, выискивало броды и т.д.»

⁶²² Худяков М.Г. Ук. соч., С. 240.

вопроса». Данная методология была решительно отвергнута в советское время.

Ученый говорил и об ордынском влиянии в русской архитектуре. На близость Вознесенской шатровой церкви села Коломенского к некоторым памятникам персидской архитектуры указывал еще проф. Б.П. Денике (1885 -1941). Венцом ордынского влияния в русской архитектуре можно считать, по мнению М.Г. Худякова, храм Василия Блаженного, построенный в память о покорении Казани. О построении этого храма сообщает летопись: «Поставлен был храм каменный преудивлен, различными образцы и многими переводами». И.Е. Забелин (1820-1908) объяснил, что слово «перевод» означало снимок, копию с какого-либо образца, на основании чего он заключил, что художники руководствовались некоторыми образцами. Но, в то же время И.Е. Забелин шатровое зодчество считал национальным, русским⁶²³. М.Г. Худяков видит аналогом храма Василия Блаженного мечеть Кул-Шариф с ее 8-ю минаретами, предание о которой записано татарским мыслителем XIX в. Шихабудином Марджани. Архитектор храма Посник Яковлев сооружал каменную крепость в покоренной Казани и мог на месте ознакомиться с памятниками казанской архитектуры, по версии ученого. К заимствованиям из мусульманского зодчества М.Г. Худяков относил полихромную, которая нашла свое отражение в разноцветной окраске внешних стен зданий московского зодчества (Дьяковская церковь, храм Василия Блаженного) и шатровых изразцах⁶²⁴.

Скудость письменных источников заставили историка привлечь к своей работе другие разноплановые материалы: памятники языка, предания, археологические находки, бытовые понятия и остатки обычного права. Будучи археологом, М.Г. Худяков изучал надгробные плиты, развалины, бытовые предметы, что ему позволило расширить номенклатуру исследований. Несмотря на порой спорную точку зрения о заимствованиях

⁶²³ Забелин И.Е. Черты самобытности в древнерусском зодчестве. М., 1895. С. 11.

⁶²⁴ Худяков М.Г. Ук. соч. С. 297-300.

на Руси от монголо-татар, расширенный круг источников позволил автору написать незаурядную работу, текст которой сохранил актуальность до сего времени. После расстрела труды ученого были запрещены для изучения и изъяты из библиотек, его имя было предано забвению.

В 1941 г. был создан сектор истории в рамках Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР, затем Казанского научного центра РАН. Именно с этого времени начинается отчет серьезной академической деятельности казанских ученых⁶²⁵.

Ближе к концу войны тема Золотой Орды была фактически заморожена после печально известного постановления ЦК ВКП (б) 1944 «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации». Руководство партии заявляло о «серьезных ошибках» идеологического плана в освещении истории татарского народа. В постановлении Татарскому обкому ВКП (б) предписывалось «организовать научную разработку истории Татарии, устранить допущенные отдельными историками и литераторами серьёзные недостатки и ошибки националистического характера в освещении истории Татарии (приукрашивание Золотой Орды, популяризация ханско-феодалного эпоса об Идеее). Обратить особое внимание на исследование и освещение истории совместной борьбы русского, татарского и других народов СССР против чужеземных захватчиков»⁶²⁶. Как отмечают многие казанские исследователи, такой подход на долгие годы закрыл возможность многообразного исследования «татарского вопроса» не только в Татарстане, но и во всем Союзе. Однобокое понимание исключительно негативных последствий монголо-татарского владычества над Русью стало единственным возможным способом изучения русско-ордынских отношений вплоть до начала 1990-х гг.

⁶²⁵ Речь директора ИИ АН РТ Хакимова Р.С. на праздновании 5-летия Института истории АН РТ в феврале 2002 г.// Сайт Института истории им. Ш. Марджани АН РТ [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.tataroved.ru/institut/about/> (дата обращения: 4.08.2016).

⁶²⁶ Мухамедьяров Ш., Хамидуллин Б. Ук. соч.

Труд любителя татарской старины С.С. Аверкиева создавался в 40-60-е годы, но этой работе также не суждено было быть изданной при жизни автора. Рукопись труда нижегородского историка-востоковеда С.С. Аверкиева «Влияние татар на жизнь русского народа» была обнаружена в Научном архиве Института Российской истории РАН В.В. Трепавловым и К.С. Дроздовым среди материалов сектора истории СССР периода феодализма⁶²⁷. Этот текст был подготовлен к печати усилиями И.В. Зайцева (р. 1973) и издан в Казани в 2015 г. Несмотря на слабость научных обоснований С.С. Аверкиева, монография представляет большой интерес для исследователя вопроса о монголо-татарском влиянии.

Автор произвел большую работу по обобщению заимствований в таких областях, как административное управление, финансы, торговля, царская власть, быт, нравы, словесность, но многие выводы имеют довольно общий характер и не подкреплены аргументированными доказательствами. Однако, по мнению И.В. Зайцева, касательно восточных языков и этимологии, автором озвучены «весьма нетривиальные и новые мысли», что связано, прежде всего, с высокой квалификацией С.С. Аверкиева именно в этой области⁶²⁸.

Многие положения автора монографии близки идеологии евразийства, что можно проследить из его высказывания по поводу «позаимствований»: «Отрицание возможности позаимствований под татар в нашем быту и государственных учреждениях исходила у многих историков из пренебрежительного взгляда на культурный уровень татарского народа»⁶²⁹. Из русских «позаимствований» у монголо-татар, указанных С.С. Аверкиевым, можно, например, отметить ясачный сбор, который просуществовал в Сибири до XX столетия; татарское делопроизводство,

⁶²⁷ Научный архив ИРИ РАН. Ф.1, разд. «А». Оп. 2. Д. 19.

⁶²⁸ Зайцев И.В. Русский востоковед-татарофил: Сергей Сергеевич Аверкиев (1886-1963) и его книга о татарском влиянии на жизнь русского народа // Аверкиев С.С. Влияние татар на жизнь русского народа. Казань, 2015. С. 10.

⁶²⁹ Зайцев И.В. Русский востоковед-татарофил: Сергей Сергеевич Аверкиев (1886-1963) и его книга о татарском влиянии на жизнь русского народа. С. 11.

которое было образцовым для русских дьяков (в качестве подтверждения историк указывает на пометы монгольскими буквами на татарском языке с указанием года, месяца и числа в русских официальных документах); приемы межевания земли в Древней Руси (указание на это имеются в «Повести об ордынском царевиче Петре») и др.⁶³⁰ Практика ясачного сбора как элемент ордынского заимствования нашла свое подробное развитие в монографиях Б.А. Азнабаева и И.И. Булякова, о которых речь будет идти ниже.

К 1950-му г. М.Г. Сафаргалиев (1906-1970) закончил свою работу над историей Золотой Орды, но в связи с тем, что к этому времени появилась известная монография Б.Д. Грекова и А.Ю. Якубовского «Золотая Орда и ее падение», рассмотрение диссертации ученого произошло только в 1954 г. Большой резонанс своей новизной произвел фундаментальный труд ученого «Распад Золотой Орды», который появился в 1960 г. и стал закономерным итогом его многолетней работы⁶³¹. Данная монография стала в ряду других переходной от устоявшегося в 30-е годы грековского понимания отрицательного воздействия монголо-татарского ига к плюралистическому подходу ученых перестроечного периода. Одним из важных заключений исследования М.Г. Сафаргалиева является тезис о том, что в период своего становления государственный строй Золотой Орды имел примитивный характер. Подтверждение этому историк видит в том, что на завоеванных землях монголы оставляли функционирование местных политических институтов за неимением своих⁶³². Отчасти эту точку зрения можно отнести на счет господствующего в советское время негативного восприятия ордынского владычества.

С именем казанского историка М.А. Усманова (1934-2010) связана работа по комплексному анализу жалованных актов Джучиева Улуса XIV-

⁶³⁰ Зайцев И.В. Русский востоковед-татарофил: Сергей Сергеевич Аверкиев (1886-1963) и его книга о татарском влиянии на жизнь русского народа. С. 52, 54, 65.

⁶³¹ Ахмяров А. Вспомним Магомета Сафаргалиева // Общественно-политическая газета татар республики Мордовия «Спутник Юлдаш» [Электронный ресурс]. - URL: <http://yuldash-sputnik.ru/2013/45-16/312-2013-04-23-14-00-10.html> (дата обращения: 8.08.2016).

⁶³² Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск. 1960. С. 45.

XVI в. Одноименный фундаментальный труд автора вышел в 1979 г. В нем, в частности, М.А. Усманов утверждает, что монгольский компонент был побежден тюркским на пространстве Золотой Орды. Вследствие этого в XIII-XIV в. произошел третий этап проникновения тюркизмов в русский язык, а также, в меньшей степени, монгольских слов. Если бы монголы не растворились в кыпчакской среде, то удельный вес монголизмов, по мнению М.А. Усманова, был бы выше, по сравнению с тюркскими словами. Вытеснение монгольского языка тюркским литературным историк датирует уже серединой XIII столетия⁶³³. Он отмечает, что в крымско-русской переписке XV-начала XVI вв. функциональным языком оставался кыпчакский, который был усвоен московской канцелярией в силу сохранения традиции главенства данного языка в Золотой Орде в период ее наивысшего рассвета⁶³⁴. М.А. Усманов признавал факты проникновения джучидских формул и документоведческих терминов в официальное делопроизводство вассально-зависимой Руси. Однако, историк полагает правильным ограничить факты заимствований в русской канцелярской традиции лишь документами русско-ордынской переписки и тарханных жалований на Руси⁶³⁵.

После крушения Советского Союза произошли коренные преобразования в политическом облике государства, что сказалось на либерализации всех сторон общественной жизни. Эти процессы не обошли и Татарстан, где в условиях «парада суверенитетов» началось усиленное изучение национальной истории татар. С этого времени наблюдается отход от марксистско-ленинской концепции понимания исторического процесса, появляется возможность свободного рассмотрения «татарского вопроса» с привлечением опыта дореволюционной и иностранной историографии. Но эта ситуация имела и обратную сторону медали. Всплеск

⁶³³ Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV-XVI вв. Казань, 1979. С. 99-101.

⁶³⁴ Там же. С. 108.

⁶³⁵ Там же. С. 293-294.

националистических настроений стал действовать в ущерб научной достоверности исследований. Подлинные научные изыскания порой заслоняли высказывания в духе ксенофобии и экстремизма. Эти «перспективы» вынудили сознательную часть научного сообщества двух полюсов искать точки соприкосновения. В отличие от исследования самой Золотой Орды, изучение истории ее наследников началось только в конце XX в. Пробуждение подлинного интереса к национальной истории в Татарстане произошло в 1990-е гг., когда в Республике была принята Декларация о суверенитете.

Одной из первых работ, появившихся на пространстве вновь созданного молодого Российского государства, была монография казанского археолога А.Х. Халикова (1929-1994) «500 русских фамилий булгаро-татарского происхождения». В ней историк обращает внимание на исход населения Волжской Булгарии на Русь еще в домонгольский период. В качестве источниковой базы автор привлек писцовые книги Казанского уезда за XVI-XVIII вв., подготовленные к печати Р.Н. Степановым. Кроме этого, автор опирался на фундаментальные исследования историка С.Б. Веселовского (1876-1952)⁶³⁶ и филолога Н.А. Баскакова (1905-1995)⁶³⁷. По мысли А.Х. Халикова, на основе выходцев из Орды в XV-XVII вв. формируется российское служилое сословие – дворянство, в котором более 300 фамилий тюркского происхождения. Некоторые представители этих родов были известными российскими послами в XV-XVI вв.: Беклемишевы в Крыму (1474-1475), Карачаровы в Италии (1499), Бахтияровы в Польше и Литве (1549)⁶³⁸.

Исследователь становления проблем татарской исторической науки И.Л. Измайлов (р. 1960) подчеркивает, что в русской историографии последствия монголо-татарского ига подавались как сугубо отрицательные, и

⁶³⁶ Веселовский С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.

⁶³⁷ Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1980.

⁶³⁸ Халиков А.Х. 500 русских фамилий булгаро-татарского происхождения. Казань: Казань, 1992. С. 20, 27-28.

только в работах Г.В. Вернадского и Л.Н. Гумилева была предпринята попытка взвешенной оценки с точки зрения евразийства⁶³⁹. Историография Татарстана делает большой акцент на том, что в результате появления постановления ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации» в учебниках по истории, филологии, а также в ряде научных исследований делались попытки игнорирования и умаления 300-летнего периода монгольского владычества⁶⁴⁰. Это, в свою очередь, привело к появлению большого количества национально ориентированных работ по «татарской проблематике», которые часто были написаны в ущерб научному подходу, о чем упоминал в одном из интервью В.В. Трепавлов⁶⁴¹.

И.Л. Измайлов обращает внимание на то, что улус Джучи распространял элементы своей культуры главным образом среди знати, которая относилась к ордынским властям благосклонно и даже раболепно. По мнению историка, имело место прямое включение монголо-татар в состав господствующего класса Московского, Рязанского, Владимирского, Нижегородского княжеств. Историк допускает возможность того, что многие российские фамилии, в том числе и Рюриковичи, вставляли в свою генеалогию мифических ордынских царевичей. Но, по мнению историка, никакого симбиоза между лесом и степью, который представлялся Л.Н. Гумилеву и отчасти Г.В. Вернадскому, не существовало⁶⁴². Эта важная оговорка характеризует реальное влияние ордынских порядков в политической системе Северо-Восточной Руси. Для казанских исследователей такая оговорка является скорее исключением, чем правилом.

Лидером исследований в области татарской истории с середины 1990-х гг. XX в. становится Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук

⁶³⁹ А было ли иго? // Родина, 1997, № 3-4. С. 86.

⁶⁴⁰ Усманов М.А. Состояние и перспективы источниковедения истории Улуса Джучи // Источниковедение истории улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223-1556. Казань, 2002. С. 3.

⁶⁴¹ Сайт центрально-азиатского исторического сервера «Kyrgyz.ru». Трепавлов В.В. Отбрасывать драгоценное наследие российской тюркологии это непростительное расточительство. [Электронный ресурс] –URL: <http://www.kyrgyz.ru/?page=249> (дата обращения: 31.08.2015).

⁶⁴² А было ли иго? // Родина, 1997, № 3-4. С. 89.

Республики Татарстан, который был создан Указом Президента Республики Татарстан М.Ш. Шаймиева № VII-354 от 14 июня 1996 г.

В это время появляются работы, имеющие довольно яркий националистический уклон. В числе таких труды И.Р. Тагирова (р. 1936), взгляды которого на проблему ордынского влияния отличаются гиперболизированным представлением о роли монголо-татарского фактора в становлении российской государственности. Он утверждает, что система русской власти была не просто скопирована с ордынской, а выросла из нее, являлась ее продолжением. И.Р. Тагиров критикует советскую историографию, считавшую монголо-татар дикими завоевателями, чуждыми каких-либо культурных ценностей. Явным преувеличением выглядят его слова о том, что бытовая городская культура степных городов империи по многим параметрам превосходила таковую в Западной Европе⁶⁴³. В своих размышлениях историк порой доходит до противоречивых высказываний о том, что «на русские территории никто не претендовал, никто туда не проникал, не завоевывал, не колонизовал». Собираемую дань историк называет десятипроцентным налогом с русского населения, необходимым для нужд государства, охраны границ, обеспечения безопасности и пр.⁶⁴⁴

Насколько сильно была интегрирована татарская община Москвы в социально-политические события, происходящие в России на протяжении XIV-XX вв., показал в своем исследовании историк-этнолог Д.З. Хайретдинов (р. 1972). В работе анализируются ордынские служилые князья московского государя, участие татар в событиях смутного времени, толмачи Посольского приказа и Посольской конторы в XVIII в., участники Отечественной войны 1812 г. из числа татар и др.⁶⁴⁵

И.П. Ермолаев (р. 1932) считает нецелесообразным существование самого термина «иго», который он трактует как обычную и привычную

⁶⁴³ Тагиров И.Р. История национальной государственности татарского народа и Татарстана. Казань, 2000. С. 90-91.

⁶⁴⁴ Тагиров И.Р. Без татарского народа Российское государство – неполное // Независимая газета. 2001. 27 февраля. С. 9, 11 (Приложение «Особая папка»).

⁶⁴⁵ Хайретдинов Д.З. Мусульманская община Москвы в XIV – начале XX века. Н. Новгород: Б. изд., 2002.

форму феодальной зависимости, особенностью которой является то, что ее оформление связано с завоеванием. Историк считает, что феодальный вассалитет берет свое начало, прежде всего, из экономической необходимости, хотя оболочку имеет политическую. И.П. Ермолаев обращает внимание на уникальность формы управления русскими землями по сравнению с другими областями (Волжская Булгария, половецкая степь, Хорезм и др.), в которых местные династии власть не сохраняли, а все вассалы были ставленниками монголов.

Орда всегда, по мнению И.П. Ермолаева, признавала экономическую и культурно-политическую автономию русских земель. Зависимость выражалась только в наделении князей ярлыками и выплате последними дани в Орду⁶⁴⁶. Историк отмечает, что зависимость Северо-Восточной Руси от Золотой Орды оказала значительное влияние на формирование фундамента менталитета русского народа, который можно охарактеризовать как авторитарный⁶⁴⁷.

И.П. Ермолаев считает, что довод американского историка Ричарда Пайпса о том, что золотоордынская зависимость воспитала у русских князей коллаборационизм⁶⁴⁸ довольно близок к истине⁶⁴⁹. Монгольское господство, как полагает исследователь, усиливало изоляцию верховной власти от населения, князья стояли как бы над народом, что мешало осознанию ими гражданской ответственности перед народом⁶⁵⁰. По мнению И.П. Ермолаева, политика Москвы вписывалась в социально-политические принципы Золотой Орды. Если на Западе господствовало правило «вассал моего вассала не мой вассал», то в России действовал принцип восточного вассалитета «вассал моего вассала есть мой вассал».

⁶⁴⁶ Ермолаев И.П. Становление российского самодержавия. Казань, 2004. С. 94.

⁶⁴⁷ Там же. С. 95.

⁶⁴⁸ От *collaboration* – сотрудничество с врагами; коллаборационисты – предатели Родины, изменники своему народу (прим. И.П. Ермолаева).

⁶⁴⁹ Ермолаев И.П. Ук. соч. С. 96.

⁶⁵⁰ Там же. С. 96.

Полная преемственность политических принципов Золотой Орды, после ее распада в XV в., выразилась, как считает исследователь, в восприятии политической терминологии (титула «царь») и восстановлении единства территории в границах распавшегося золотоордынского государства⁶⁵¹. Символом данной преемственности И.П. Ермолаев называет утверждение на Руси в XV в. великокняжеского головного убора – знаменитой «шапки Мономаха», сделанной золотоордынскими мастерами европейской части Орды конца XIII – нач. XIV вв. (крест и меховая оторочка появились позднее)⁶⁵². Вопрос об авторстве шапки Мономаха подробно исследовала в своей статье искусствовед, специалист по истории татарского декоративного и изобразительного искусства Г.Ф. Валеева-Сулейманова, чья точка зрения будет приведена чуть ниже.

Внешняя форма политического преемства Московского государства от Золотой Орды, по мнению И.П. Ермолаева, проявлялась в стремлении московских государей превратить великокняжеский титул в царское достоинство. Первоначально титулом «царь» на Руси величали византийского императора, а со второй половины XIII в. – ханов Золотой Орды. И.П. Ермолаев считает, что этот титул скорее пришел на Русь из Орды, чем из Византии, из чего становится понятно стремление некоторых российских политических лидеров присоединить осколки Золотой Орды, особенно государств-преемников Золотой Орды – Казани и Астрахани. В основе их экспансионистской политики лежало не столько присоединение новых территорий, сколько расширение объема личной власти⁶⁵³. Ученый соглашается с мнением о том, что почти 250-летний период ордынского владычества ускорил процесс объединения Северо-Восточной Руси и повлиял на формы будущего политического организма⁶⁵⁴.

⁶⁵¹ Ермолаев И.П. Ук. соч. С. 134.

⁶⁵² Крамаровский М.Г. «Шапка Мономаха»: Византия или Восток? // Сообщения Гос. Эрмитажа. 1982. Вып. 47. С. 66-70.

⁶⁵³ Ермолаев И.П. Ук соч. С. 303.

⁶⁵⁴ Там же. С. 305.

В ходе круглого стола «Татарский вопрос», проходившего 16 января 2003 г. в Москве в Президентском зале РАН видные российские ученые, в числе которых были исследователи из Татарстана, обсуждали проблему наследия татаро-русской истории и ее интерпретации на современном этапе. Трудности вызывает устоявшаяся привычка к политизации науки, когда националистические тенденции проникают в научную плоскость и искажают факты в своих узких интересах.

Научный мир после отказа от марксистской методологии находится на стадии переоценки и переосмысления знания. Поводы для опасения действительно есть. С.Г. Кляшторный привел некоторые примеры абсурдности, до которой доходят научные изыскания «национальных» и не только историков. Так, профессор А. Шакиров выдвинул гипотезу о том, что русский язык является ответвлением тюркско-татарского. Более того, существует даже проект переименования России в Татарию, на основании того, что она является законной наследницей Золотой Орды⁶⁵⁵. В то же время, В.В. Трепавлов отметил высокий профессиональный уровень ученых Казани, которые могут возглавить в будущем разработку татарского вопроса в России⁶⁵⁶. Попыткой найти компромиссы и точки соприкосновения между учеными в общей цивилизационной истории русского и татарского народа можно назвать выход в 2001 г. коллективной монографии «Татары», которая была издана совместными усилиями РАН и Академии наук Татарстана. В ней отражены некоторые этнополитические процессы, происходящие на территории Золотой Орды и их исторические последствия⁶⁵⁷.

А.И. Ногманов (р. 1965) указывает на определенную роль монголо-татар в становлении корпуса российских законодательных актов. Историк впервые в отечественной историографии проанализировал весь комплекс правовых документов, связанных так или иначе с татарами Среднего Поволжья и

⁶⁵⁵ «Татарский вопрос» в России // Татарский мир. 2003. Январь. № 1 (11). С. 1, 3-4.

⁶⁵⁶ «Татарский вопрос» в России // Татарский мир. 2003. Январь. № 1 (11). С. 4.

⁶⁵⁷ Тишков В.А., Чешко С.В. Татары. М., 2001.

Приуралья с момента покорения Казанского ханства до начала XIX в. За основу им были взяты следующие опубликованные законодательные материалы: Полное собрание законов Российской империи⁶⁵⁸; Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептерях и бобылях⁶⁵⁹; Акты археографической экспедиции⁶⁶⁰; Законодательные акты русского государства втор. пол. XVI – перв. пол. XVII вв.⁶⁶¹ и др. Из них историк извлек сведения об участии татар в составлении многих важных законодательных актов. Например, подписи татар присутствуют под «приговором» земского собора 1613 г. об избрании Михаила Романова на престол⁶⁶². Статьи 161 главы X «О суде» и 3-я главы XIV «О крестном целовании» Соборного уложения 1649 г. содержат нормы обычного права ясачных народов касательно присяги подданного в соответствии с той религией, которую он исповедает⁶⁶³.

Анализ особенностей формирования и развития башкирской государственной структуры произвел Б.А. Азнабаева (р. 1966). Дореволюционная историография отрицала всякую возможность преемственности башкирской государственности от Золотой Орды, объясняя привилегированное положение башкир либо добровольностью их вхождения в состав России, либо противоречивой позицией российского правительства⁶⁶⁴. Интерес для нашей темы представляет открытие историком особой системы взаимоотношений русского царя и племенных башкирских общин, а именно правопреемство установления власти Ивана IV над башкирами от золотоордынских ханов. Как правило, монгольские

⁶⁵⁸ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830.

⁶⁵⁹ Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептерях и бобылях. Уфа, 1999.

⁶⁶⁰ Акты археографической экспедиции. СПб., 1836. Т. 1-4.

⁶⁶¹ Законодательные акты русского государства втор. пол. XVI – перв. пол. XVII вв.: (Тексты). Л., 1986.

⁶⁶² Ногманов А.И. Самодержавие и татары. Очерки истории законодательной политики второй половины XVI–XVIII веков. Казань: Татар. кн. изд., 2005. С. 30.

⁶⁶³ Федоров М.М. Правовое положение народов Восточной Сибири XVII-начала XIX вв. Якутск, 1978. С. 20-24; Маньков А.Г. Уложение 1649 года – кодекс феодального права России. Л., 1980. С. 236.

⁶⁶⁴ Фирсов Н.А. Инородческое население прежнего казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация Закамских земель // Ученые записки казанского университета. Т. IV. Казань, 1870. С. 321-628; Перетяткович Г.В. Поволжье в XVII веке и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). Одесса, 1882; Рычков П.И. История Оренбургская (1730-1750). Оренбург, 1896.

императоры в случае добровольного подчинения предоставляли покоренным народам широкие автономные права, утверждались земельные владения и военная организация по местному порядку. Важно заметить, что фактор добровольности имел особое значение для монгольского хана, чем не преминул воспользоваться Иван IV.

Преемственность ордынских порядков, по мнению Б.А. Азнабаева, нашла свое подтверждение в процедуре принятия башкирами российского подданства: поездка глав родоплеменной структуры к верховному правителю в столицу, поднесение подарков, утверждение вотчинных прав на получаемые земли с их разграничением, подтверждение привилегированного статуса главы племени верховным правителем. Царь обязывался «не насиловать веру» в обмен на исправную уплату башкирами «ясака». Традициям золотоордынского права соответствует также, как отметил ученый, регулирование московским царем вопросов землевладения между башкирскими племенами⁶⁶⁵.

Касаясь башкирской системы государственного устройства, М.Г. Сафаргалиев указывал на то, что установленные Чингизидами границы кочевания башкир были нарушены в конце XV в. потомками Едигея, который пренебрег в своем государстве политико-правовыми нормами монгольских правителей. Принятие российского подданства рассматривалось башкирами как восстановление нарушенных Едигеем порядков, причем Иван IV оценивал свою власть как преемственную не от ногайского бия, а от золотоордынских ханов⁶⁶⁶. Статус правопреемника власти Чингизидов давал возможность московскому правителю добиваться власти над народами, находящимися в джучиевом правовом поле, в числе которых были и башкиры.

⁶⁶⁵ Азнабаев Б.А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII вв.). Уфа: РИО БашГУ, 2005. С. 51.

⁶⁶⁶ Сафаргалиев М.Г. Ук. соч. С. 168.

Политолог Р.С. Хакимов (р. 1947) пытается найти философское осмысление 250-летнего владычества монголо-татар над Русью. В своих изысканиях автор часто увлекается стремлением однообразно показать историю монголо-татар, неосознанно столкнув татарскую и русскую историографию через «болевые точки», доказать незаслуженную дискредитацию и искажение истории татарского народа. Так, в учебниках по истории России, по его мнению, неверно подается мысль о том, что «монгольское нашествие и золотоордынское иго стало одной из причин отставания русских земель от развитых стран Западной Европы»⁶⁶⁷. Р.С. Хакимов видит в этом оправдание сегодняшних проблем и желание свалить все на татар. Политолог также отметил, что характер русских начинает меняться с появлением на Руси служилых татар, литовцев и немцев⁶⁶⁸. К наследникам степной традиции он относит российских казаков, которые заимствовали образ жизни у кочевников⁶⁶⁹.

Иго Р.С. Хакимов называет «грандиозным мифом», который был создан государственной машиной Российской империи. Начало упадка Киевской Руси он датирует второй половиной XII в., когда был утрачен торговый путь «из варяг в греки», а монголо-татарское иго, по его мнению, «не могло быть причиной деградации и отсталости Руси». По мысли историка, Бату сам нуждался в поддержке союзников и поэтому не мог установить деспотический режим по отношению к русским землям⁶⁷⁰. Таким образом, историк приходит к спорному выводу о том, что Москва создала единое государство не в борьбе с Золотой Ордой, а в результате борьбы за влияние на пространстве Золотой Орды: «Московская Орда» восприняла монголо-татарские традиции государственного строительства, а не киевские»⁶⁷¹.

⁶⁶⁷ Орлов А.С., Георгиев В.А. История России. Учебник. М., 2003. С. 58.

⁶⁶⁸ Хакимов Р.С. Метаморфозы духа (к вопросу о тюрко-татарской цивилизации) // Казань: «Идель-Пресс», 2005. С. 38.

⁶⁶⁹ Там же. С. 95.

⁶⁷⁰ Хакимов Р.С. Метаморфозы духа (к вопросу о тюрко-татарской цивилизации). С. 196, 198, 203.

⁶⁷¹ Там же. С. 216.

В другом месте он упоминает о том, что Золотая Орда, помимо всего прочего, была еще и исторической родиной русского народа – вывод абсурдный по нашему мнению⁶⁷². Аналогию курултаю историк видит в земских соборах⁶⁷³. Нужно сказать о том, что в своих концепциях Р.С. Хакимов фактически копирует взгляды славянофилов, М.Г. Худякова и евразийской школы. Его труды пестрят ссылками на теоретиков евразийства – П.Н. Савицкого, Н.С. Трубецкого, Л.Н. Гумилев, Г.В. Вернадского, Н.А. Клепинина и др.⁶⁷⁴

Причины подобных «крайних» выводов легко объяснимы на наш взгляд. Евразийцы, находясь вдали от Родины, искренне надеялись на восстановление новой власти без большевиков. В связи с этим их идеалистические построения на счет будущего России не удивительны. Тем более их азиатскую концепцию питало и неприятие западного образа жизни, в которой они осознавали себя лишними людьми. Татарские и другие национальные историки также в своей идеализации тюркского мира связаны с анализом современного положения дел в национальных республиках Поволжья, и прежде всего Татарстана. Голос историков часто несет в себе националистический подтекст, желание возродить былое величие золотоордынских предшественников, никак не вяжущееся с ограниченным суверенитетом Татарстана как субъекта Российской Федерации.

Настаивая на преемственности ордынских порядков в русской государственности и культуре, Р.С. Хакимов, не отрицает и второй источник российской самобытности – Киевскую Русь. Как один из оригинальных доводов он приводит версию о перенятии двуглавого герба Русью не от Византии через Софию Палеолог, и не через Габсбургов, а гораздо раньше – от Орды. Доказательство этому он находит на монетах хана Джанибека, где встречается уже двуглавый орел⁶⁷⁵.

⁶⁷² Хакимов Р.С. *Метаморфозы духа* (к вопросу о тюрко-татарской цивилизации). С. 295.

⁶⁷³ Там же. С. 218.

⁶⁷⁴ Там же. С. 233.

⁶⁷⁵ Хакимов Р.С. *Два истока российской государственности* // *Родина*. 2005. № 8. С. 47.

Марийский исследователь А.Г. Бахтин (р. 1960) вслед за А.Х. Халиковым, А.Ш. Кадырбаевым, Р.С. Хакимовым, Д.З. Хайретдиновым, Б.Р. Рахимзяновым обращает внимание на инкорпорацию ордынской знати в русскую политическую систему управления. Примеры нахождения на службе у русских князей ордынских царевичей и князей встречаются достаточно часто в русских летописях⁶⁷⁶. В XIV-XV вв. во время усиления междоусобиц в Орде, как отмечает исследователь, начал формироваться слой служилых ордынцев, которые помогали оберегать пограничные территории русских княжеств⁶⁷⁷.

Интересные сведения о культурных заимствованиях представляет статья Г.Ф. Валеевой-Сулеймановой, в которой делается попытка обосновать золотоордынское происхождение шапки Мономаха, о чем прежде говорил И.П. Ермолаев. Первое упоминание в летописи о шапке относится к 40-м гг. XIV в., когда перечисляется оставленное в наследство имущество Ивана Калиты. Основываясь на анализе свидетельства Герберштейна, исследователь пришла к выводу о том, что шапка имела первоначально золотые подвески. Это позволяет автору статьи атрибутировать ее с женским головным убором царственных особ Золотой Орды. Мотивы лотуса, розетки, шестиконечной звезды и крепления камней шапки копируют подобные на головном уборе симферопольского клада, на мамлюкском барабане и других памятниках средневековой монгольской культуры⁶⁷⁸.

Главную проблему в атрибуции тех или иных предметов культуры, на наш взгляд, представляет отсутствие доподлинно сохранившихся источников, позволяющих с высокой долей вероятности относить их к периоду ордынского владычества над Русью. Довольно смелые тезисы Г.Ф. Валеевой-Сулеймановой порой граничат с все тем же стремлением преувеличить значимость и возраст материальных объектов национального

⁶⁷⁶ Веселовский С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М. 1974. С. 285.

⁶⁷⁷ Бахтин А.Г. Образование Казанского и Касимовского ханств. Йошкар-Ола, 2008. С. 147.

⁶⁷⁸ Валеева-Сулейманова Г.Ф. Шапка Мономаха – имперский символ татарского происхождения // Золотоордынская цивилизация. Вып. 1. Ред. И.М. Миргалеев. Казань, 2008. С. 22–28.

татарского культурного наследия, как, например, в случае с башней Сююмбике, которой она находит параллели в Боровицкой башне Московского кремля⁶⁷⁹. Однако, нельзя сбрасывать со счетов эти кропотливые исследования.

Н.Х. Халитов (р. 1950) в своих работах полностью отверг любые возможности соотносить башню Сююмбике с татарской архитектурой. Исходя из внешнего вида башни, ученый сделал вывод о принадлежности ее к русской оборонительной архитектуре XVII-начала XVIII вв. Наличие татарских мотивов автор объясняет необходимостью русской власти после завоевания Казани поддерживать мирные отношения с местным населением⁶⁸⁰.

Н.Х. Халитов попытался сопоставить архитектуру Ярославля с татарскими образцами. Влияние исламского стиля прослеживается, по мнению ученого, во внешнем виде колоколен, в подкарнизных надписях, выложенных изразцами, в настенных росписях и т.д. Характерный способ декаринговки в архитектуре Золотой Орды XIII-XIV вв. ученый заметил на стенах ярославских церквей XVIII в.: Богоявления, Иоанна Предтечи, Иоанна Златоуста, Николы Мокрого, а также в декоре касимовской текии Авган-Мухаммед султана. Заимствования, таким образом, можно проследить на многих уровнях: художественно-образном, композиционном, конструктивном, стилевом, декоративном⁶⁸¹.

Филолог Ф.М. Хисамова в своей монографии осветила вопрос о монголо-татарском влиянии в языке. Ученый полагает, что в течение трех столетий татарский язык являлся «вторым государственным языком» для Российской империи в ее дипломатических взаимоотношениях с Востоком.

⁶⁷⁹ Валеева-Сулейманова Г.Ф. "В советские годы нельзя было говорить о мусульманском искусстве" // Общероссийское информационное агентство мусульман. [Электронный ресурс]. - URL: http://www.info-islam.ru/publ/mnenija/intervju/guzel_valeeva_sulejmanova_quot_v_sovetskie_gody_nelzja_bylo_govorit_o_musul_manskom_iskusstve_quot/4-1-0-11379 (дата обращения: 8.08.2016).

⁶⁸⁰ Халит Н.Х. «Башня Сююмбике — образ Царства Казанского под российским управлением» // Реальное время. [Электронный ресурс]. - URL: <http://realnoevremya.ru/articles/34255> (дата обращения: 8.08.2016).

⁶⁸¹ Халит Н.Х. Исламские параллели в церковной архитектуре Ярославля // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 2. Отв. ред. Б.Р.Рахимзянов. Казань: Ихлас, 2010. С. 173–178.

Здесь мы можем в очередной раз наблюдать явное преувеличение возможностей татарского языка, которое не соответствует действительности. Как нельзя всерьез рассматривать и утверждение автора о том, что в XVI-XVIII вв. «татарский язык был официальным языком дипломатии после крушения последних осколков золотоордынской независимости в Поволжье». Данная региональная письменная традиция, по мнению Ф.М. Хисамовой, в своей основе восходила к литературному языку Казанского ханства и Золотой Орды.⁶⁸²

Башкирский исследователь И.И. Буляков (р. 1984), как и его научный руководитель Б.А. Азнабаев, на основании анализа большого комплекса источников подтвердил вывод о том, что во время принятия башкир в подданство России царская власть вынуждена была использовать золотоордынские методы государственного управления и взаимоотношения с регионами, сформировавшиеся в золотоордынскую эпоху. Это предопределило такие уникальные явления, как сохранение башкирами вотчинного права на родовые земли и широких прав внутреннего самоуправления⁶⁸³.

И.И. Буляков в своем исследовании использовал различные виды источников, выявленных главным образом в РГАДА: законодательные акты, делопроизводственные документы, памятники устного народного творчества. Отдельной проблемой в ходе этих изысканий явилась малочисленность законодательных актов о башкирах в XVII в. Связано это было с тем, что башкиры Уфимского уезда выпали из сферы влияния российского законодательства, а также из-за опустошительного пожара в приказе Казанского дворца в 1701 г., где хранились жалованные грамоты.

В связи с редкостью и информативной обрывностью летописных свидетельств XIII-XVI вв. о башкирах основными источниками для

⁶⁸² Хисамова Ф.М. Татарский язык в восточной дипломатии России (XVI – начало XIX в.). Казань: Татар. кн. изд-во, 2012. С. 5, 372-377.

⁶⁸³ Буляков И.И. Золотоордынские государственные традиции в управлении Башкирским краем во второй половине XVI – первой трети XVIII в. Уфа, 2012. С. 3.

Б.А. Азнабаева и И.И. Булякова выступили упомянутые ранее шежере – генеалогические предания и таварих – историко-литературные сочинения. Многие шежере содержат текст жалованных грамот, полученных в Казани и Москве⁶⁸⁴. Шежере исполняли роль юридических документов, на которые ссылались при подтверждении вотчинных прав или принадлежности к привилегированному классу (бии, тарханы, батыры) Чингизидов⁶⁸⁵. Русский царь, по мнению И.И. Булякова, подчеркивал таким образом свое преемство от золотоордынских ханов, так как жаловать тарханными ярлыками в золотоордынский период имели право только Чингизиды, занимавшие ханский престол⁶⁸⁶.

В 2012 г. вышла еще одна статья, относящая символику российской государственности – двуглавый герб – на счет ордынского влияния. Напомним, что до этого данного вопроса в своих исследованиях касался Р.С. Хакимов. Н.Н. Халитова и Н.Х. Халитов утверждают, что монеты с изображением двуглавого орла встречаются не только в период правления Узбека и Джанибека, но и раньше, в период правления Тохты (1291-1312)⁶⁸⁷. Они в числе прочих ссылаются на Д.М. Исхакова, который на основании анализа татарской исторической рукописи «Дефтер-и Чингис-наме» обратил внимание на то, что двуглавая черная птица была в числе клановых атрибутов Чингис-хана⁶⁸⁸. Несмотря на то, что в средневековом ордынском архитектурном орнаменте пока не найдены фактические примеры использования двуглавого орла, исследователи уверены, что последний имел

⁶⁸⁴ Башкирское шежере. Уфа, 1960. С. 45.

⁶⁸⁵ Буляков И.И. Ук. соч. С. 18.

⁶⁸⁶ Там же. С. 118-119.

⁶⁸⁷ Халитова Н.Н., Халитов Н.Х. Двуглавый орел в исламском и тюрко-татарском средневековом искусстве // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 5. Вопросы источниковедения и историографии истории средневековых тюрко-татарских государств. Казань, 2013. С. 111.

⁶⁸⁸ Исхаков Д.М. Клановая принадлежность «дома Чингис-хана» (Алтын Урука) и его атрибуты (постановка проблемы) // Средневековая археология евразийских степей. Материалы учредительного съезда международного конгресса. Казань, 14-16 февраля 2007 г. Т. 2. Серия «Археология евразийских степей». Вып. 2. Казань, 2007. С. 29.

заметное композиционное место и значение в татарском архитектурно-декоративном искусстве⁶⁸⁹.

В последние годы историки из Татарстана уделяют особое внимание позднезолотоордынскому периоду. В контексте вопроса о заимствованиях представляют большой интерес работы молодого исследователя из Татарстана Б.Р. Рахимзянова (р. 1976). Концептуально линия заключений этого ученого является близкой концепциям В.В. Вельяминова-Зернова, В.В. Трепавлова, Б.А. Азнабаева и других историков об очевидной преемственности черт золотоордынской государственности в системе управления Московского великого княжества, а затем Русского царства и даже Российской империи.

В новейшей работе 2016 г. Б.Р. Рахимзянова «Москва и татарский мир» делается попытка обозначить Москву как политическую единицу, подвергшуюся влиянию золотоордынских институтов будучи включенной в позднезолотоордынскую политику на позициях подчиненной стороны. Одним из главных выводов историка является тезис о том, что Москва была не внешним, а внутренним игроком на данной политической карте, но со временем она приняла на себя роль сюзерена над осколками Золотоордынского государства, то есть поменялась местами с Сараем. Московский великий князь, как полагает исследователь, принял на себя титул верховного правителя и уже сам начал вести выгодную для себя внешнюю политику по отношению к ордынским юртам, приглашая степных чингисидов на службу и участвуя в борьбе за власть между ними. Б.Р. Рахимзянов, как и Б.А. Азнабаев, отмечает употребление в русских актовых документах ордынских терминов и выражений «ярлык», «дань», «посадить хана», «сделать хана», «жалованная грамота», как, например, в

⁶⁸⁹ Халитова Н.Н., Халитов Н.Х. Ук. соч. С. 112.

случае с исходящими документами от Ивана IV к сибирскому хану Кучуму⁶⁹⁰.

Б.Р. Рахимзянов полагает, что Москва стала наследницей Золотоордынских порядков государственного строительства. По ее образцу Касимовское ханство и другие юрты на территории Московии были созданы на специальных условиях, где пришлые ордынские царевицы имели особый статус. Москва включала прибывающих монголо-татар в уже готовую систему путем воспроизводства степного института (юрт) на территории самого Московского государства⁶⁹¹.

Историк говорит об «органической включенности» московской политики XV-XVI вв. в позднезолотоордынскую, причем политически и экономически Московия была частью тюрко-монгольского мира с самого его возникновения. Эти выводы он основывает на анализе материалов дипломатической переписки между Москвой и позднезолотоордынскими государствами⁶⁹². Дипломатическая документация включала в себя грамоты правителей друг-другу, записи о переговорах, инструкции послам в татарские государства и их отчеты. В дипломатических документах, как отметил историк, отсутствует принципиальный антагонизм, даже в период резких обострений внешнеполитических отношений. В своих исследованиях историк опирался на посольские книги, посольские дела, общерусские и местные летописания, русский актовый материал (духовные и договорные грамоты, шертные и жалованные грамоты), описи архивов XVI-XVII вв., разрядные, писцовые и переписные книги⁶⁹³.

Влияние монголо-татарского элемента, по мнению исследователя, сказалось и в географической плоскости через появление фронтальных зон смешения русской и ордынской социокультурной парадигмы, ярким

⁶⁹⁰ Рахимзянов Б.Р. Москва и татарский мир. Сотрудничество и противостояние в эпоху перемен XV–XVI вв. СПб.: Евразия, 2016. С. 141.

⁶⁹¹ Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань: Татар. кн. изд-во, 2009. С. 62-63.

⁶⁹² Рахимзянов Б.Р. Москва и татарский мир. С. 202.

⁶⁹³ Там же. С. 12-19.

примером которой является Касимовское ханство⁶⁹⁴. Несмотря на заимствования в административной, дипломатической и финансовой ордынской практике, Б.Р. Рахимзянов отмечает, что заимствований из культурной среды было крайне мало. Ученый связывает это с ценностными установками в религиозной традиции как одной, так и другой стороны⁶⁹⁵.

Таким образом, региональная историография влияния монголо-татарского ига на социально-политические институты и культуру Северо-Восточной Руси накопила большой объем научных исследований с начала XX столетия. Лидером в этой области является Республика Татарстан, где проблеме ордынского наследия в российской государственности уделяется особое место. Научные изыскания по проблемам ордынской преемственности там начались еще в конце XIX-начале XX в., но резкий взлет этих исследований необходимо отчитывать с 1940-х гг. XX в., когда в Казани был открыт сектор истории в рамках Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР. Советские годы стали также и временем испытаний, выпавших на долю казанских и не только историков. После издания постановления ЦК ВКП(б) 1944 г. «О состоянии и методах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации» свободное изучение истории Золотой Орды и ее наследников оказалось фактически под запретом. Но идеологический напор ощущался и ранее, примером чему стала трагическая судьба талантливого исследователя истории Казанского ханства М.Г. Худякова, расстрелянного в 1936 г.

В 40-60-е гг. было написано исследование о влиянии монголо-татар на русскую жизнь С.С. Аверкиева, которое не могло быть опубликовано при жизни автора в силу понятных причин. В 1960-е – 1970-е годы вышли фундаментальные труды М.Г. Сафаргалиева и М.А. Усманова, которые под иным ракурсом осветили новые стороны «татарской проблемы». Это

⁶⁹⁴ Рахимзянов Б.Р. Москва и татарский мир. С. 231.

⁶⁹⁵ Там же. С. 213.

позволило ученым несколько отойти от устоявшейся с конца 1930-х гг. однополярной схемы Грекова-Якубовского, которая господствовала до конца 1980-х гг.

В перестроечный период наблюдается оживление региональной историографии в национальных республиках СССР, но возрождение исследований вопроса о роли и месте золотоордынской государственности началось с начала 1990-х гг., когда в новых социально-политических условиях ранее закрытые темы получили возможность свободного толкования и анализа. Эти тенденции совпали с образованием Института истории им. М. Шарджани Академии наук Республики Татарстан, который стал лидером исследований золотоордынского наследия в стране.

Для татарской историографии 1990-х гг. стала характерной проблема появления работ, где резко преувеличивалась роль Золотой Орды и татарского мира в становлении российской государственности, сопровождавшихся часто националистическими выпадами и попытками переписать историю заново. Фактически маятник исследований качнулся в противоположную сторону по сравнению с советским периодом. Если советская историография страдала принижением роли монголо-татарского ига в истории России, обозначая его как абсолютно отрицательное явление, то казанские историки стали говорить о национальной исключительности татарской истории.

Своеобразным ответом на эти вызовы стало проведение совместных научных дискуссий российских и казанских ученых, выпуск коллективных монографий, которые призваны были погасить накал полемики в общественной и научной среде. Важным событием стало обсуждение вопроса о влиянии монголо-татарского ига в исторических судьбах России в ходе круглого стола «Татарский вопрос», прошедшего в 2003 г. в Москве.

Отличительной особенностью региональных и прежде всего казанских исследователей является мысль о преемственности Русью золотоордынской государственности, причем многие из них являются явными или скрытыми

наследниками Евразийской школы: С.С. Аверкиев, М.Г. Худяков, Р.С. Хакимов, И.П. Ермолаев, И.Р. Тагиров, Б.Р. Рахимзянов и др. Но если взглянуть в глубину их концепций, то можно заметить и принципиальные различия в подходах к этой преемственности. Если И.П. Ермолаев считает, что в эпоху правления Дмитрия Донского и его наследников в конце XIV – начале XV вв. отношения Орды и Москвы можно назвать «партнерскими», то Б.Р. Рахимзянов даже в период существования наследников золотоордынской державы в XV - XVII вв. определяет Москву как «внутреннего игрока» в системе тюрко-татарского мира.

Налицо эклектичность теоретических построений о монголо-татарском наследии в среде региональных ученых. Так, Р.С. Хакимов является последователем мысли С.М. Соловьева о том, что процесс упадка удельных княжеств на Руси начался еще в домонгольский период. Одновременно он не признает другой тезис С.М. Соловьева о незначительной роли монголо-татар, являясь сторонником евразийской теории. Как известно, евразийцы были близки скорее к славянофильскому подходу, чем к западническому воззрению на исторический процесс С.М. Соловьева. Однако, несмотря на пестроту доказательной базы казанских историков, неизменной целью их изысканий остается желание доказать главенствующую роль влияния татарского фактора в любой исследуемой сфере – государственность, менталитет, дворянское сословие, царский церемониал, архитектура, язык, титулатура и т.д. Этот тезис является точкой отчета любых концептуальных построений историков и ставит заранее в неравные условия любое инакомыслие – то с чем сталкивались казанские исследователи в советское время.

Башкирские исследователи Б.А. Азнабаев и И.И. Буляков на основе исследования шежере (источники по генеалогии) довольно убедительно обосновали тезис о перенятии российскими монархами золотоордынской практики взаимоотношений с башкирскими племенами, что являлось традиционным способом ведения дел между официальной властью и

местными национальными общинами вплоть до XVIII в. Здесь прослеживается целенаправленная работа с источниковым материалом, которая отличается взвешенностью суждений и отсутствием отсылок к национальной исключительности.

Национальные историки не имеют единства в трактовке термина «ига» по отношению к Руси. И.П. Ермолаев считает его неуместным, Р.С. Хакимов определяет «иго» как «грандиозный миф», а Ф.Ф. Мухаметов выдвигает точку зрения о том, что термин «иго» в отечественную историческую науку был впервые привнесен М.В. Ломоносовым. Так или иначе, существует определенные области, где отрицать присутствие последствий ордынского владычества не представляется возможным в силу наличия очевидных доказательств. Одна из таких областей – сведения о роли ордынских служилых царевичей на службе у московского государя. Об этом единогласно упоминают источники и целый ряд национальных историков: А.Х. Халиков, И.П. Ермолаев, А.Г. Бахтин, Д.З. Хайретдинов, Б.Р. Рахимзянов, Р.С. Хакимов и многие другие. Другой вопрос, каковой была степень рецепции монголо-татарских родов в общем порядке становления российского служилого дворянства? Нам представляется не совсем точным утверждать однозначно, что у истоков российского служилого сословия стояли представители высших кругов прежде единого золотоордынского государства. Тем более опрометчиво говорить о том, что татарские, а не какие-либо другие служилые сословия были основой российского дворянства. Известно, что в формировании российского служилого сословия участвовали выходцы из Литвы, Польши и других стран.

К теме культурных заимствований Руси от Орды на современном этапе обращались многие исследователи из Татарстана, несмотря на ее сложность и отсутствие источниковой базы. Вслед за М.Г. Худяковым влияния в различных областях культуры касались в своих работах С.С. Аверкиев, Д.М. Исхаков, Р.С. Хакимов, Н.Х. Халитов, Ф.М. Хисамова, Г.Ф. Валеева-Сулейманова и др. Вопрос культурных заимствований Русью в

золотоордынской традиции является одним из главных, но одновременно и самым трудным для изучения. Причина этого – отсутствие вещественных памятников, которые могли бы послужить образцами для сравнительного анализа. Несмотря на это, работа по изучению культурного наследия золотоордынской цивилизации ведется. К таковой можно отнести исследование атрибуции шапки Мономаха (И.П. Ермолаев, Г.Ф. Валеева-Сулейманова), архитектурных заимствований (С.С. Аверкиев, М.Г. Худяков, Н.Х. Халитов), языковых (Ф.М. Хисамова), влияние в области государственной символики (Д.М. Исхаков, Н.Н. Халитова, Н.Х. Халитов) и другие проблемы.

Касаясь вопроса происхождения символа Российской империи – двуглавого орла, казанские историки выдвинули ряд небезынтересных идей о его ордынской природе. Р.С. Хакимов, опирается в этом вопросе на обнаруженные нумизматами монеты периода правления хана Джанибека, имеющие изображение двуглавого орла. Такого же подхода придерживаются Н.Н. Халитова, Н.Х. Халитов, Д.М. Исхаков.

На протяжении XX-XXI столетий вопрос о влиянии монголо-татарского ига в национальной историографии получил широкое освещение. Благодаря деятельности ученых из Татарстана Казань стала центром изучения золотоордынского наследия в России. Ученые Татарстана вносят заметный вклад в разработку «татарского вопроса». В составе Института истории им. М. Шарджани с 2006 г. плодотворно работает Центр исследований истории Золотой Орды им. М.А. Усманова, в рамках которого немаловажное место занимает проблема влияния периода золотоордынского владычества на российскую государственность. В течение последних лет Центром выпущено более 20 монографий по золотоордынской тематике, многие из которых касаются проблемы ордынских заимствований на Руси, издается периодический сборник «Золотоордынское наследие», ведется составление научно-библиографического свода по историографии улуса Джучи, с 2011 г.

издается сборник «Нумизматика Золотой Орды»⁶⁹⁶. Несмотря на имеющиеся проблемы разноплановой интерпретации вопроса о влиянии монголо-татарского ига в привязке к национальной традиции, продолжается оживленная совместная работа исследователей из центров изучения ордынского наследия в Москве, Санкт-Петербурге, Казани, Уфе и других городах.

Современный уровень развития исторических знаний о золотоордынском периоде требует осторожного подхода к такой тонкой проблеме, как влияние монголо-татарского ига. Сложность данного вопроса заключается еще и в том, что он затрагивает национальную тему и в связи с этим требует особенно щепетильного обращения с терминами. Думается, что трактовка этой проблемы с резкими характеристиками тех или иных исторических событий не представляется уместной. Так, Ш.Ф. Мухамедьяров в одной из своих статей высказал предельно спорную мысль о том, что история Золотой Орды образует «становой хребет» не только татарской общности, но и всей российской государственности, поскольку именно на ее территории были объединены предки современных тюркских и финно-угорских народов Российской Федерации⁶⁹⁷. Еще абсурдней выглядят мысли Р.С. Хакимова, Ш.Ф. Мухамедьярова, Ф.Ф. Мухаметова о том, что Золотая Орда была исторической родиной русского народа.

Московский исследователь А.Ш. Кадырбаев заметил, что попытки научных кругов Татарстана соотнести золотоордынское наследие исключительно с казанско-татарским этносом и его историей сродни определенному «мифотворчеству», так как понятна связь происхождения казанских татар с волжскими булгарами, чья государственность была

⁶⁹⁶ Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова // Сайт Института истории им. Ш. Марджани АН РТ [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.tataroved.ru/institut/cizc/> (дата обращения: 5.08.2016).

⁶⁹⁷ Мухамедьяров Ш., Хамидуллин Б. Ук. соч.

сокрушена монголами в XIII столетии⁶⁹⁸. На наш взгляд очевидно, что становым хребтом в истории России являлся славянский фундамент, но это не отрицает того, что на него накладывались и ордынские, и византийские, и западноевропейские заимствования. Монголо-татарский этнос не мог взять на себя подобную объединяющую миссию уже в силу своей относительной малочисленности. Все эти факторы не отрицают значимости ордынского фактора в истории Северо-Восточной Руси, которая на протяжении почти 250 лет находилась в зависимости от него.

Как считает В.В. Трепавлов, трактовки ига в школьных и вузовских учебниках в дореволюционный и советский периоды были продиктованы идеологическим схематизмом, отсюда и вытекало отрицательное отношение к итогам монголо-татарского владычества. В целом же даже относительно Руси нельзя синтезировать однозначную оценку. Термин «иго», по мнению ученого, представляет собой глобальное явление и перелом всей российской истории, который обычными эмоциональными мерками «хорошо/плохо» оценивать некорректно, также как, например, Великую Отечественную войну. Историк обратил внимание на двойственность данной проблемы: если для русских людей Золотая Орда и ее ханы представляли традиционный образ завоевателей, то для множества тюркских народов России Золотая Орда была этнической колыбелью⁶⁹⁹.

⁶⁹⁸ Кадырбаев А.Ш. Золотая Орда как предтеча Российской империи // CA&CC Press® AB /Central Asia & Central Caucasus Press AB. [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.ca-c.org/datarus/kadirbaev.shtml> (дата обращения: 30.07.2016).

⁶⁹⁹ А было ли иго? // Родина, 1997, № 3-4. С. 86.

Заключение

Историография вопроса о монголо-татарском влиянии на Русь проделала сложный путь длиной более чем в два с половиной столетия. Приблизительно столько же длилось и само ордынское владычество, споры об итогах которого продолжают волновать умы отечественных и не только историков. Но какими разными не были бы выводы ученых необходимо признать, что этот период имеет важное значение в истории России и, хотим мы того или нет, процессы, происходившие на Руси в XIII-XV столетии так или иначе отразились на ее последующей судьбе. Существенную сложность разработки проблемы о влиянии монголо-татарского ига обозначил в начале XX столетия К.А. Стратонитский (1865-?): «Ни в одной книге, ни в одной статье, где рассматривается та или другая сторона нашей жизни хотя сколько-нибудь с исторической точки зрения, не обходится без упоминания о татарах, татарщине, татарских обычаях... А между тем едва ли можно указать на какой-либо другой вопрос в русской истории, который был бы так мало разработан, как вопрос о татарах»⁷⁰⁰.

Первые упоминания вопроса о монголо-татарском влиянии мы находим в трудах В.Н. Татищева и И.Н. Болтина. Именно в XVIII столетии в России появляются робкие попытки хоть как-то оценить период ордынской зависимости, о котором прежде не существовало специализированных исследований. Связано это было с общей неразработанностью истории России, которая только зарождалась под пером В.Н. Татищева. Однако, следует признать, что и в дотатищевский период существовала определенного рода «оценка» ига в трудах летописцев и отдельных авторов – «Послание» Спиридона-Саввы, «Синописис» Инокентия Гизеля, «Скифская

⁷⁰⁰ Стратонитский К.А. Монгольское управление покоренным Китаем и Арменией. М., 1913.

история» А.И. Лызлова и др. По своей структуре они представляют скорее «историческое знание», чем научный труд, но, в то же время, имеют значительный потенциал для исследования.

Поворотным моментом в освещении «татарского вопроса» стало появление «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, которому по праву присвоили титул «колумба русской истории». Вопрос об ордынских заимствованиях у Н.М. Карамзина получил совершенно новое развитие. Один из главных тезисов историка состоял в том, что под воздействием ханской власти произошла централизация Руси, историческим ядром которой стало Московское государство. Взгляды Н.М. Карамзина на значение ига для Руси стали на долгие годы определяющими среди последующих историков, в числе которых А.Д. Градовский, Н.И. Костомаров, Д.И. Иловайский и многие другие. Попытка Н.А. Полевого обвинить Н.М. Карамзина в описании «истории правителей» в ущерб «истории народной» оказалась тщетной. Н.А. Полевой представил появление деспотизма в народе как главный итог ордынского владычества, но слабое знание источников не позволило ему продвинуться в изучении этого аспекта, о чем упоминал А.Н. Насонов.

Со второй половины XIX столетия основные положения о монголо-татарском влиянии на Русь нашли свое развитие в концепциях представителей государственной школы, которые впервые подвергли критике схему Н.М. Карамзина. Здесь нужно выделить труды С.М. Соловьева, который считал, что иго не играло решительной роли в становлении российских политических институтов, корни которых, по мнению ученого, берут свое начало в домонгольский период. Этот подход нашел своих сторонников в лице таких авторитетных историков, как В.И. Сергеевич, В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов. Можно сказать, что оценка С.М. Соловьевым монголо-татарского ига господствовала в отечественной историографии до 1917 года.

Но даже с появлением марксистской школы традиции государственно-юридического направления, заложенные в дореволюционный период,

продолжали влиять на концепции советских историков. Не потеряли своей актуальности труды «государственников» и в настоящий период, подтверждением чему служат постоянные отсылки современных историков на труды С.М. Соловьева, А.Д. Градовского, К.Д. Кавелина, В.И. Сергеевича, В.О. Ключевского и др. Вклад славянофилов в разработку данного вопроса был менее продуктивным. Наиболее плодотворные изыскания славянофилов нужно отнести на область русского права, которое сопоставлял с ордынским историк-правовед И.Д. Беляев. Одним из главных выводов ученого было утверждение о становлении на Руси администрации по китайскому образцу.

Смена политического режима в России в 1917 г. сказалась как на дальнейшем развитии отечественной исторической науки в целом, так и на отношении к вопросу об ордынских заимствованиях на Руси, в частности. Марксистская историческая наука придавала главное значение отныне экономическим факторам, как основной движущей силе исторического процесса, наряду с борьбой классов. В связи с этим на первый план вышли работы двух историков-марксистов: Н.А. Рожкова и М.Н. Покровского. Они уделили главное внимание изменению торговых путей в условиях ордынской зависимости, а также становлению финансово-податной системы на Руси.

Взгляды М.Н. Покровского господствовали в науке вплоть до начала 1930-х гг., когда уже после смерти ученого против него началась политическая кампания. М.Н. Покровского обвиняли в «вульгарном социологизме», «антимарксизме», «антипатриотизме» и «очернительстве истории России», что сказалось на отрицательном отношении официальной науки к его видению последствий монголо-татарского ига. Итогом кампании стал выход в 1940-м г. сборника «Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского», где критическому переосмыслению подверглись и его взгляды на последствия ордынской зависимости. В первой половине XX столетия большой вклад в перевод и публикацию иностранных источников (китайских, монгольских, персидских) внесли советские востоковеды, в числе которых нужно отметить С.А. Козина, В.В. Бартольда, Е.Э. Бертельса,

И.П. Петрушевского и др. Разработанная этими учеными источниковая база стала надежной опорой выходящих на протяжении всего советского периода научных монографий по «татарскому вопросу».

В 30-е – 50-е годы проблема влияния Золотой Орды на Русь нашла наиболее заметное развитие в трудах А.Н. Насонова и Б.Д. Грекова. Выпущенные историками монографии «Монголы и Русь» и «Золотая Орда и ее падение» стали этапными. Историческая концепция А.Н. Насонова-Б.Д. Грекова базировалась на строго отрицательной оценке последствий ордынского ига. Этот подход стал единственно возможным в советской науке и определял разработку всех последующих монографий по «татарскому вопросу» вплоть до перестройки. Он кардинально пересматривал сформировавшийся в дореволюционной историографии взгляд, согласно которому монголо-татарскому игу отводилась решающая роль в становлении единого русского централизованного государства под главенством Москвы. Принципиальное отличие советского подхода состояло в том, что историки понимали объединение Руси не как результат целенаправленных действий хана, а как результат активной борьбы Руси с ним. Другими словами, объединение Руси состоялось не благодаря, а вопреки ордынской политике.

В 60-80-е гг. появились труды Б.А. Рыбакова, Л.В. Черепнина, М.Н. Тихомирова, Г.А. Федорова-Давыдова, В.Л. Егорова, В.А. Кучкина, которые, находясь в рамках марксистской концепции, сделали ряд важных выводов касательно ордынского влияния в области политики, культуры, сельского хозяйства, торговли, миграции и т.д.

Параллельно с марксистской школой на Западе получило широкое развитие движение евразийцев, которое по-особенному смотрело на преемственность российских политических институтов. Фундамент своей научной и политической платформы евразийцы позаимствовали у славянофилов. В основе российской государственности они видели империю Чингис-хана, под влиянием которой Русь смогла объединить

многочисленные народы на пространстве Евразии. Таким образом, Русь в глазах евразийцев представляла собой удачный симбиоз туранской государственности и православной религиозности, которая пришла из Византии. Главными представителями этого учения были Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Э. Хара-Даван, Г.В. Вернадский, Л.Н. Гумилев и другие. Необходимо отметить, что евразийская теория обладает слабым научным обоснованием и скорее представляет собой историософскую концепцию. Наиболее обеспеченными источниками, пожалуй, можно назвать научные взгляды Г.В. Вернадского. Попытку возродить евразийскую теорию предпринял в конце XX столетия Л.Н. Гумилев, но его сомнительная «теория этногенеза» также нашла немало критиков в научной среде. Взгляды этого ученого имеют ту же проблему что и все евразийцы – подмена подлинных исторических исследований историософскими параллелями.

В начале 1990-х гг. произошли коренные изменения на пространстве государств, входящих в состав СССР. Новая политическая система открыла возможности переосмыслить тот научный багаж, который был накоплен дореволюционной и советской историографией по «татарскому вопросу». Благодаря этому удалось отойти от традиционной схемы марксистской школы, оценивающей прежде в одном направлении последствия монголо-татарского ига. Основное внимание теперь сместилось из области экономического анализа в сторону исследований воздействия ига на становление системы власти в древнерусском государстве.

Наиболее успешно эта тема была раскрыта в работах А.А. Горского, В.В. Трепавлова, Ю.В. Селезнева. Красной нитью в трудах этих историков проходит мысль о том, что власть хана на Руси воспринималось как высшая, в связи с чем византийский титул «царь» перешел на хана Золотой Орды со всеми вытекающими последствиями. Концепции А.А. Горского и В.В. Трепавлова на сегодняшний день являются определяющими для нашей темы. А.А. Горский внес большой вклад в изучение данного вопроса, основываясь на анализе древнерусских источников и актовых материалов.

Отличительной особенностью трудов В.В. Трепавлова является его первоочередное внимание к тюркским источникам, попытка постоянного поиска новых смежных областей знаний, способных пролить свет на проблему заимствований Русью соответствующих институтов Орды.

Другой важной тенденцией современных исследователей является точка зрения о том, что татаро-монгольское владычество не оказало значительного воздействия на Русь, которая оставалась внешним политическим игроком, пусть и в статусе вассала. Такую позицию высказали Т.Д. Скрынникова, В.Л. Егоров, В.В. Трепавлов, Э.С. Кульпин, Д.Ю. Арапов, Ю.В. Кривошеев и другие. Однако, ряд исследователей полагают, что отношения Орды и Руси скорее уместней характеризовать как не вассальную, а министеральную зависимость, основанную на жесткой вертикали власти и строгом подчинении – Д.М. Котышев, А.Л. Юрганов, В.Н. Рудаков и др.

Некоторой переоценки подверглись понимание последствий ига для церкви и системы права на Руси в работах И.В. Белозерова, Ю.В. Сочнева, Р.Ю. Почекаева и др. Вопрос о миграции населения под действием ига не нашел однозначного подхода. В.А. Кучкин, видел в нашествии причину ухода населения на север, где создавались новые города, а В.В. Трепавлов, Э.С. Кульпин видели в миграции более не военно-политические, а социально-экономические причины, например, развитие сельского хозяйства в этих районах.

Особое значение на современном этапе имеет исследование данного вопроса в работах ученых из национальных республик, прежде всего Татарстана, где проблемами золотоордынского наследия занимается специально созданный Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. Работы исследователей из Татарстана порой отличаются излишней политизированностью, уклоном в национализм, что заметно мешает научной разработке поставленных проблем. В трудах Р.С. Хакимова, И.П. Ермолаева, И.Р. Тагирова, Б.Р. Рахимзянова делается акцент на формировании политической системы Московского государства по

лекалам Золотой Орды, историки указывают на органичную встроенность Руси в ее состав. Данная концепция находит созвучие с евразийской, причем некоторые ученые доходят до явно парадоксальных высказываний о том, что Золотая Орда была местом формирования русского народа – Р.С. Хакимов, Ш.Ф. Мухамедьяров, Ф.Ф. Мухаметов. Более научно обоснованными выглядят работы башкирских ученых Б.А. Азнабаева и И.И. Булякова, которые на основании анализа шежере (документальные генеалогические записи племен и родов у башкир) смогли доказать преемственность от Золотой Орды схемы управления подчиненными племенами от лица царской власти.

Для того, чтобы более детально проследить изменения концепций историков по отношению к вопросу о влиянии монголо-татарского ига на Русь необходимо применить проблемный подход. Наибольшее место ученые в своих исследованиях уделяли вопросу влияния Золотой Орды на **систему власти** Древнерусского государства. Этот большой блок в свою очередь разделяется на несколько подвопросов: формирование централизованного государства, генезис самодержавной власти, титулатура, феодальные отношения, инкорпорация ордынской знати, принцип передачи власти и др.

Выдвинутая еще в начале XIX в. Н.М. Карамзиным мысль о том, что монголо-татарское иго было источником формирования русского самодержавия, нашла много сторонников и имеет влияние на воззрения ученых вплоть до сего дня. Среди наиболее ярких последователей Н.М. Карамзина был Н.И. Костомаров, который утверждал, что ханы переделали русских людей из правителей в вотчинников. Эту мысль он взял у А.Д. Градовского, отмечавшего также, что под действием ига князь впервые стал собственником государства. Идея усиления вотчинного начала объединяла представителей историко-юридического направления – А.Д. Градовского, К.Д. Кавелина, Б.Н. Чичерина, но у А.Д. Градовского, в отличие от К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина, преобладающим было все-таки государственно-вотчинное начало, а не частно-вотчинное. О том, что система

управления способствовала перерастанию отношений феодального суверенитета в государственный упоминала в советской историографии Л.В. Данилова.

Точка зрения С.М. Соловьева о том, что замена родовых отношений государственными началась еще задолго до нашествия монголо-татар, а роль ига незначительна в русской истории, также нашла много последователей, среди которых В.И. Сергеевич, В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов. В.О. Ключевский подчеркивал, однако, что монголо-татарское иго способствовало единству русских князей, о чем говорил и Н.И. Хлебников.

Двойственностью взглядов по вопросу о воздействии ига на политические институты северо-восточных княжеств отличались К.Н. Бестужев-Рюмин и М.Н. Покровский. Первый примирял обе враждующие стороны, а второй, признавая значительную роль ига вслед за Н.М. Карамзиным и Н.И. Костомаровым, в то же время говорил о том, что иго не внесло ничего нового в русскую историю. М.Н. Покровский, как С.М. Соловьев утверждал, что корни многих политических институтов берут свое начало в домонгольский период. Н.А. Рожков находился так же, как и М.Н. Покровский, у истоков формирования марксистской исторической школы. Двух этих исследователей отличает то, что их работы писались без идеологического давления, которое начнет проникать во все сферы социальной и культурной жизни Советского государства с конца 1920-х гг. Н.А. Рожков отмечал, что княжеская власть усилилась при монголо-татарах, а круг их обязанностей сократился до нормативно-финансовой деятельности. Усиление деспотизма в княжеской среде подчеркивали Ю.В. Кривошеев, В.В. Похлебкин, А.Л. Юрганов, Д.М. Котышев, Т.В. Черникова.

Неоднозначным подходом отличаются позиции А.А. Горского и Ю.В. Селезнева по поводу института старейшинства великого князя. А.А. Горский и Д.М. Котышев считают, что благодаря институту старейшинства происходила централизация Российского государства, а Ю.В. Селезнев, как и Д.Н. Александров полагают, что институт

старейшинства начал разрушаться в эпоху татаро-монгольского ига, так как приоритет в разборе внутренних противоречий был на стороне ханской воли. Стоит отметить, что в более поздних работах Ю.В. Селезнев сместил акцент в сторону незначительного влияния Орды на русские внутривластные процессы.

Важным элементом властной системы средневековой Руси было вече. Уничтожение вечевых институтов во время ига отмечали Н.И. Костомаров, В.И. Сергеевич, Д.И. Иловайский, Д.И. Багалей и А.Н. Насонов, причем последний одной из важных причин этого видел стремление ханской власти оторвать местных князей от влияния народных собраний. Н.Г. Устрялов и С.М. Соловьев усматривали причину падения вечевых институтов не в монголо-татарах, а в социально-политических процессах, которые зародились еще в Киевской Руси и были связаны с властью князя. М.Н. Тихомиров, Ю.А. Лимонов, С.Г. Пушкарев, И.Я. Фроянов, Ю.В. Кривошеев считали, что вечевые институты не были упразднены во время ига и принимали активное участие в государственном управлении наряду с князем вплоть до XIV в. В настоящий момент влияние Орды на подавление вечевого института большинство историков не ставит под сомнение, дискуссии вызывают лишь вопросы о том, когда он был упразднен на Руси.

Упоминания востоковедов Н.И. Веселовского и В.В. Бартольда о влиянии ордынской придворной практики на посольский церемониал заставляют отнестись довольно серьезно к этой проблеме, которая нашла отражение также в трудах М.А. Веневитинова и В.И. Саввы. В советское время ее касался Л.А. Юзефович, в современный период – В.В. Похлебкин, С.Ф. Фаизов и др. Эта одна из наименее исследованных областей знаний об ордынском воздействии ждет своего исследователя, причем перспективным методом решения данной проблемы является работа с иностранными источниками и дипломатическими документами.

Не вызывает сомнения и вхождение ордынской знати в систему власти формирующегося в XVI в. Российского централизованного государства, когда ордынские царевицы переходили на службу к московскому великому князю. Этому вопросу уделено место в своих монографиях С.О. Шмидт, А.А. Горский, В.В. Трепавлов, Ю.В. Селезнев, А.Ш. Кадырбаев и др. Особый акцент на включенности тюркской знати в царский государственный аппарат сделали ученые из национальных республик, среди которых можно выделить труды А.Х. Халикова, А.Г. Бахтина, Д.З. Хайретдинова, И.П. Ермолаева, Б.А. Азбелева и др. В то же время, довольно трудно определить степень внедрения ордынской знати в российский государственный аппарат.

После свержения монголо-татарского ига великий князь начинает именоваться титулом «Белый царь», что свидетельствует о преемственности власти от сарайских ханов, о которой говорили А.А. Зимин, Э. Хара-Даван, А.А. Горский, В.В. Трепавлов, И.П. Ермолаев и др. Другая часть историков относил преемственность титула «царь» не на ордынское, а на византийское влияние: С.М. Соловьев, М.А. Дьяконов, В.И. Савва, К.Д. Кавелин и др. Более точное определение, на наш взгляд, дал А.А. Горский, который обоснованно указал, что термином «царь» на Руси обозначали Византийского императора, но после нашествия его значение перешло на ордынского хана. В условиях падения ига этим термином уже начали именовать русских князей, а затем в 1547 г. Иван IV официально принял этот титул.

Вторым по числу упоминаний в историографии фактором является **культурное влияние**. В этой теме также можно выделить несколько подтем, которые необходимо обобщить.

Историки отмечали, что, несмотря на нашествие, Русь не была полностью ограждена от влияния западной культуры, как это утверждали славянофилы и евразийцы. О том, что в московский период Россия подвергалась влиянию со стороны Западной Европы, писали в своих работах Н.М. Карамзин, Н.А. Полевой, В.В. Бартольд, Б.Д. Греков. Ученые отмечают воздействию ига на летописную традицию, в которой взаимоотношения с

Ордой описываются в осторожном тоне, а ордынский хан признается легитимным сюзереном русских земель. Нашествие и последующая зависимость тяжело сказались на упадке летописания, прерывании сведений о соседних княжествах, делении летописей на две линии поддержки княжеских группировок (северо-восточную и юго-западную), о чем упоминают Д.И. Багалеи, С.К. Шамбинаго, Б.А. Рыбаков, И.У. Будовниц, П.Н. Савицкий, В.А. Кучкин, А.С. Демин, Ю.В. Селезнев, А.О. Амелькин.

Влиянию подверглись русские нравы, ментальность народа, приобретшие после нашествия такие качества, как огрубение и политическая пассивность, которые отмечают Н.И. Костомаров, Н.А. Полевой, М.С. Гастев, В.И. Кельсиев, В.П. Даркевич, И.П. Ермолаев, Г.С. Рыкина и многие др. Ряд исследователей указывают на возрождение русской религиозной жизни в тяжелых условиях иноземного владычества, появление таких индивидуальных черт, как аскеза, фатализм, суровая духовная дисциплина. Об этом писали евразийцы Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Г.В. Вернадский, а также отечественные исследователи Д.И. Иловайский, С.К. Шамбинаго, Н.С. Борисов, В.П. Даркевич, В.А. Кучкин, В.В. Каргалов и др. Доказательной базой для историков служат как летописные сведения, в которых заметно изменение настроений в обществе в условиях ордынской зависимости, так и археологические находки, количественно и качественно уступающим домонгольским образцам.

Разрыв духовных связей между Северо-Восточной и Юго-Западной Русью исследователи соотносили с различными факторами. Н.Г. Устрялов относит разделение Руси на счет целенаправленной политики Орды. М.С. Грушевский видит причиной разные этнические корни Украины и Московии, причем влияние Орды, по его мнению, было сильнее на Москву. Л.В. Черепнин выводил эти процессы более не из ига, а из развития феодальных отношений, которые способствовали начавшемуся культурно-экономическому обособлению русских княжеств еще в домонгольский период. Разделение древнерусской народности на три ветви (великороссов,

белороссов и малороссов) под воздействием ига отмечали также А.А. Шахматов, С.Ф. Платонов, Н.И. Костомаров, И.У. Будовниц, Г.В. Вернадский, Д.Г. Хрусталеv и др. Анализ представленных точек зрения позволяет в большей степени склоняться к тому, что предпосылки обособления земель зародились еще в домонгольский период, а ордынская зависимость лишь действовала в фарватере проложенного пути.

Нашествие и последующая зависимость привели к катастрофическому упадку городского ремесла и архитектуры. О влиянии ордынского фактора на приостановку белокаменного строительства писали Б.А. Рыбаков, Н.Н. Воронин, М.Г. Худяков, Э. Мюллер, В.П. Даркевич, Дэвид Б. Миллер и др. Проследить аспекты воздействия в более узких рамках в настоящее время крайне затруднительно.

Вопросу **экономического воздействия** монголо-татарского ига наиболее заметное внимание было уделено в марксистской историографии по понятным причинам. В целом, большинство исследователей всех трех указанных периодов отечественной историографии отмечали как прерывание внутриторговых связей между отдельными русскими княжествами, так и прекращение внешней торговли с Западом. Однако, позитивным моментом было обретение новых рынков торговли для русских купцов на Востоке. На эти изменения указывали Н.М. Карамзин, А.Е. Пресняков, М.Н. Покровский, Н.А. Рожков, Э. Хара-Даван, Дж. Феннел, Д.Г. Хрусталеv.

Монголами была введена новая финансовая система повсеместного сбора налогов, что способствовало, как отмечает А.Л. Хорошкевич, развитию ростовщичества и закабалению широких масс населения. Исследователи отмечали колоссальное уничтожение производительных сил в ходе нашествия, задержку экономического развития, которая в меньшей степени сказалась на сельском хозяйстве. Об этой стороне проблемы писали М.К. Любавский, М.Н. Покровский, К.В. Базилевич, А.А. Зимин, В.В. Каргалов, Г.В. Вернадский. С другой стороны, некоторые историки высказали мысль о том, что экономика под воздействием ига не подверглась

сильному падению, а в некоторых областях был замечен рост: С.М. Соловьев, Н.А. Рожков, Б.Д. Греков, В.А. Кучкин, Ю.М. Кобищанов. Необходимо отметить важные выводы В.Б. Кобрин, А.Л. Юрганова, А.А. Зимина о прекращении выхода из холопства крестьян и приостановке развития демократических начал в условиях ига. В современной историографии наблюдается определенный спад интереса исследователей именно к экономическому аспекту ордынского влияния по сравнению с тем вниманием, которое этой проблеме уделяли советские историки.

В вопросе **влияния ордынского ига на церковь** большинство исследователей отмечали ее возвышение в период зависимости от ханской власти, что подтверждается налоговыми иммунитетами, увеличением землевладения, открытием в 1261 г. епархии в Сарае и т.д. Взаимодействие русской церкви и ордынской власти описывается в трудах историков церкви митр. Макария и Е.Е. Голубинского. В марксистской историографии активно продвигался тезис о том, что церковь не участвовала в освободительной борьбе против Орды, о чем упоминал, например, Н.С. Борисов. Однако, в современных работах с опровержением этого тезиса выступили А.Л. Хорошкевич, А.Г. Плигузов и Ю.В. Сочнев, которые подчеркнули, что церковь никогда не была на стороне Орды и проводила активную политику поддержки великого князя и народа. Интересное замечание сделал И.В. Белозеров о том, что от уплаты выхода были освобождены духовенство и причт, но не крестьяне и ремесленники монастырских сел.

О **заимствовании военного искусства** упоминали многие авторы, причем большинство из них сходилось в том, что русские переняли от Орды деление войска на пять полков и всеобщую мобилизацию населения во время войны. Но разброс мнений довольно широк. Так, Н.Г. Устрялов говорил о увеличении роли конницы, Н.В. Рязановский – о киевских истоках тактических приемов русской армии, Р.С. Хакимов – о перенятии русскими сражения в конном строю с использованием тактики окружения, резерва и отступления, В.Д. Назаров об обратном заимствовании ордынцами у русских

встречного боя на копьях ударного типа. Все эти исследования носят довольно гипотетический характер, так как никаких сведений о прямом заимствовании Русью военной тактики или вооружения в источниках не сообщается.

Вопрос о **влиянии монгольской системы права** на русскую остается также дискуссионным. П.А. Наумов и Д.И. Иловайский утверждали, что на протяжении всего периода зависимости главным документом для судей оставалась Русская правда. Д.И. Багалеи отмечает, что монголо-татары могли оказывать влияние на Судебник, так как в нем присутствует система наказаний, ранее неизвестная Русской правде. Необходимо отметить, что на современном этапе этот вопрос нашел значительное развитие в трудах Р.Ю. Почекаева, который впервые произвел комплексное исследование права Золотой Орды. Он обратил внимание на то, что на протяжении всего периода татаро-монгольского ига древнерусское право занимало главное место по сравнению с ханскими ярлыками, которые играли вспомогательную роль. Нормы ярлыков использовали для принятия производных опосредованных актов на Руси (духовные грамоты и т.д.). Сомневались в возможности воздействия ига на правовую сферу также Г.В. Вернадский и Е.В. Павлова. Г.В. Вернадский отмечал, что судебная власть из всех отраслей княжеского управления менее всего подверглась ордынскому влиянию.

На сегодняшний день ведется много дискуссий в научной среде о **термине «иго»**, его значении, времени возникновения. Доподлинно известно, что в русских летописях термин «иго» не встречался. Большинство исследователей считают этот термин неудачным, особенно много противников он вызвал в среде казанских историков. Исследователь из Татарстана И.П. Ермолаев считает его неуместным в силу того, что все отношения Орды и Руси сводились к феодальным отношениям сюзерена и достаточно автономного вассала. В.Н. Рудаков полагает, что понятие «иго» не отражает всей глубины русско-ордынских обыденных отношений, которые часто не подпадали под ярлыки «иго», «ярмо», «рабство» и т.д.

А.О. Амелькин подчеркивал, что в древнерусских летописях монголо-татары не воспринимались как враждебный элемент. В.Д. Назаров указывал на ненаучность термина «иго», считая, что для характеристики Руси XIII-XV вв. более подходит название «ордынская зависимость»⁷⁰¹. Неверным его считает и В.В. Трепавлов, который обращает внимание на то, что термин «иго» представляет из себя глобальное явление, характеризующее перелом всей русской истории. В соответствии с этим его оценка и интерпретация у разных народов не может носить однозначный характер.

На наш взгляд, верным является подход к осмыслению термина «иго» и его последствий, который указал А.А. Горский в ходе выработки историко-культурного стандарта для единого учебника по истории России. Если рассматривать проблему со стороны Орды, то правильнее говорить о «системе властвования над русскими землями», а если смотреть на проблему со стороны Руси, то уместнее говорить о «системе зависимости русских земель»⁷⁰².

Принципиальной проблемой исследования вопроса о рецепции ордынских институтов на Руси является отсутствие соответствующей источниковой базы, которая могла бы подтвердить или опровергнуть те или иные тезисы историков. Наиболее перспективным направлением работы, на наш взгляд, является междисциплинарный подход, предполагающий использование в работе вспомогательных исторических дисциплин: археология, нумизматика, фрагистика, филология, палеография. Необходима общая координация работы исследователей из тех стран, на территории которых располагались государства Монгольской империи. Несмотря на имеющиеся источниковедческие трудности, ежегодно выходят новые работы ученых по вопросу об ордынских заимствованиях. Этот факт ярко свидетельствует о том важном следе, который золотоордынский период оставил в истории России.

⁷⁰¹ «Татарский вопрос» в России // Татарский мир. 2003. Январь. № 1 (11). С. 4.

⁷⁰² Горский А.А. Средневековая Русь. О чем говорят источники. С. 119-120.

Библиография

Список источников

1. Акты археографической экспедиции. СПб., 1836. Т. 1-4.
2. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1-5. СПб., 1841-1842.
3. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв. Т. III. № 312. М., 1964.
4. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв. Т. III. № 313. М., 1964.
5. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссиею. Т. 1-9, 11-13. СПб., 1863-1892.
6. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук. Т. 1-4. СПб., 1836.
7. Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII в. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. 1940. № 3.
8. Архив историко-юридических сведений, изд. Калачевым, кн. 1. М., 1850.
9. Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 1547. Оп. 1. Д. 145.
10. Башкирское шежере. Уфа, 1960.
11. Березин И.Н. Памятники русского права. Вып. 3. М., 1955.
12. Византийский временник. Т. II. М.; Л., 1949.
13. Гизиель Иннокентий. Синописис или краткое описание о начале славенского народа о первых киевских князьях и о житии святого благоверного князя Владимира и великого князя Феодора Алексеевича. СПб., 1746.

14. Горский А.А. "Повесть о убиении Батыя" и русская литература 70-х годов XV в. // Средневековая Русь. Ч. 3. М., 2001.
15. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Подгот. к печати В.Г. Гейман, Н.А. Казакова, А.И. Копанева и др. Под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1949.
16. Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. СПб., 2004.
17. Григорьев В.В. Ярлыки Тохтамыш-хана и Саадет-Гирея, перев. Я. Ярцева. Одесса, 1844.
18. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 томах. СПб.-М., 1880-1882.
19. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. 3-е изд. М., 1986. С. 431.
20. Договор Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем // Собрание государственных грамот и договоров. Ч. I, № 33. М., 1813-1828.
21. Законодательные акты русского государства втор. пол. XVI – перв. пол. XVII вв.: (Тексты). Л., 1986.
22. Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептерях и бобылях. Уфа, 1999.
23. Иоанн де Плано Карпини. История монголов / Пер. А.И. Малеина. СПб., 1911.
24. История Татарии в документах и материалах. М., 1937.
25. Книга посольская Великого Княжества Литовского // Сборник князя Оболенского. № 1. М., 1938.
26. Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Т. 1. М.; Л., 1941.
27. Лекция проф. Кизеветтера – «Славянофильство и евразийство», записанная кн. К.А. Чхеидзе, 20 января 1928. ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 384.
28. Лихачев Д.С. Русские летописи. М.; Л., 1947.
29. Насонов А.Н. Историография монгольской политики на Руси. Доклад. Архив РАН. Фонд 1547, опись 1, ед. хр. 91. Автограф.

30. Научный архив Института Российской истории РАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3. Автограф, 1870.
31. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов. М., 2007.
32. Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. Вып. 1-4. СПб., 1860-1862.
33. Письма Я.Д. Садовского П.Н. Савицкому по различным вопросам теории евразийства и деятельности евразийских организаций. ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 384. Л. I-II.
34. Письмо П.Н. Савицкого Л.Н. Гумилеву от 29 января 1958 г. // Гумилев Л.Н. Черная легенда. М., 1994.
35. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830.
36. Полное собрание русских летописей. Т. XI. М., 2000.
37. Послание Спиридона-Саввы // Дмитриева Р.П. Сказание о князьях Владимирских. М.-Л., 1955.
38. Послания Иосифа Волоцкого. М., 1958 // Памятники дипломатических отношений древней России с державами иностранными. Стб. 114. СПб., 1851.
39. ПСРЛ. Книга степенная царского родословия. Ч. 1. Т. 21. Половина 1. СПб., 1908.
40. ПСРЛ. Книга степенная царского родословия. Ч. 2. Т. 21. Половина 2. СПб., 1913.
41. ПСРЛ. Т. 13. СПб., 1904.
42. ПСРЛ. Т. 17. СПб., 1907.
43. ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913.
44. ПСРЛ. Т. 20. СПб., 1910.
45. ПСРЛ. Т. 24. Пг., 1921.
46. ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Л., 1927.
47. ПСРЛ. Т. I. Л., 1926-1928.

- 48.Рубруквис Вильгельм де. Путешествие в восточные страны в лето благости 1253 // Карпини, Джовани да Плано. История монгалов. СПб., 1911.
- 49.Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 1-18. СПб., 1872-1917.
- 50.Русско-ливонские акты, собранные К.Е. Напьерским. СПб., 1868.
- 51.Сборник Русскаго историческаго общества. Т. 95. СПб., 1895.
- 52.Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813.
- 53.Стенограмма. Доклад тов. Бахрушина 27 октября 1937 года «Феодальный период в освещении М.Н. Покровского». Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 39-66.
- 54.Тезисы к диссертации А.Н. Насонова «Монголы и Русь. История татарской политики на Руси». Архив РАН. Ф. 1547. Оп. 1. Д. 92.
- 55.Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.
- 56.Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Приложение II (Записки Френа). М., 1941.
- 57.Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечение из персидских сочинений. М.; Л., 1941.
- 58.Хорошкевич А.Л. Источники по истории полного холопства конца XV-нач. XVI вв. // Советские архивы. 1974. № 4.

Список литературы

1. «Наш путь – стрелой татарской древней воли пронзил нам грудь...» // Родина. 1991. № 8.
2. А было ли иго? // Родина. 1997. № 3-4.

3. Аванесов Р.И. К вопросам образования русского национального языка // Вопросы языкознания. 1953. № 2.
4. Аверкиев С.С. Влияние татар на жизнь русского народа. Казань, 2015.
5. Азнабаев Б.А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII вв.). Уфа: РИО БашГУ, 2005.
6. Аксаков К.С. Полное собрание сочинений. Т. 1. М., 1889.
7. Александров Д.Н. Очерки по истории княжеской власти и соправительства на Руси в IX-XV вв. М., 1995.
8. Алексеева Г.Я. Выступление за «круглым столом» научного совета по историографии и источниковедению «Историческая наука в 20-30-е годы» // История и историки. М., 1990.
9. Амелькин А.О. Татарский вопрос в общественном сознании России конца XV-первой половины XVI вв. Воронеж, 2008.
10. Андреев А.И. Труды В.Н. Татищева по истории России // Татищев В.Н. История российская. Т. I. М.; Л., 1962.
11. Арапов Д.Ю. Русское востоковедение и изучение Золотой Орды // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983.
12. Арапов Д.Ю. Русь и Восток в XIII в.: к вопросу о возможностях русского влияния в монгольской истории // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании. М., 1996.
13. Арзютов Н.К. Золотая Орда. Саратов, 1930.
14. Афанасьев Ю.Н. Феномен советской историографии // Отечественная история. 1996. № 5.
15. Багалея Д.И. Русская история. Ч. 2. В. 1. Харьков, 1911.
16. Базилевич К.В. Восточная Европа, Средняя Азия и Закавказье под властью Монгольских завоевателей. М., 1940.
17. Базилевич К.В. К вопросу об исторических условиях образования русского государства // Вопросы Истории. 1946. № 7.
18. Баллод Ф.В. Приволжские «Помпеи». М.; Петроград, 1923.

- 19.Балуев В.П. Споры о судьбах России: Н.Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». М., 1999 // Отечественная история. 2000. № 1.
- 20.Бартольд В.В. Б.Я. Владимирцов. Чингис-хан // Владимирцов Б.Я. Чингис-хан. Горно-Алтайск, 1992.
- 21.Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925.
- 22.Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. СПб., 1911.
- 23.Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1980.
- 24.Бахтин А.Г. Образование Казанского и Касимовского ханств. Йошкар-Ола, 2008.
- 25.Белинский В.Г. Полное собрание сочинений в двенадцати томах. Т. IV. СПб., 1901.
- 26.Белозеров И.В. Налоговый иммунитет русского духовенства во время ордынского ига: известия летописей о переписи населения Северо-Восточной Руси в 1257 г. // Уваровские чтения – V. Материалы научной конференции, посвященной 1140-летию г. Муром. Муром, 2002.
- 27.Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства. М., 1879.
- 28.Березин И.Н. Внутреннее устройство Золотой Орды. СПб., 1850.
- 29.Березин И.Н. Нашествие Батыя на Россию // Журнал Министерства народного просвещения. 1855. № 5. Отд. 2.
- 30.Березин И.Н. Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева // Труды восточного отделения императорского археологического общества. Ч. 8. СПб., 1864.
- 31.Березин И.Н. Первое нашествие монголов на Россию // Журнал Министерства народного просвещения. 1853. № 9.
- 32.Березин И.Н. Тарханные ярлыки, данные ханами Золотой Орды русскому духовенству // Казанские губернские ведомости. 1852. № 22.
- 33.Березин И.Н. Ханские ярлыки. Казань, 1850.

34. Березин И.Н. Ханские ярлыки. Т. II. Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлуга и Саадет-Гирея. Казань, 1851.
35. Бестужев-Рюмин К.Н. О составе русских летописей до конца XIV века. СПб., 1868.
36. Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. Т. 1. СПб., 1872.
37. Болтин И.Н. Критические примечания на первый и второй тома истории Щербатова. Т. II. СПб., 1794.
38. Болтин И.Н. Примечания на историю древняя и нынешняя России Г. Леклерка. Т. 2. СПб., 1788.
39. Борисов Н.С. Отечественная историография о влиянии татаро-монгольского нашествия на русскую культуру // Проблемы истории СССР. Вып. V. М., 1976.
40. Борисов Н.С. Русская культура и монголо-татарское иго: автореф. дисс. ... канд. исторических наук: 07.00.02 / Борисов Николай Сергеевич. М., 1977.
41. Борисов Н.С. Русская церковь в политической борьбе XIV-XV вв. М., 1986.
42. Бочкарев В.Н. Борьба русского народа с татаро-монгольскими завоевателями. М., 1940.
43. Будовниц И.У. Общественно-политическая мысль Древней Руси. М., 1960.
44. Буляков И.И. Золотоордынские государственные традиции в управлении Башкирским краем во второй половине XVI – первой трети XVIII в. Уфа, 2012.
45. Бурачек С.А. История государства Российского Н.М. Карамзина. История русского народа. Сочинение Н. Полевого // Маяк. Т. 5. № 9-10. СПб, 1842.
46. Вайнштейн О.Л. История советской медиевистики. 1917-1966. Л., 1968.

47. Валеева-Сулейманова Г.Ф. Шапка Мономаха – имперский символ татарского происхождения // Золотоордынская цивилизация. Вып. 1. Ред. И.М. Миргалеев. Казань, 2008.
48. Валуев Д.А. Симбирский сборник. М., 1844.
49. Вальденберг В.Е. Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII в. Пг., 1916.
50. Вандалковская М.Г. Евразийцы и историческая наука // Проблемы источниковедения и историографии. Материалы научных II чтений памяти академика И.Д. Кавальченко. М., 2000.
51. Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М., 1997.
52. Вандалковская М.Г. Россия между Востоком и Западом: евразийская концепция русской истории // Россия и мировая цивилизация. К 70-летию члена-корреспондента РАН А.Н. Сахарова. М., 2000.
53. Васильев Л. С. Восток и Запад в истории (основные параметры проблематики) // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000.
54. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах // Труды Восточного отделения Русского археологического общества. Ч. 9. СПб., 1863.
55. Веневитинов М.А. Русские в Голландии. М., 1897.
56. Вернадский Г.В. Два подвига Св. Александра Невского // Евразийский временник. Кн. 4. Берлин, 1925.
57. Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь - М., 1997.
58. Вернадский Г.В. Монгольское иго в русской истории // Евразийский временник. Кн. 5. 1927.
59. Вернадский Г.В. Начертание русской истории. Прага, 1927.
60. Вернадский Г.В. Соединение церквей в исторической действительности // Вопросы истории. 1994. № 7.

- 61.Вернадский Г.В. Что дали России монголы / Пер. С. Сосинского-Семихата // Родина. 1997. № 3-4.
- 62.Веселовский И.Н. Татарское влияние на русский посольский церемониал в московский период русской истории. СПб., 1911.
- 63.Веселовский С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М. 1974.
- 64.Вилента И.В. Идея самобытности России в исторической концепции евразийцев // Вестник МГУ. Сер. 8. История. № 1. 1998.
- 65.Вильчек В.М. Прощание с Марксом (Алгоритмы истории). М., 1994.
- 66.Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.
- 67.Власть и реформы: от самодержавной к советской России, СПб., 1996.
- 68.Воронин Н.Н. Древняя Русь: история-искусство // Вопросы истории, 1967, № 2.
- 69.Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси. Т. 1. М., 1961.
- 70.Воронин Н.Н. Тверское зодчество XIII-XIV вв. // Изв. АН СССР. Серия истории и философии. Т.2, вып. 5. М., 1945.
- 71.Гальперин Ч. Вымышленное родство // Родина. № 12. 2003.
- 72.Гальперин Ч. Дж. Русь в составе Монгольской империи // Татарстан. 1995. № 7-8.
- 73.Гальперин Ч. Идеология молчания: предвзятость и прагматизм на средневековой религиозной границе / Пер. Исидоровой З. // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Период Киевской и Московской Руси: Антология. Самара, 2001.
- 74.Гальперин Ч. Россия и Золотая Орда. Вклад монголов в средневековую русскую историю // История Казахстана в западных источниках XII-XX вв. Т. 4. Алматы, 2005.
- 75.Гальперин Ч. Россия и Золотая Орда: Монгольское влияние на русскую историю. Блумингтон, 1985.

76. Гальперин Ч. Русь в составе Монгольской империи // Татарстан. 1995. № 7-8.
77. Гальперин Ч. Татарское иго. Образ монголов в Средневековой России. Воронеж, 2012.
78. Гастев М.С. Рассуждения о причинах, замедливших гражданскую образованность в Русском государстве до Петра Великого. М., 1832.
79. Гатин М.С. Проблемы истории Улуса Джучи и позднесолотоордынских государств Восточной Европы в немецкой историографии XIX-XX вв. Казань, 2009.
80. Голубинский Е.Е. Порабощение Руси монголами и отношение ханов монгольских к русской церкви или к вере русских и их духовенству. Сергиев Посад, 1893.
81. Горский А.А. «Всего еси исполнена земля русская...»: Личности и ментальности русского Средневековья. М., 2001.
82. Горский А.А. Москва и Орда. М. 2001.
83. Горский А.А. О титуле царь в Средневековой Руси (до середины XVI в.) // Одиссей. Человек в истории. М., 1996.
84. Горский А.А. Средневековая Русь. О чем говорят источники. М., 2016.
85. Готье Ю.В. Шахматов-историк // Известия отделения русского языка и словесности Российской Академии наук 1920 г. Т. XXV. Пг., 1922.
86. Градовский А.Д. История местного управления в России // Он же. Собрание сочинений. Т. I. СПб., 1868.
87. Градовский А.Д. История местного управления в России // Он же. Собрание сочинений. Т. 2. СПб., 1899.
88. Греков Б.Д. Татарское нашествие // Исторический журнал. № 6, 1937.
89. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М., 1998.
90. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л., 1950.
91. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда. М., 1937.
92. Греков И.Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975.

93. Греков И.Б. Место Куликовской битвы в политической жизни восточной Европы конца XIV в. // Куликовская битва. М., 1980.
94. Грушевский М.С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891.
95. Гумилев Л.Н. От Руси до России. М., 2000.
96. Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970.
97. Гумилев Л.Н. Черная легенда. М., 1994.
98. Гуревич А.Я. Теория формаций и реальность истории // Вопросы философии. 1990. № 11.
99. Гурлянд И.Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII в. Ярославль, 1900.
100. Гутнова Е.В. Историческая наука в условиях идеологического диктата: К вопросу об оценке советской историографии // Диалог со временем: историки в меняющемся мире. М., 1996.
101. Гутнова Е.В. Советская медиевистика с середины 30-х до конца 60-х гг. // История и историки. М., 1990.
102. Д'Оссон. История монголов от Чингис-хана до Тамерлана. Т. 1. Иркутск, 1937.
103. Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII-XIV вв.). Курс лекций. М., 2001.
104. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991.
105. Данилова Л.В. Система государственного феодализма в России. М., 1993.
106. Демин А.С. Отрывки из неизвестных посланий и писем XVI-XVII вв. // Новонайденные и неопубликованные произведения древнерусской литературы. Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 21. М.-Л., 1968.
107. Демин А.С. Элементы тюркской культуры в литературе древней Руси XV-XVII вв. (К вопросу о видах связей) // Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. М., 1974.

108. Довнар-Запольский М.В. «Русская история в очерках и статьях». Т. 1. М., 1909.
109. Долгоруков П.В. Российская родословная книга. СПб., 1857.
110. Древнерусские княжества X-XIII вв. М., 1975.
111. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.; Л., 1950.
112. Дьяконов М.А. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. Изд. 4. М.; Л., 1926.
113. Дэвид Б. Миллер. Монументальное строительство как показатель тенденций экономического развития Северной Руси в поздний Киевский и Монгольский периоды (1138-1462 гг.) // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Период Киевской и Московской Руси / Пер. З. Исидоровой. Самара, 2001.
114. Евразийская хроника. Вып. 7. Париж, 1927.
115. Евразийский временник. Т. 5. Берлин, 1927.
116. Евразийство: Опыт систематического изложения. Париж, 1926.
117. Егоров В.Л. Золотая Орда перед Куликовской битвой // Куликовская битва. Сб. ст. М., 1980.
118. Егоров В.Л. Золотая Орда: мифы и реальность. М., 1990.
119. Ермолаев И.П. Становление российского самодержавия. Казань, 2004.
120. Жаров С.Н. Русское и монгольское законодательство: проблемы двоезакония на Руси // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Тезисы докладов. Ч. 1. Челябинск, 1995.
121. Забелин И.Е. Черты самобытности в древнерусском зодчестве. М., 1895.
122. Загоскин Н.П. Очерк организации и происхождения служилого сословия в допетровской Руси. Киев, 1876.
123. Зайцев И.В. Историография истории отношений постордынских «юртов» с Россией и Османской империей // Источниковедение

- истории улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223-1556. Казань, 2002.
124. Зайцев И.В. Русский востоковед-татарофил: Сергей Сергеевич Аверкиев (1886-1963) и его книга о татарском влиянии на жизнь русского народа // Аверкиев С.С. Влияние татар на жизнь русского народа. Казань, 2015.
125. Зикеев Г.И. К вопросу об исторических условиях развития русского национального языка // Вопросы истории. 1953. № 2.
126. Зимин А.А. В канун грозных потрясений: предпосылки первой крестьянской войны в России. М., 1986.
127. Зимин А.А. Витязь на распутье. М., 1991.
128. Зимин А.А. Народные движения 20-х гг. XIV в. и ликвидация системы баскачества в Северо-Восточной Руси // Изв. АН СССР. Сер. истории и философии. Т. 9. № 1. М., 1952.
129. Зимин А.А. Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М., 1973.
130. Зубрицкий Д. Критико-историческая повесть временных лет Червонной или Галицкой земли. М., 1845.
131. И.Р. Наследие Чингис-хана. Берлин, 1925.
132. Иванин М.И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингис-хане и Тамерлане. СПб., 1875.
133. Иванов А.И. Походы монголов на Россию по официальной китайской истории Юань-ши. СПб., 1914.
134. Иллерицкий В.Е. Сергей Михайлович Соловьев. М. 1980.
135. Иловайский Д.И. История России. Т. 2. Московско-литовский период или собиратели Руси. М., 1884.
136. Ильин В.В. Панарин А.С. Философия политики. М., 1994.
137. Ильин В.Н. О евразийском патриотизме // Евразийская хроника. Вып. 8. Париж, 1927.

138. Искандеров А.А. Историческая наука на пороге XXI в. // Вопросы истории. 1996. № 4.
139. Кавелин К.Д. Собрание сочинений. Т. 1. СПб., 1897.
140. Кавелин К.Д. Сочинения. Ч. 2. М., 1859.
141. Казакова Н.А. Западная Европа в русской письменности XV-XVI вв. Л., 1980.
142. Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV-начало XV вв. Л., 1975.
143. Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 2. Т. 5. СПб., 1842.
144. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. V. М., 2007.
145. Каратеев М.Д. Русь и татары // Арабские истории. Русский взгляд. Т. 1 / Сост., ред. Серии А.И. Куркчи. М., 1994.
146. Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития Феодалной Руси. М., 1967.
147. Каргалов В.В. Конец ордынского ига. М., 1984.
148. Каргалов В.В. Русь и кочевники. М., 2008.
149. Каргалов В.В. Существовала ли на Руси «военно-политическая баскаческая организация» монгольских феодалов? // История СССР. 1962. № 1.
150. Карсавин Л.П. Без догмата // Версты. Париж. 1927. № 2.
151. Кельсиев В.И. Заметки о татарском влиянии великоросов // Гражданин. 1873. № 44-45.
152. Кизеветтер А. Евразийство // Руль. 1925. 10 января.
153. Кизеветтер А.А. Русская история по-евразийски // Руль. 1927. 27 ноября.
154. Киреева Р.А. Враг ярлыков: Константин Николаевич Бестужев-Рюмин // Сахаров А.Н. Историки России XVIII-начало XX века. М., 1996.

155. Киреева Р.А. За художником скрывается мыслитель: Василий Осипович Ключевский // Сахаров А.Н. Историки России XVIII-начало XX века. М., 1996.
156. Киреева Р.А. К.Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. М., 1990.
157. Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Московский сборник. Т. I. М., 1852.
158. Клепинин Н.А. Святой и благоверный великий князь Александр Невский. СПб., 2004.
159. Ключевский В.О. Курс русской истории. Т. I. СПб., 1904.
160. Ключевский В.О. Сочинения. Т. 2. Ч. 2. М., 1952.
161. Ключевский В.О. Терминология русской истории. Ч.1-2. М., 1885-1886.
162. Князький И.О. Русь и кочевники. Этапы взаимоотношений // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. Средние века – раннее новое время. Сборник тезисов 17 конференции памяти В.Д. Королюка. М., 1998.
163. Князький И.О. Русь и степь. М., 1996.
164. Кобищанов Ю.М. Очерки истории исламской цивилизации в 2-х т. Т. 2. М., 2008.
165. Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России. М., 1985.
166. Кобрин В.Б., Юрганов А.Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси // История СССР. 1991. № 4.
167. Копосов Н.Е. Советская историография, марксизм и тоталитаризм (к анализу ментальных основ историографии) // Одиссей. Человек в истории. 1992.
168. Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования. Т. XII. М., 1989.

169. Костомаров Н.И. Лекции по русской истории. СПб., 1862.
170. Костомаров Н.И. Начало единой державы в древней Руси // Вестник Европы. 1870. № 11-12.
171. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописании ее главнейших деятелей. Т. I. М., 1993.
172. Костомаров Н.И. Собрание сочинений. Кн. 1. Т. I. СПб., 1903.
173. Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906.
174. Котышев Д.М. Институт великого княжения и эволюция междукняжеских отношений (XII-XIV вв.) // Вестник Челябинского ун-та. Серия I. История. Челябинск, 1994. № 1.
175. Котышев Д.М. К вопросу о баскаческой организации на Руси второй половины XIII-нач. XIV вв. // Россия и Восток: Проблемы взаимодействия. Ч. 1. Челябинск, 1995.
176. Котышев Д.М. Ордынское иго как фактор политического развития Русского государства в XIV-XVI вв. // Проблемы социально-политической и этнической истории России XIV-XX вв. Челябинск, 1995.
177. Крадин Н.Н. Кочевые общества. Владивосток, 1992.
178. Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М., 2006.
179. Крамаровский М.Г. «Шапка Мономаха»: Византия или Восток? // Сообщения Гос. Эрмитажа. 1982. Вып. 47.
180. Кривошеев Ю.В. «Монгольский вопрос» в русском общественном сознании: прошлое и современность, наука и идеология // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2005.
181. Кривошеев Ю.В. К историософии средневековой Руси в XX в. // Средневековая и новая Россия. СПб., 1996.
182. Кривошеев Ю.В. Русь и монголы. СПб., 1999.

183. Кривошеев Ю.В., Дворниченко А.Ю. Изгнание науки: Российская историография в 20-х – начале 30-х гг. XX в. // Отечественная история. 1994. № 3.
184. Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А. Русская церковь и ордынские власти (вторая половина XIII-первая четверть XIV в. // Тюркологический сборник. М., 2001.
185. Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма. М., 1962.
186. Кузаков В.К. Отечественная историография истории науки в России в X-XVII вв. М., 1991.
187. Кузеев Р.Г. К этнической истории башкир в конце I – начале II тысячелетия н.э. (Опыт сравнительно-исторического анализа шежере, исторических преданий и легенд) // Археография и этнография Башкирии. Вып. III. Уфа, 1968.
188. Кукушкин Ю.С. Вопросы методологии и истории исторической науки. М., 1977.
189. Кулиш П.А. История воссоединения Руси. Т. 1. СПб., 1874.
190. Кульпин Э.С. Золотая Орда. М., 1998.
191. Кульпин Э.С. Русь между Западом и Востоком. М., 2001.
192. Кульпин Э.С. Цивилизационный феномен Золотой Орды (Колонизация южнорусских степей в XIII-XV веках) // Общественные науки и современность. 2001. № 3.
193. Кучкин В.А. Монголо-татарское иго и судьбы культуры средневековой Руси // Россия и мировая цивилизация. К 70-летию члена-корреспондента РАН А.Н. Сахарова. М., 2000.
194. Кучкин В.А. Русь под игом: как это было? М., 1991.
195. Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в IX-XIV вв. М., 1984.

196. Кычанов Е.И. О некоторых обстоятельствах похода монголов на Запад (по материалам «Юань-ши» // Тюркологический сборник / 2001: Золотая Орда и ее наследие. М., 2002.
197. Лазарев В.Н. Искусство Средневековой Руси и Запад (XI-XV вв.). (XIII Международный конгресс исторических наук. Москва, 16-23 августа 1970 г.). М., 1970.
198. Ланда Р. Золотая Орда и Русь // Азия и Африка сегодня. 1996. № 7.
199. Лачаева М.Ю. Историография истории России до 1917 года. Т. I. М., 2003.
200. Лачаева М.Ю. Историография истории России до 1917 года. Т. II. М., 2003.
201. Леонтович Ф.И. К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий или ойротский устав взысканий. Одесса, 1879.
202. Лилеев Н.В. Симеон Бекбулатович, хан касимовский. Тверь, 1891.
203. Лимонов А.А. Работы А.А. Зимина о Северо-Восточной Руси XII-XIV вв. и изучение проблемы баскачества // Спорные вопросы отечественной истории XI-XVII вв.: тезисы докладов и сообщений первых чтений, посвященных памяти А.А. Зимина. Москва, 13-18 мая 1990 г. / АН СССР, Ин-т истории СССР, Моск. гос. ист.-арх. ин-т. Вып. 1. М., 1990.
204. Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1987.
205. Лунин Б.В. В.В. Бартольд и туркестанский кружок любителей археологии // Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895-1917). Ташкент, 1958.

206. Лушников О.В. Образ монгольской империи в историографии XVIII-XXI вв. // Золотоордынское наследие. Сборник статей. Вып. 1. Казань, 2009.
207. Лызлов А.И. Скифская история. М., 2012.
208. Любавский М.К. Возвышение Москвы // Москва в ее прошлом и настоящем. Вып. 1. М., 1909.
209. Мавродин В.В. Образование единого русского государства. Л., 1951.
210. Мавродин В.В. Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй пол. XIV в.). СПб., 2002.
211. Мазуров А.Б. Утверждались ли духовные грамоты Ивана Калиты в Орде? // Вопросы истории. 1995. № 9.
212. Макарий (Булгаков), митрополит. История русской Церкви. Кн. I-II. СПб., 1886.
213. Макаров Н.А. Русь в XIII веке: характер культурных изменений // Русь в XIII веке: древности темного времени. М., 2003.
214. Максимович М.А. О мнимом запустении Украины в нашествие Батыево и населения ее новопришлым народом // Собр. Соч. Т.1. Киев, 1876.
215. Маньков А.Г. Уложение 1649 года – кодекс феодального права России. Л., 1980.
216. Маркевич А.И. История местничества. Одесса, 1888.
217. Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII в. // Вопросы истории. 1989. № 4.
218. Маслова С.А. Институты ордынской власти над Русью (баскаки, даруги, послы): автореф. дисс. ... канд. исторических наук: 07.00.02 / Маслова Светлана Алексеевна. М., 2015.
219. Машанова Л.В. Золотая Орда: проблемы восточных заимствований в российской государственности и культуре // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2011. № 1.

220. Медушевский А.Н. Государственная школа русской историографии // Вопросы историографии и источниковедения дооктябрьского периода. Сб. науч. Тр. М., 1992.
221. Мухамедьяров Ш.Ф. Рецензия: Кульпин Э.С. Золотая Орда (проблемы генезиса Российского государства) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 1999. № 4.
222. Мухаметов Ф.Ф. Историография монгольского периода в истории России // Троицкий вестник. 2006. № 1.
223. Мухаметов Ф.Ф. Отечественная историография монгольского завоевания Руси. Дисс. ... докт. исторических наук: 07.00.09 / Мухаметов Фарит Федорович. М., 2007.
224. Мухаметов Ф.Ф. Социально-политическая борьба в монгольском обществе и на Руси (конец XII-XIV вв.). Челябинск, 2000.
225. Надеждин Н.И. Об исторических трудах в России // Библиотека для чтения. Т. XX. СПб., 1837.
226. Назаров В.Д. Русь накануне Куликовской битвы // Вопросы истории. 1978. № 8.
227. Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Монголы и Русь. СПб., 2002.
228. Насонов А.Н. История русского летописания XI-XVIII вв. М., 1969.
229. Насонов А.Н. Монголы и Русь (История татарской политики на Руси). М.-Л., 1940.
230. Насонов А.Н. Татарское иго на Руси в освещении М.Н. Покровского // Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского. М.-Л., 1940.
231. Наумов П.А. Об отношениях российских князей к монгольским и татарским ханам, от 1224 по 1480 год. СПб., 1823.
232. Неволин К.А. История местного управления // Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. Т. 1. СПб., 1872.

233. Неволин К.А. История просвещения и гражданского образования. Т. V. Образование управления в России от Иоанна III до Петра Великого. СПб., 1844.
234. Нестеров Ф.Ф. Связь времен. М., 1980.
235. Нечкина М.В. История истории. Некоторые методологические вопросы истории исторической науки // История и историки. Историография истории СССР. М., 1965.
236. Новикова Л., Сиземская И. Политическая программа евразийцев: реальность, утопия. // Общественные науки и современность. 1992. № 1.
237. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.-Л., 1948.
238. Огарев Н.П. Что бы сделал Петр Великий? // Литературное наследство. Т. 39-40. М., 1940.
239. Орешников А.В. Древнейшее русское изображение двуглавого орла // Труды московского нумизматического общества. М., 1899. Т. 2. Вып. 1.
240. Островски Д. Монгольские корни русских государственных учреждений // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Период Киевской и Московской Руси / Пер. З. Исидоровой. Самара, 2001.
241. Очерки истории СССР. Ч. 1. IX-XIII вв. М., 1953.
242. Павлов А.С. Курс церковного права. СПб., 1902.
243. Павлова Е.В. Частное землевладение в удельных русских княжествах Северо-Восточной Руси в течение позднего монголо-татарского периода и вопрос о влиянии монголо-татарского права // Mongolica-V. СПб., 2001.
244. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993.
245. Пашуто В.Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII в.). М., 1956.

246. Перетяткович Г.В. Поволжье в XVII веке и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). Одесса, 1882.
247. Першиц А.И. Данничество. М., 1973.
248. Петрушевский И.П. «Рашид ад-Дин и его исторический труд» // Рашид-ад Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. М.-Л., 1952.
249. Пештич С.Л. Русская историография XVIII века: автореф. дисс. ... канд. исторических наук: 07.00.09 / Пештич Сергей Леонидович. Л., 1963.
250. Пештич С.Л. Русская историография XVIII в. Ч.1. Л., 1961.
251. Пештич С.Л. Русская историография XVIII века. Т. 5. М.-Л., 1964.
252. Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. Пг., 1917.
253. Платонов С.Ф. Учебник русской истории. М., 1992.
254. Плигузов А.И., Хорошкевич А.Л. Отношение русской церкви к антиордынской борьбе в XIII-XV вв. (по материалам краткого собрания ханских ярлыков русским митрополитам) // Церковь, общество и государство в феодальной России: Сборник статей. М., 1990.
255. Погодин М.П. Записка о древнем языке русском // Известия Императорской академии наук по отделению русского языка и литературы. Ч. 5. Вып. 2. СПб., 1856.
256. Погодин М.П. История русского народа. Сочинение Н. Полевого. Т. I. М., 1829 // МВ. Ч. I. № 2. М., 1830.
257. Покровский И.А. История римского права. Минск, 2002.
258. Покровский М.Н. Избранные произведения. Кн. 3. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1967.
259. Покровский М.Н. Марксизм и особенности исторического развития России. Л., 1925.
260. Покровский М.Н. Очерк истории русской культуры. 6-е изд. Курск, 1924.
261. Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен. Т. I. Кн. 1-2. М., 1913.

262. Покровский М.Н. Феодализация православной церкви и татарское иго // Религия и церковь в истории России. М., 1975.
263. Полевой Н.А. История русского народа. Т. IV. М., 1833.
264. Политов В.В. «Полагаю, что труд «Золотая Орда и ее падение» заслуживает Сталинской премии». Отзыв А.Н. Насонова о монографии Б.Д. Грекова и А.Ю. Якубовского. 1951 г. // Исторический архив. 2014. № 2.
265. Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978.
266. Попов П.С. Яса Чингис-Хана и Уложение монгольской династии Юань-чао-дянь-чжан. СПб., 1907.
267. Похлебкин В.В. Татары и Русь. 360 лет отношений Руси с татарскими государствами в XIII-XVI вв. 1238-1598 гг. (От битвы на р. Сить до покорения Сибири). М., 2000.
268. Почекаев Р.Ю. Батый. Хан, который не был ханом. М., 2006.
269. Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды. Казань, 2009.
270. Пресняков А.Е. Мелкие заметки к Воскресенской летописи. СПб., 1901.
271. Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. М., 1918.
272. Приселков М.Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916.
273. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.
274. Пушкарев С.Г. Обзор русской истории. М., 1991.
275. Пушкарев С.Г. Самоуправление и свобода в России. Франкфурт-на-Майне, 1985.
276. Пушкарев С.Г. Элементы политической свободы и общественного самоуправления в допетровской Руси // Записки русской академической группы в США. Т. X. Нью-Йорк, 1976.

277. Радищев А.Н. Полное собрание сочинений в 3 т. Т. 3. М.-Л., 1952.
278. Радлов В.В. Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлуга // Записки Восточного отделения Императорского русского археологического общества. Т. III. СПб., 1889.
279. Решетов А.М. Николай Николаевич Козьмин: основные направления научной деятельности // Репрессированные этнографы. Вып. 1. М., 1999.
280. Рихтер А. Нечто о влиянии монголов и татар на Россию. СПб., 1822.
281. Рожков Н.А. Происхождение самодержавия в России. Пг., 1923.
282. Рожков Н.А. Татарское иго // Энциклопедический словарь Русского Библиографического Института Гранат. Т. 41. Ч. VII. М., 1936.
283. Россия в IX-XX вв. Проблемы истории, историографии и источниковедения / Сост. С.М. Каштанов и др. М., 1999.
284. Россия и Европа в историческом прошлом // Евразийский временник. Т. 5. Берлин, 1927.
285. Россия и степной мир Евразии: очерки [В.М. Викторин и др.]; под ред. Ю.В. Кривошеева. СПб., 2006.
286. Рудаков В.Н. «Иго» монголо-татар: что стоит за историографическим термином? // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. Сентябрь 2011 г. № 3 (45).
287. Рудаков В.Н. Концепция ордынского "ига" и отношения с Ордой в русском общественном сознании второй половины XIII - XVI веков // Вестник МГИМО-Университета. 2012, № 4.
288. Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII-XV вв. М., 2009.
289. Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.

290. Рыбина Е.А. О содержании берестяных грамот с географическими названиями // Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984-1989 гг.). М., 1993.
291. Рыкин П.О. Дуальная система власти на Руси при Александре Невском // Клепинин Н.А. Святой благоверный и великий князь Александр Невский. СПб., 2004.
292. Рыкина Г.С. Проблемы изучения менталитета на примере киевского и московского периодов нашей истории // Историческое обозрение. Вып. 1. М., 2000.
293. Рычков П.И. История Оренбургская (1730-1750). Оренбург, 1896.
294. Рязановски Н.В. Место России в Евразии: краткие исторические и историографические заметки // Место России в Европе и Азии. Будапешт-Москва, 2010.
295. Рязановский В.А. К вопросу о влиянии монгольской культуры и монгольского права на русскую культуру и право / Вступ. Стат. Г.В. Мелихова // Вопросы истории. 1993. № 7.
296. Саблуков Г.С. Очерк внутреннего состояния Кипчакского Царства. М., 1845.
297. Савва В.И. Московские цари и византийские василевсы. К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков, 1901.
298. Савицкий П.Н. Геополитические заметки по русской истории // Вопросы истории. 1993. № 11-12.
299. Савицкий П.Н. Евразийство // Евразийский временник. Кн. 4. Берлин, 1925.
300. Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997.
301. Савицкий П.Н. Степь и оседлость // Гумилев Л.Н. Черная легенда. М., 1994.
302. Сагарадзе М.И. Влияние монгольского ига на Россию. Кутаиси, 1895.

303. Самойлович А.Н. Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга. М., 1918.
304. Сахаров А.Н. Современная немарксистская историография и советская историческая наука: Беседа «за круглым столом» // История СССР. 1988. № 1.
305. Сахаров А.М. Образование и развитие российского государства в XIV-XVII вв. М., 1969.
306. Сборник материалов по истории исторической науки в СССР. М., 1985.
307. Седов В.В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VII-XV вв.) // МИА. 1960. № 92.
308. Селезнев Ю.В. Русские князья в составе правящей элиты Джучиева Улуса в XIII-XV в. Воронеж, 2013.
309. Селезнев Ю.В. Русь – Залесская Орда? Откуда растут татарские корни русской государственности // Родина. 2012. № 9.
310. Селезнев Ю.В. Титулатура Русских князей в XIII-XIV вв. и социально-политическая иерархия Золотой Орды // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. Средние века – раннее новое время. Сборник тезисов 17 конференции памяти В.Д. Королюка. М., 1998.
311. Сергеевич В.И. Древности русского права. Т. II. СПб., 1908.
312. Сергеевич В.И. Русские юридические древности. Т. II, 1900.
313. Скрынникова Т.Д. К вопросу о формировании монгольской государственности в XI-XII вв. // Исследования по истории и культуре Монголии. Новосибирск, 1989.
314. Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в представлении средневековых монголов: автореф. дисс. ... канд. исторических наук: 07.00.02 / Скрынникова Татьяна Дмитриевна. СПб., 1994.
315. Смирнов И.И. Общие вопросы периодизации истории СССР // Вопросы истории. 1950. № 12.

316. Смирнов Н.А. Изучение истории Ближнего и Среднего Востока // Очерки по истории исторической науки в СССР. Т. 1. М., 1955.
317. Смирнов П.П. Дополнительные замечания о литературных мнениях по вопросу о влиянии // Довнар-Запольский М.В. Русская история в очерках и статьях. Т. 1. М., 1909.
318. Соболевский А.И. Очерки из истории русского языка. Киев, 1884.
319. Согрин В.В. Идеология и историография в России: нерасторжимый брак // Вопросы философии. 1996. № 8.
320. Соколов О.Д. М.Н. Покровский и советская историческая наука. М., 1970.
321. Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию. Л., 1990.
322. Соловьев К.А. Дело власти. Отечественные историки о властных отношениях в Древней и Средневековой Руси. (IX - I пол. XV вв.). М., 2001.
323. Соловьев К.А. Эволюция форм легитимности государственной власти в древней и средневековой Руси // Электронное издание «Международный исторический журнал». 1999. № 1, 2.
324. Соловьев С.М. Взгляд на историю установления государственного порядка в России до Петра Великого. М., 1852.
325. Соловьев С.М. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. М., 1847.
326. Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 2. История России с древнейших времен. Т. 4. М., 1988.
327. Сочнев Ю.В. Русская церковь и Золотая Орда: автореф. дисс. ... канд. исторических наук: 07.00.02 / Сочнев Юрий Вячеславович. М., 1993.
328. Сочнев Ю.В. Формирование и трансформация золотоордынской политики по отношению к русской православной церкви (XIII-XIV). // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной

- конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII-XV вв.)». Вып. 1. Казань, 2009.
329. Стратонитский К.А. Монгольское управление покоренным Китаем и Арменией. М., 1913.
330. Струве П.Б. Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего в связи с развитием русской культуры и ростом российской государственности. Париж, 1952.
331. Сувчинский П.П. Монархия или сильная власть // Евразийская хроника. Вып. IX. Париж, 1927.
332. Тагиров И.Р. История национальной государственности татарского народа и Татарстана. Казань, 2000.
333. Татищев В.Н. История российская. Т. I. М.-Л., 1963.
334. Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. I-VII. М., 1994.
335. Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956.
336. Тихомиров М.Н. Средневековая Россия на международных путях (XIV-XV вв.). М., 1966.
337. Трепавлов В.В. «Белый царь»: Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV-XVIII вв. М., 2007.
338. Трепавлов В.В. «Евразийская» проблематика в научных дискуссиях России и Запада // Контактные зоны в истории Восточной Европы. М., 1995.
339. Трепавлов В.В. «Ордынское иго» в русской истории // Basileus. Сборник статей, посвященный 60-летию Д.Д. Васильева. М., 2007.
340. Трепавлов В.В. Восточные элементы российской государственности (к постановке проблемы) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. 1. М., 1993.
341. Трепавлов В.В. Золотая Орда в XIV столетии. М., 2010.
342. Трепавлов В.В. Статус «Белого царя»: Москва и татарские ханства в XV-XVI вв. // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. М., 1993.

343. Трепавлов В.В. Тюркская знать в средневековой России // Элита и этнос средневековья. М., 1995.
344. Трубецкой Н.С. Наследие Чингис-хана // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1991. № 4.
345. Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре // Евразийский временник. Кн. 4. Берлин, 1925.
346. Усманов А.Н. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1982.
347. Усманов М.А. А.Н. Самойлович и изучение актовых источников Джучиева улуса // Тюркологический сборник 1974. М., 1978.
348. Усманов М.А. Состояние и перспективы источниковедения истории Улуса Джучи // Источниковедение истории улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223-1556. Казань, 2002.
349. Устрялов Н.Г. Русская история. Ч. I. Изд. 5-е. СПб., 1855.
350. Ученые записки императорского лицея в память цесаревича Николая. Вып. 8. М., 1914.
351. Фаизов С. Тугра восточный герб России // Азия и Африка сегодня. 1995. № 4.
352. Фаизов С. Тугра и вселенная. М.; Бахчисарай: Древлехранилище, 2002.
353. Фасмер Р. О двух золотоордынских монетах // Записки коллегии востоковедов при азиатском музее АН СССР. Т. II. Л., 1927.
354. Фахрутдинов Р. Г.А. Федоров-Давыдов (к 70-летию со дня рождения) // Татарская археология. Казань. 2001. № 1-2.
355. Федоров М.М. Правовое положение народов Восточной Сибири XVII-начала XIX вв. Якутск, 1978.
356. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.
357. Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М., 1990.
358. Феннел Дж. Кризис средневековой Руси 1200-1304. М., 1989.

359. Филюшкин А.И. Заочный круглый стол «От Орды к России» // *Ab Imperio*. 2002. № 1.
360. Фирсов Н.А. Инородческое население прежнего казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация Закамских земель // *Ученые записки казанского университета*. Т. IV. Казань, 1870.
361. Фоменко А.А. Новая хронология Руси. М., 1996.
362. Хайретдинов Д.З. Мусульманская община Москвы в XIV – начале XX века. Н. Новгород: Б. изд., 2002.
363. Хаким Р. Россия и Татарстан: у исторического перекрестка // *Панорама-Форум*. 1997. № 1.
364. Халиков А.Х. 500 русских фамилий болгаро-татарского происхождения. Казань, 1992.
365. Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие. Элиста, 1991.
366. Хлебников Н.И. О влиянии общества на организацию государства в царский период русской истории. СПб., 1869.
367. Хлебников Н.И. Общество и государство в домонгольский период русской истории. СПб., 1872.
368. Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. Т. 4. Ч. 1. М., 1873.
369. Хорошкевич А.Л. Изменение форм государственной эксплуатации на Руси в середине XIII в. // *Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии: чтения, посвященные памяти академика Л.В. Черепнина. Тезисы докладов и сообщений*. Ч. 1. М., 1988.
370. Хорошкевич А.Л. Московское княжество в XIV столетии. Некоторые особенности развития // *Куликово поле. Исторический ландшафт. Природа. Археология. История*. Тула, 2003.
371. Хорошкевич А.Л., Плигузов А.И. Русь XIII столетия в книге Дж. Феннела // *Феннел Дж. Кризис средневековой Руси 1200-1304*. М., 1989.

372. Хрусталеv Д.Г. Русь и монгольское нашествие (20-50 гг. XIII в.). СПб., 2013.
373. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. Изд. 3-е, дополненное. М., 1991.
374. Черепнин Л.В. Исторические условия формирования русской народности до конца XV в. // Вопросы формирования русской народности и нации. М., 1958.
375. Черепнин Л.В. Об исторических взглядах А.Е. Преснякова // Исторические записки. Т. 33. М., 1950.
376. Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV-XV вв. М., 1960.
377. Черникова Т.В. Европеизация России во второй пол. XV-XVI вв. М., 2012.
378. Чимитдоржиев Ш.Б. Русские летописи как источник по истории средневековых монголов // Средневековая культура монгольских народов. Сборник научных трудов. Отв. ред д.и.н. Ш.Б. Чимитдоржиев, акад. АН МНР Ш. Нацагдордж. Новосибирск: Наука, 1992.
379. Чимитова Д.К. Отечественная историография влияния монголо-татарского ига на социально-экономическое, политическое и культурное развитие Руси // Чингис-хан и судьбы народов Евразии. Материалы международной научной конференции. Улан-Удэ, 2003.
380. Чичерин Б.Н. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей // Русский вестник. 1857. Т. 9. Кн. 1-2.
381. Чулошников А.П. Феодалные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII вв. // Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII в. / Отв. ред. А.П. Чулошников. М.-Л., 1936.
382. Чулууны Далай. Монголия в XIII-XIV вв. М., 1983.
383. Шамбинаго С.К. Русское общество и татарское иго // Довнар-Запольский М.В. «Русская история в очерках и статьях». Т. 1. М., 1909.

384. Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. М., 1993.
385. Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. — М.-Л., 1938.
386. Шикло А.Е. Исторические взгляды Н.А. Полевого. М., 1981.
387. Шмидт С.О. Становление российского самодержавства. Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1973.
388. Щавелев А.С. Съезды русских князей и восточно-кочевая политическая традиция // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. Средние века – раннее новое время. Сборник тезисов 17 конференции памяти В.Д. Королюка. М., 1998.
389. Щапов А.П. Общий взгляд на историю интеллектуального развития в России. Сочинения. Т. 2, СПб., 1906.
390. Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. Т. 2. СПб., 1770.
391. Щербатов М.М. Сочинения. История Российская от древнейших времен. Т. III. СПб., 1902.
392. Юрганов А.Л. У истоков деспотизма // История отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX - нач. XX в. М., 1991.
393. Юрганов А.Л. Удельно-вотчинная система и традиция наследования власти и собственности в средневековой России // Отечественная история. 1996. № 3.
394. Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М., 2009.
395. Якубовский А.Ю. Из истории изучения монголов периода XI-XIII вв. // Очерки по истории русского востоковедения. М., 1953.
396. Cherniavsky M. Khan or Basileus: An Aspect of Russian Medieval Political Theory // Journal of the History of Ideas. 1952. Vol. 20.; reprinted

- in: *The Structure of Russian History. Interpretive Essays*. Ed. by M. Cherniavsky. N.Y. 1970.
397. Graham F.R. *The Arches and the Steppe of the Empires of Scythia: A History of Russia and Tartary*. L., 1860; Curtain J. *The Mongols in Russia*. Boston, 1908.
398. Halperin Ch. J. *Muscovite Political institutions in the 14th Century* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Volume 1, Number 2, Spring 2000. Goldfrank D. *Muscovy and the Mongols: What's What and What's Maybe* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Volume 1, Number 2, Spring 2000.
399. Halperin Ch. *The Tatar Yoke*. Columbus, 1986. P. 22, 23; idem. *Russia and the Holden Horde. Mongol Impact on Medieval Russian History*. Bloomington, 1985.
400. Halperin Ch. *The Tatar Yoke*. P. 23; Spuler B. *Russia and islam* // *Slavic Review*. 1963. Vol. XXII.
401. Hammer-Purgstall Joseph von. *Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak*. Pesth, 1840.
402. J. Pelensky. *State and Society in Muscovite Russia and the Mongol-Turkic System in the 16th Century*. – *Forschungen zur osteuropäische Geschichte*. Bd. 27. 1980.
403. Miller D. *Monumental Building as an indicator of Economic Trends in Northern Rus' in the Late Kievan and Mongol Periods, 1138-1462* // *The American Historical Review*. Vol. 94. № 2. 1989.
404. Ostrowski D. *Muscovite Adaptions of Steppe Political Institutions: A Reply to Halperin's Objections* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Volume 1, Number 2, Spring 2000.
405. Ostrowsky D. *The Mongol Origins of Muscovite Political Institutions* // *Slavic Review*. 1990. Vol. XLIX.

406. Pelensky J. State and Society in Muscovite Russia and Mongol-Turkic System in the Sixteenth Century // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1980. B. 27.
407. Rauch I.V. Rusland und Europa in Zweigespach. Archiv fur Kulturgeschichte, 1953.
408. Riazanovsky N. Eastern Dispositism and Russia // Slavic Review, 1963. Vol. XXII.
409. Ruhl, L. Aufstieg und Niedergang des Russischen Reiches.
410. Spuler B. Russia and islam // Slavic Review. 1963. Vol. XXII.
411. Stokl G. Russland und Europa von Pater de Grossen. Historische Leitung, Bd. 184, H. 3. Munchen, 1957.
412. Thimm G. Das Ratsee Russland, Geschichte und Gegenwart. Stuttgart und Hamburg, 1952.
413. Vernadsky G. The Mongols and Russia. New Heawen, 1953.
414. Wittfogel K.A. Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power. New Heawen; L., 1957.
415. Wittfogel K.A. Russia and the East: A Comparison and Contrast // Slavic Review, 1963. Vol. XXII.

Интернет-ресурсы

1. Ахмяров А. Вспомним Магомета Сафаргалиева // Общественно-политическая газета татар республики Мордовия «Спутник Юлдаш» [Электронный ресурс]. - URL: <http://yuldash-sputnik.ru/2013/45-16/312-2013-04-23-14-00-10.html> (дата обращения: 8.08.2016).
2. Валеева-Сулейманова Г.Ф. "В советские годы нельзя было говорить о мусульманском искусстве" // Общероссийское информационное агенство мусульман. [Электронный ресурс]. - URL:

- http://www.infoislam.ru/publ/mnenija/intervju/guzel_valeeva_sulejmanova_quot_v_sovetskie_gody_nelzja_bylo_govorit_o_musulmanskom_iskusstve_quot/4-1-0-11379 (дата обращения: 8.08.2016).
3. Кадырбаев А.Ш. Золотая Орда как предтеча Российской империи // CA&CC Press® AB /Central Asia & Central Caucasus Press AB. [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.ca-c.org/datarus/kadirbaev.shtml> (дата обращения: 30.07.2016).
 4. Пайпс Р. Влияние монголов на Русь: «за» и «против». Историографическое исследование // Сайт журнального клуба Интелрос, «Неприкосновенный запас». 2011. №5. [Электронный ресурс] –URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nz/neprikosnovennyu-zapas-79-52011/12104-vliyanie-mongolov-na-rus-za-i-protiv-istoriograficheskoe-issledovanie.html>. (дата обращения: 31.08.2015).
 5. Речь директора ИИ АН РТ Хакимова Р.С. на праздновании 5-летия Института истории АН РТ в феврале 2002 г. // Сайт Института истории им. Ш.Марджани АН РТ [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.tataroved.ru/institut/about/> (дата обращения: 4.08.2016).
 6. Сапожников О.Я., Сапожникова И.Ю. Мечта о русском единстве. Киевский синопсис (1674). [Электронный ресурс] – URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/88887/Sapozhnikov%2C_Sapozhnikova_-_Mechta_o_russkom_edinstve._Kievskiii_sinopsis_%281674%29.html. (дата обращения: 17.01.2017).
 7. Трепавлов В.В. Отбрасывать драгоценное наследие российской тюркологии это непростительное расточительство // Сайт центрально-азиатского исторического сервера «Kyrgyz.ru». [Электронный ресурс] – URL: <http://www.kyrgyz.ru/?page=249> (дата обращения: 31.08.2015).
 8. Халит Н.Х. «Башня Сююмбике — образ Царства Казанского под российским управлением» // Реальное время. [Электронный ресурс]. - URL: <http://realnoevremya.ru/articles/34255> (дата обращения: 8.08.2016).